

Сергей Кравцов (Михалыч)

ТРИ НЕБЫЛИЦЫ ЗА ПОСТОЙ

Сергей Михайлович Кравцов

Три небылицы за постой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63382617

SelfPub; 2023

Аннотация

В некотором царстве, в некотором государстве... Обделённый судьбой подпасок Николка, на долю которого выпало немало невзгод, стойко переносит её удары и, несмотря ни на какие обстоятельства, остаётся добрым и отзывчивым. Твёрдость его характера, ум, благородство и отвага помогают ему побеждать любые трудности. Благодаря этому, он достигает невероятных жизненных высот. А искуснейший мастер Степан, которого преследует злая ведьма Нужда Беспросветная, вопреки настояниям чёрных, колдовских сил даже в, казалось бы, безвыходной ситуации остаётся самим собой и не склоняется перед злом. И его усилия оказываются не напрасны – зло повержено, злые колдовские чары разрушены. А вот весёлому, остроумному Солдату выпал случай явить своё хитроумие, чтобы помочь и себе, и своим спутникам. Не меньше хитроумия требуется и недотёпистому стражнику Захарке, чтобы вернуть похищенные сокровища Грамтарарамдии.

Содержание

От автора	4
Конь вороной, конь серебряный	6
СКАЗ ПРО СТЕПАНА-ДРОВОСЕКА, ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА	67
ТРИ НЕБЫЛИЦЫ ЗА ПОСТОЙ	115
Пропавшее сокровище, или приключения стражника Захарки Недосыпова	135
(новогодняя сказка)	135
Действие второе	142
Действие третье	158
Действие четвертое	163
Действие пятое	173

Сергей Кравцов

Три небылицы за постой

От автора

Наверное, нет такого человека, который не читал бы сказок. Их в мире придумано бесчисленное множество. И чего в них только нет! Есть самые невероятные события, есть волшебные вещи, имеющие сверхъестественные свойства, есть звери, которые думают и говорят по-человечески. Но всегда в сказках главное – люди. Даже если сказка о приключениях испечённого из теста Колобка – за этим простоватым хвастунишкой, который сумел обмануть и Зайца, и Волка, и Медведя, но всё равно достался хитрюге-Лисе, видится какой-то человек с похожей судьбой. Может быть, даже, кто-то из нас?..

И хотя счёт сказкам в мире пошёл на многие тысячи (а может, уже и на миллионы?), позвольте предложить ещё их некоторое количество. О чём эти сказки? Да, всё о том же – что добро всегда обязательно побеждает зло, что правда пересиливает кривду, что щедрость – мудра и прекрасна, а алчная жадность – глупа и бессмысленна... И кто с этим не согласится? Ну, а раз, все с этим согласны, то, тогда – за дело! Читаем!

* * *

Конь вороной, конь серебряный

Судьба человеческая, порой, очень причудлива. Кого-то она балует, осыпая своими подарками, а кому-то посылает одни лишь беды и невзгоды. Правда, и от самого человека в его жизни зависит очень многое. Иной из тех, что имеют от самого рождения всё, о чём только можно мечтать, до самой старости не живёт, а чадит никчёмным сорняком, ничего хорошего после себя не оставив. А вот, тот, что изначально был обделён, благодаря своему уму, храбрости, упорству и трудолюбию, не так уж и редко, достигает небывалых жизненных высот на зависть избалованным пустоцветам.

...Давно это было. Годов, скажем, триста, а то и все семьсот назад. В ту пору, может быть, лаптем щи и не хлебали, но в лаптях ходили – это точно. В те времена, если куда надо было поехать – так только на лошадях, а если куда плыть – так только под парусом. Или на вёслах. Вот так люди и жили – и в городе, и в деревне.

И вот в одной из деревень того царства-государства жил подпасок Николка, по прозвищу Ничей. А он и в самом деле был ничей. Где и когда родился – не помнил, кто отец и мать – не знал. Что с ними случилось, куда они делись – тоже. Помнил только, что ночь тогда была тёмная-тёмная, и много-много жаркого огня, после которого наутро он и остался совсем один у груды огненных углей на месте родительской

избы. Жил по людям – у кого переночует, а у кого и неделю проживёт, если хозяйева не против. Вот так потихоньку и подрос. Так бы и жил он в той деревне, если бы не один скверный случай. У богатого мужика как-то средь бела дня загорелся амбар полный зерна. Вся деревня сбежалась тушить. Огонь потушили, амбар спасли, стали разбираться, отчего загорелось, и кто мог поджечь.

Николка знал, что виноват-то сынок хозяина амбара – он там, за углом, тайком от отца табачком баловался, который у него же и крал. Но Ничей ябедой не был, и поэтому промолчал. Зато сын хозяина поспешил на Николку указать, дескать, это он виноват. Да ещё и расписал, будто сам видел, как Николка специально амбар поджёт. Засомневались люди: да, могло ли быть такое? Если ты видел, как Николка амбар поджигает, то почему не потушил сам, не позвал подмогу? Да и зачем бы нужно было сироте поджигать чей-то амбар? Но богатей и слушать никого не стал – как это, его сыночку, да не поверить?! Заорал Николке, чтобы убирался он из их деревни на все четыре стороны. Мол, добром не уйдёшь – сейчас же спущу цепных псов, затравлю тебя до смерти!

Побоялись деревенские жители вступить за сироту, и пришлось мальчишке идти, куда глаза глядят. Долго он скитался. В иное село зайдёт – и приветят, и накормят, а где-то, случалось, и на порог не пускали. Верно говорят: что ни город – то норов, что ни деревня – то обычай. И вот, как-то

шёл он через перелесок, и услышал чей-то крик:

– Спасите! На помощь!

Хоть и был Николка росту, как говорится, от горшка – два вершка, но от рождения и смел, и удал. Схватил палку покрепче, и побежал на крик. Выбежал он на луг, и увидел там стадо коров. А недалеко от стада, на пригорке, заметил двоих мужиков разбойничьего вида, которые напали на старика-пастуха. Собаку пастушескую они уже убили кистенём и теперь, как видно, надумали с пастухом разделаться. Ну, чтобы потом, без помех, угнать чужое стадо. И тогда свистнул Николка – Соловью-Разбойнику на зависть, отчего у разбойников аж в ушах у зазвенело, да ещё крикнул:

– Эй, Ванька и Петька, заходите справа! Захар, бей их слева! А ты, Никифор, беги, зови сюда всю деревню! Сейчас мы им покажем!..

Как услышали это грабители, перепугались насмерть, побросали ножи и кистени, и, что есть духу, кинулись в лес. Стал пастух благодарить Николку и расспрашивать – откуда он родом и куда путь держит. А как узнал, что мальчишка бездомный круглый сирота, стал его уговаривать, чтобы остался с ним.

– ...Избёнка у нас просторная, со старухой мы живём одни, так что, места тебе хватит, – сказал старик. – Будешь у меня подпаском. А там, если захочешь, можешь какому-нибудь ремеслу научиться. Или кузнечному, там, или гончарному – у нас в деревне умелого люда на всякую работу хва-

тает...

Подумал Николка, и согласился. Вечером с пастухом, дедом Кузьмой, пригнали в деревню коров, а там только и разговоров, что в соседней деревне разбойники напали на тамошнего пастуха, тяжело его ранили и угнали в лес чуть не полстада. Много хозяйств осталось там без скотины. Тогда рассказал дед Кузьма, что и с их деревней случилось бы то же самое, если бы не его новый подпасок. Посудачили сельчане меж собой, и решили: раз этот мальчишка такой бойкий и смелый, то пусть будет подпаском. Так Николка и остался жить в этой деревне, у деда пастушескому ремеслу учиться.

А пастушеская наука только на первый взгляд не шибко хитрая. Всяк, поди, думает: а что в ней особенного? На утренней зорьке стадо выгнал, на вечерней – пригнал, и все заботы. Если бы! На деле-то знать надо было все окрестные и дальние полянки, все опушки, все пригорки и лощинки, все травы, что там растут. Ведь иная трава, бывает, зацветёт – всё, животину к ней не подпускай, иначе отравится. И места с виду пригожие могут оказаться топьё непролазной, где и человек и скотина в момент без следа исчезнут, словно их и не бывало. А дед Кузьма знал очень многое. Знал, в каком ручье нельзя поить стадо, иначе молоко будет горьким, как полынь, знал травы, что как змеиный укус ядовиты, а ещё знал и то, какой травой от лихорадки и всякой иной хвори спасаться... Всё это Николке рассказывал да показывал. Как только стадо ляжет на отдых, выдастся свободная минутка,

он тут же – за науку. А мальчишка памятьвым оказался да смышлёным. Всё на лету схватывал, запоминал с первого раза.

Так вдвоём лето они и проходили за коровьим стадом. Всего им досталось через край – и зноя полуденного, и дождя проливного, и тумана непроглядного... А прошло лето, отложила осень, выпал снег – и кончилась их работа пастушеская. Чем зимой заняться? Дедова хозяйка – бабка Дарья, всю зиму за ткацким станком просиживала, ну а сам дед Кузьма и Николка взялись лапти плести, сети вязать, ложки да кадки строгать... Как мороз отпустит, идут на рыбалку с сетями. Рыбы наловят, везут на базар. Всё какая-то копейка, чтобы до весны дотянуть. Как-то выстрогал дед Кузьма Николке широкие лыжи охотничьи, смастерил ему лук и стрелы, научил с ними управляться, и стал подпасок в зимнюю пору промышлять мелкого пушного зверя. Глаз у него острый, рука твёрдая, на ногу скор. Так до весны и дожили. Да ещё и с прибылью оказались. А настала весна – снова в поля со стадом.

Прошло с той поры лет десять, или что-то около того. К тому времени дед Кузьма на ноги совсем ослаб, пасти уже не мог. Да и бабка Дарья тоже еле передвигалась. Теперь Николка стал у них главным добытчиком. За эти годы старики к нему привыкли, как к сыну. Да и Николка их за родителей почитал. Вымахал он крепким, да плечистым, умом смекалистым, нравом весёлым и на все руки умелым. И избушку

починил, чтобы не завалилась, и сад при ней посадил – всё у него получалось да ладилось. Заведёт, бывало, над речкой песню – рыбаки про свои сети забывают, косари и косы побросают, чтобы не мешали слушать. Даже разбойники, напав на купеческий обоз – и те начисто забывали, зачем вышли на большую дорогу. Ну а если заиграет Николка на своей пастушеской дудке плясовую, то и коровы, и их хозяйки идут, приплясывают.

Бывало дело, ещё в ту пору, когда Николка только-только появился в деревне, находились такие озлобыши, что над ним посмеяться норовили. Дескать, нищета ты безродная, нам, зажиточным – не ровня! А как вырос он да окреп, все болтуны да обзывалы свои языки сразу же поприкусили – попробуй, скажи такому богатырю что-нибудь обидное! Долго потом вспоминать придётся – Николка, вон, и медные пяточки пальцами пополам сгибал, и мог разогнуть руками самые крепкие подковы. Теперь все девки деревенские норовили ему на глаза попасться да приглянуться – а вдруг, сосватает? Только Николка насчёт этого и не задумывался. Видно, чуял, что где-то далеко от этих мест его судьба. А тут ещё холодным осенним днём не стало его стариков – до женитьбы ли? В один час они ушли. Как-то вернулся Николка, и прямо с порога увидел, что дед Кузьма и его старуха лежат на лавках во всём белом. Подозвал его к себе старик, и чуть слышно сказал:

– Ну, вот и всё, Николка, настал нам срок – ничего с

этим не поделаешь. Теперь один остаёшься жить. Хочу напоследок открыть тебе две тайны. Здесь, под печкой закопаны деньги – медь и малость серебра. Всю жизнь я их копил, всё хотел купить себе коня. Теперь его купишь ты. Только помни: бери коня всякого – рыжего, серого, гнедого, буланого, но только не вороного. Чует моё сердце – как бы не нажил с таким конём беды. И ещё, хочу поведать про одно диво – про это мне рассказывал мой дед. Раз в год из Ведьмина омута, что от деревни в пяти верстах, в ночь на Ивана Купала выходят три русалки на бережку порезвиться, по лужайкам поскакать. Случись в тот час поблизости путник, они его тут же заставляют сыграть им на гусях, там, или на дудке плясовую. И уж если русалкам он сумеет угодить – серебром наградят. Дадут столько, сколько сможет унести. А коль им его игра не люба будет – не обессудь, уташат в омут. Парень ты удалой, на всякое дело гожий. Прожить сумеешь и простым деревенским ремеслом. Ну а уж коль случится крайняя нужда, что хоть головой в омут – попытай удачи. Авось, повезёт...

Похоронили стариков, стал Николка жить один. Когда скотину поставили на стойло, вырыл в подпечье горшок с деньгами, и пошёл покупать себе коня. Да только с покупкой что-то у него не заладилось. Все окрестные деревни исходил, на всех ближних ярмарках побывал, а ничего подходящего так себе и не нашёл. Тогда собрался он на большую ярмарку в городе столичном. Туда идти пешком – недели две, а то и

больше. И дорога туда – как нарочно: всё по лесу, да по лесу. К тому же, хоть ещё и снег не выпал, а похолодало не по-осеннему. И вот, вышел Николка спозаранок, и по просёлку зашагал напрямиком. Ещё солнце не успело взойти, а он уже с два десятка вёрст отмахал. А ближе к обеду уже и через дальнюю гору сумел перевалить.

Идёт Николка через дубраву, и вдруг видит на развилке лесных дорог какого-то человека с бородищей до пояса. Стоит бородач под дубом и держит на поводе коня, да такого, что глаз не оторвать – и стать у него отменная, и грудь широкая, и ноги сильные. Одно плохо – конь этот масти вороной, а такого дед Кузьма не велел покупать. Но уж так захотелось Николке на этом скакуне погарцевать, что подошёл он к мужику, снял шапку, поклонился старшему, как положено по обычаю и поздоровался. А мужик – ни гу-гу, словно его и не замечает. То ли, ждёт кого-то, то ли, задумался так глубоко... Постоял Николка, полюбовался конём и спрашивает его хозяина:

– Скажи, добрый человек, а не продаёшь ли этого коня?

Мужик в ответ вдруг расхохотался, смотрит на него удивлённо, головой качает.

– Либо, ты купить надумал? За такого коня – сколько можешь дать?

– Да, вот, сколько имею... – ответил Николка и снял с плеча суму со своими деньгами.

Заглянул в неё мужик, и расхохотался ещё громче.

– Ну, и насмешил же ты меня! Да, за него золота надо в два раза больше, чем у тебя медяков. Иди парень мимо – не для тебя этот конь.

Видит Николка – и в самом деле, не выторговать ему этого скакуна. Собрался уходить и спрашивает напоследок:

– Так, а чего же ты стоишь здесь, в этой глухомани, добрый человек? Откуда тут взяться богатому купцу с мешком золота? Шёл бы, вон, на столичную ярмарку, продал бы там коня на царскую конюшню.

– А зачем мне в такую даль идти, ноги бить, сапоги рвать? – усмехнулся мужик. – На такого коня и здесь покупатель хороший найдётся.

– Да, будет тебе! – сомневается Николка. – Тут, вроде бы, царевичи-королевичи не проезжали сроду, графья да князья не проскакивали, богатых купцов в эти места и калачом медовым не заманишь. Кому ты его тут продашь?

– Коня купит тот, для кого я его и взрастил, – нахмурился мужик. – А вот с ним тебе лучше бы не встречаться. А потому, уходи-ка ты, парень, отсюда подобру-поздорову, и поскорее. А не то, появится он – худо тебе придётся. И медяки свои даром ему отдашь, и голову потеряешь.

– Да кто же он такой-то?! – ещё больше удивился Николка.

– Это – я! – словно медведь прорычал кто-то из чащи, и на дорогу вышел человечище ростом в косую сажень, с брюхом в три обхвата, с рыжей бородой в два локтя. – Владыка здешних лесов, атаман разбойников лихих Карпило-Живо-

дёр. Слыхивал обо мне, блоха двуногая?

Очень задело Николку то, как обозвал его атаман.

– А то, как же? Слыхивал! – кивнул он в ответ с таким видом, будто Карпило для него не душегуб-разбойник, а мелкий приказчик из скобяной лавки. – Вот, только, не думал, что ты такой толстый. Эк, тебя разнесло-то, болезного! Как же тебя этот конь носить будет? Чай, только взгромоздишься – сразу спину ему переломишь.

У атамана от того, что он услышал, даже глаза на лоб полезли. Выхватил он саблю и заорал на весь лес:

– Ах ты, невежа! Да знаешь ли ты, недоумок, что у меня в ногах князя валялись, графья сапоги целовали, молили о пощаде! А ты, деревенщина безродная, мало того, что самовольно заявился в мои владения, так ещё и языком своим глупым смеешь вести речи дерзкие? Умрёшь ты сейчас же, смертью страшною и лютою.

Тут, свистнул атаман – даже деревья закачались, и высыпало из чащобы со всех сторон три дюжины разбойников – все с луками-стрелами, все при ножах, все при саблях, с топорами и палицами.

– Эй, брательнички-разбойнички! – крикнул им атаман. – А изрубите-ка вы этого невежу на самые мелкие куски! Пусть знает, что с Карпилой-Живодёром шутки плохи!

Вскинули разбойники свои сабли и ятаганы, и накинулись на Николку. Ещё миг, и – быть бы ему убитым, да только размахнулся он своей сумой с монетами, которых в ней бы-

ло фунтов десять – не меньше, да так прошёлся ею по кругу, что все разбойники словно горох покатались, кто куда. И сабли и ятаганы побросали. Не ожидали, что оказалась су-ма тяжёлой, да и рука силой не обделена. А Николка тут же, следом, махнул сумой в другую сторону – разбежались, кто куда, и все остальные. Удивился атаман, совсем по-другому заговорил:

– Ого! Вижу, вижу я, что человек ты непростой. Ладно, будем толковать на равных. Давай ударим о заклад: коли выдержишь три испытания – твой конь. Коли не выдержишь – десять лет будешь у меня в дармовом услужении, исполнять станешь всё, что ни прикажу. Согласен?

Подумал Николка и кивнул:

– Согласен! Только давай наш договор на бересте составим и кровью своей подпишем.

Хоть и не хотелось этого атаману, но согласился он. Написали на бересте договор и подписались кровью.

– Слушай же! – говорит атаман. – Есть у меня лучник Афонька. Всех искуснее стреляет он из лука. Вон, видишь, висит жёлудь на верхушке дуба? Собыёшь его стрелой ты – твоя взяла. А если Афонька – наша.

Натянули Николка с Афонькой луки и выпустили по стреле. Афонька выстрелил первым, и срезала его стрела жёлудь вместе с веткой. Тут же просвистела стрела Николки, и на лету рассекла жёлудь пополам. Разбойники от удивления взвыли, а атаман от злости даже зубами скрипнул. Назначили вто-

рое испытание. Стал состязаться Николка с Никиткой-конокрадом – кто кого арканом захлестнёт. Метнул Никитка аркан, да Николка сразу же от него увернулся. А вот метнул Никола свой аркан – вмиг опутал конокрада с ног до головы. Снова взвыли разбойники, а атаман свою бороду в ключья рвать начал. Убил бы он Николку, изрубил бы саблей, а нельзя – сам же бересту подписал кровью. Знает, что если такое заклятие нарушить, беду на себя накличешь страшную и неминуемую.

– Ладно, – сказал Карпило-Живодёр, – теперь последнее испытание. Теперь мы с тобой тягаться будем. Кто из нас на этом коне усидит, тот и будет им владеть.

Подошёл он к вороному скакуну, а тот храпит, скалит зубы, на дыбы поднимается, из рук хозяина рвётся. И только запрыгнул Карпило в седло, как конь взвился свечкою, и словно пушинку стряхнул с себя разбойника. Грохнулся тот на землю, чуть рёбра не переломал. Настал черёд Николки. Подошёл он к коню, а сам с разбойников глаз не спускает. Те притихли, насторожились – обидно им, что какой-то пришлый по всем испытаниям их превзошёл. А атаман от жадности и злости, забыв про договор, начал нашёптывать своим подручным, чтобы стреляли они в Николку, если тому удастся удержаться в седле.

Понял Николка, что не хочет Карпило-Живодёр отпустить его живым, и решил пойти на хитрость. Поставил он ногу в стремя, а конь стоит, как вкопанный – видно, настоя-

щего в нём хозяина почуял. Снял Николка с плеча свою суму и кинул её под ноги разбойникам.

– Вот вам на память все мои богатства! – сказал он и запрыгнул в седло.

Услышали разбойники, как звякнули монеты, и подумалось им, что это золото. А потому вместо того, чтобы исполнить атаманов приказ, кинулись суму развязывать. А Николка тут же сорвался с места, и – был таков. Словно вихрь ускакал он по лесной дороге, только ветер в ушах шумит. Тут уж не зевай – глаза береги! А разбойники как увидели, что только медь с малой примесью серебра им досталась, пригорюнились.

– Эх, – говорят, – такого диво-коня на медяки променяли!

Бранясь, собрали они разбросанные луки и сабли, и побрели к своему вертепу, удивляясь ловкости и удали чужака. А Николка вернулся в деревню без лишнего шума и суматохи, и не стал бахвалиться конём. Спрятал его в старой дедовой конюшне, и всё пошло по-прежнему. Теперь у него появилась новая забота – кормить и холить своего скакуна. Чтобы конь не застоялся, ночами выезжал на нём верхом. Как началась зима, стал Николка рыбачить, охотился, а как настала весна, снова погнал в поля стадо. Пас, да думал про своё житьё-бытьё. Уж давно его досада разбирала, что, как ни работает он, как ни старается, а заработанного, не то, что на новую избу – на штаны с рубахой кое-как наскрести можно. «Поеду-ка я в другие места, – решил он как-то раз. –

Авось, там заработки побольше...»

И вот, объявил он старосте, что уезжает из деревни, и надо теперь на его место искать другого человека. Но не знал и не ведал он, что уготовила ему судьба на этот раз. Напоследок погнал Николка скотину за ближний буерак – место ему хорошо знакомое, травой и водопоем богатое. И всё шло как обычно до того часа, как гнать стадо домой. Вдруг, словно вынырнув из-под земли, появился перед стадом волк величины небывалой, и набросился на коров. В один момент загрыз почти с десяток.

Бежит к нему Николка с дубиной, а зверь и к нему метнулся, вознамерился клыками вцепиться в горло. Но пастух не оплошал, и со всего размаху ударил волка дубиной по голове. Взвыл волк и рухнул оземь. Замахнулся Николка, чтобы добить зверя, но тут налетел ветер, прямо в глаза ему пылью бросил. Всего на миг зажмурился пастух, а открыл глаза – волка-то и нет вовсе. Понял Николка, что не волк это был, а оборотень, и побежал собирать стадо, разбежавшееся по лесу. Всю животину собрал, кроме тех коров, которых зверь загрызть успел. Пригнал Николка стадо в деревню и тут же начался там крик да плач – почти половина целой улицы осталась без скотины. Кричат на Николку хозяева, клянут на все лады. Дескать, зачем погнал коров туда, где волки водятся?! Вот, чем хочешь, тем и расплачивайся за убыток!

Обидно стало парню, что на него такую напраслину возводят: не сразись он с оборотнем, вообще ни одна животи-

на из стада не вернулась бы! Однако не стал Николка пререкаться – что толку объясняться с теми, кто его слышать не желает? – и молча пошёл домой. Решил продать своего коня и рассчитаться с оскудевшими. Только не успел он и половины дороги пройти, как с того конца деревни, где стояла его избёнка, столбом повалил чёрный дым и туда побежали люди с вёдрами. Вслед за всеми побежал и Николка, чуя беду наихудшую. Когда подбежал к тому месту, где стоял его домишко, то даже в глазах у него помутилось: от избы одни угли остались. А всё, что нажить успел, в огне пропало без остатка. У конюшни – ворота нараспашку. Забежал в неё Николка, а коня там – как не бывало.

«Ах, дед Кузьма, дед Кузьма! – загоремычился он. – Не послушался я тебя, неразумный, взял себе коня вороного! Вот и начались у меня беды и неудачи...»

Но, как говорится, слезами горю не поможешь. Надо как-то эту беду перемочь. А как? И понял Николка, что настала-таки та пора, что хоть в омут головой. К тому же, услышал он, что завтра-то и будет день Ивана Купалы. Выходит, сегодня в полночь у омута три русалки будут караулить путников.

«Ну, раз так, – решил он, – нынче же ночью пойду к Ведьмину омуту!»

Дождался Николка вечера и, как стемнело, пошёл через лес при свете молодого месяца. Не стал брать с собой ни дубину, ни лук со стрелами, а одну лишь дудку-жалейку, что

досталась ему от деда Кузьмы. К полуночи вышел он на берег омута, сел на пригорке и стал ждать. А кругом – тихо-тихо, ни ветерка. Ни одна травинка не качнётся, ни один листик на вербах не дрогнет. Один лишь соловей заливается над гладким, как зеркало омутом. Но вот трижды ухнул в лесу филин, и из вод омута без единого плеска, словно тени, вышли на берег три зеленоволосые девы в платьях, серебром отливающих. И стали они бегать по траве, ни одной былинки не пригибая. А сами они как стеклянные – через них видны и кусты прибрежные, и деревья, и месяц через них просвечивает...

Играют русалки на пригорках и меж деревьями в пятнашки, друг над дружкой подшучивают, чему-то смеются, а голоса и смех у них – словно ручей журчит. Смотрит на них Николка, и отчего-то ему вдруг стало не по себе. Подумалось даже, что зря он прийти сюда надумал. Но уж, жалеё – не жалеё, что в такое дело ввязался, а коли пришёл – робости не поддавайся. В таком случае, коли слабинку дал – всё, прощайся с жизнью.

И вот видит он, что бегут русалки в его сторону. Увидели, значит. Неслышными холодными тенями подбежали и закружились подле него колдовским хороводом.

– Если ты пришёл сюда подневольно, то почему не плачешь, не кричишь, не убегаешь? – спросила его первая русалка.

– Если пришёл по собственному хотению, то почему без

подарков дорогих? – спросила вторая.

– Если пришёл за серебром, то знаешь, что жизнью за это можешь поплатиться? – спрашивает третья.

Отвечает им Николка:

– Пришёл я сюда не подневольно, правда, и без подарков дорогих. Был я беден до нынешнего дня, а сегодня и вовсе стал нищим. Дом сгорел, коня моего украли. Осталась у меня одна только дудка-жалейка. Коли хотите, могу вам сыграть.

Достал он из-за пазухи жалейку и заиграл на ней плясовую. Подхватились русалки, закружились – видно, по нраву пришлась им эта музыка. Пляшут они без усталости, неслышными тенями порхают над лугом, на ночном ветру платья да зелёные волосы развевая. Час играет им Николка, другой час пошёл, третий... А они всё пляшут и пляшут не останавливаясь. Ближе к рассвету чувствует он – совсем руки отнялись. Да и дуть в жалейку сил больше нет. Остановился Николка дух перевести, а русалки к нему подбежали, недовольствуются, серчают:

– Почему играть перестал? Или тебе не нравится, как мы пляшем? Или тебе серебро больше не нужно? Или боишься, что обманем?

– Пляшете вы – и сравнить не знаю с чем. Разве что, с облаками, плывущими в небе? И с серебром не обманете – знаю. Но не под силу ни одному человеку играть плясовую от вечерней до утренней зари!

– Нет! Не верим мы тебе! Не верим! – совсем рассердились русалки. – Мы тебе не понравились, вот и всё! И в наказание за это, мы забираем тебя на дно омута!

Обхватили его холодными руками, и повели к воде. Стал их просить Николка позволить ему сыграть напоследок ещё раз.

– Уж, коли суждено мне стать утопленником, то хотел бы сыграть самому себе заупокойную.

Отпустили они его, и заиграл он песню, да такую жалобную, что и небо тут же подёрнулось тучками, и стали падать капельки дождя. Заслушались русалки, стоят, боясь пошелохнуться. Больше чем плясовая понравилось им это. Говорят они Николке:

– Сыграй ещё такую же! Тогда не будем тебя в омут забирать.

А он видит, что до рассвета ещё не меньше часа. Начал он отговариваться, чтобы время потянуть: дескать, сразу-то и не вспомнишь. Вроде того, вот так, с кондачка, на ум ничего не идёт. Тогда сказала ему первая русалка:

– Если сыграешь песню не хуже прежней, дам тебе серебряный перстенёк с изумрудом. С тем, кому его подаришь, разлучить тебя никто уже не сможет, как бы ни старался.

– Будь по-твоему! – согласился Николка, и заиграл снова.

Вспомнил своё детство сиротские, все горести и обиды той поры. И снова слушали его русалки, боясь проронить хотя бы слово. Закончил он, а звёзды ещё только начали туск-

неть понемногу. Заговорила другая русалка:

– Играй ещё! Дам тебе раковину речную, которая тебя от любой хвори, от любого яда спасёт. Стоит опустить её в кубок с отравленным вином, и оно тут же станет целебным.

И ей смог угодить Николка. Третья русалка пообещала ему три лесных орешка. Стоит съесть всего один из них, как на день вперёд будешь понимать язык зверей и птиц. И тогда заиграл ей Николка самую жалобную, самую сиротскую песню из тех, что знал. Стоят русалки, а из глаз у них слёзы как град катятся. И только закончил он, как откуда-то из-за леса донёсся утренний крик петуха. Огляделся Николка, а никаких русалок нет и в помине. Сидит он на том же самом пригорке, как будто с места и не трогался.

«Уж, не приснилось ли мне всё это?» – подумалось ему.

Поднялся он на ноги, и видит: там, где русалки свои слёзы роняли, лежит на песке у омута целая грудa серебряных монет. Собрал он это богатство в заплечный мешок, и пошёл к деревне. Идёт, и чувствует – в кармане у него что-то лежит. Руку туда сунул, и достал подарки, обещанные русалками – перстенёк с изумрудом, пёструю речную ракушку и три орешка лещины. Шагает Николка по лесной тропинке, от радости ног под собой не чует – как же всё удачно обернулось! И жив остался, и богатства раздобыл, и волшебные подарки получил.

Видит он по дороге всякого лесного зверя и птицу, и разобрало его любопытство: а что, если испробовать действие

волшебного орешка? А тут, как раз, на большой дуб уселись два старых ворона, завели меж собой свой, понятный только им разговор. А Николка быстренько орех съел, и тут же стал понимать то, о чём судачат вороны. Один ворон хвастается:

– Эх и славно я попировал нынче утром! За буераком у деревни почти дюжина палых коров валяется. Теперь туда и зверь бежит, и птица слетается. Всем хватит вволю насытиться.

– Отколь же нам такое счастье привалило? – удивляется второй.

– Вчера волк-оборотень порезал. Это мельник с речки Дрёмы. Он давно чёрным колдовством промышляет. А стадо порезать его подговорил атаман разбойников Карпило-Живодёр – мельник ему дядькой доводится. Мельник и избушку пастуха поджёг, и коня у него для племянничка украл...

– Ай, как славно получилось! – радуется второй ворон. – Ну, давай, брат, полетим туда, а то что-то я проголодался...

И, взмахнув крыльями, полетели они к буераку.

«Вот оно что! – изумился Николка. – Значит, это мельник был... Ну, погоди, оборотень проклятый! Рассчитаюсь я с тобой...»

Походит он к деревне, а там у церкви народ собрался, про Николку речи ведут. Дескать, и – такой он, и – эдакий... Иные кричат:

– Надо бы его в железо заковать и отвезти в царский суд, чтобы наказали его как татя и разбойника!

И тут подошёл к ним Николка, и, не тая обиды горькой, спросил:

– Эй, народ православный, разве это я, а не волк-оборотень без скотины вас оставил? Что же вы, ничего доброго не помня, огульно вешаете на меня всякую вину? А скажите, мужики, силой не обделённые, кто из вас в одиночку осмелится бы в поле с оборотнем сразиться? Молчите? То-то же! Всяк смел и отважен, когда уже лихо миновало. Ладно, не бранитесь и не горюйте. Нашёл я чем расплатиться с оскудевшими, кто без животины остался. Подходите, со всеми рассчитаюсь.

И тут же каждому, кто остался без коровы, отсыпал по две пригоршни серебра. Обрадовались люди – Николка-то с ними сторицей расплатился. Иные, чья скотина цела осталась, даже жалеть начали, что не у них коров оборотень порезал. Совсем другие пошли разговоры. Николке кланяться начали, хвалить его на всякие лады. Только он на похвалы не падок был. Молча отнёс в церковь суму с остатком серебра и оставил его там на сирот, калек и нищих.

Стали люди уговаривать его снова идти в пастухи. Только он отказался наотрез.

– Не обессудьте, люди добрые, но здесь моей судьбы нет. А где она – пока, и сам не знаю. Ну а чтобы обо мне худой славы не осталось, укажу вам, кто в наших местах волк-оборотень. Это мельник-чернокнижник с речки Дрёмы.

Расшумелся тут народ, взбаламутился, кто – верит Никол-

ке, кто – не верит. Мол, чем докажешь, что мельник с Дрёмы – оборотень?

– Что спорить попусту? – говорит Николка. – Когда я схватился с волком, то ударил его по голове дубиной. Вот, пойдёмте и посмотрим, что с головой у мельника.

Ещё громче шум поднялся. Похватали мужики колья осиновые, и пошли вслед за Николкой. А путь до Дрёмы был неблизким. Лишь к обеду до неё добрались. Обступили мужики мельницу, стали стучать в ворота и кричать мельнику, чтобы вышел к ним. Но, как ни звали, никто не показался. Ни шороха, ни стука, как будто в мельнице вообще нет никого. Лишь вода шумит на мельничном колесе, да ветер воротами поскрипывает. Снова стали мужики кричать, чтобы вышел он и во всём сознался. Пригрозили даже мельницу поджечь. И тут же из-за ограды вылетел огромный, невиданный в этих краях филин. Заухал он, у людей над головами закружился. Косит на них глазом кровавым, того гляди, клюнет кого-нибудь или когтищами схватит...

Подхватил Николка с земли камень-голыш и, что есть силы, запустил в филина. Угодил камень оборотню прямо в бок. Вскрикнул филин не по-птичьи, и рухнул на землю. Чуть коснулся травы, тут же обратился в огромного матёрого волка со свежей отметиной на голове. Кинулись мужики врассыпную – кто ж думал, что мельник и в самом деле оборотнем окажется?! А волк, оскалив зубы, кинулся на Николку, заранее радуясь, что у того нет с собой дубины, и те-

перь ему обороняться нечем. Только зря он радовался. Николка не растерялся и подхватил кем-то оброненный осиновый кол. Размахнулся, и всадил его остриём прямо в оскаленную волчью пасть. Тут и мужики опомнились, набежали со всех сторон, и – давай оборотня кольями охаживать. Взвыл он, повалил от него чёрный дым, и осталась от мельника только кучка чёрного пепла.

Смотрит Николка, а невдалеке от мельницы – конюшня обветшала, из которой доносится конское ржание. Подбежал к ней, заглянул внутрь, и увидел своего коня, который стоял привязанный, с мешком на голове. Обрадовался он, вывел коня и, положив седло, поехал на нём обратно к деревне. Мужики следом за ним идут, друг перед другом своей смелостью да удалью бахвалятся. Лишь один Николка, слушая их, молча про себя усмехается. Вернулись они домой на закате, а по деревенской улице идёт десятский из царской дружины с двумя ратниками, каждый при сабле и бердыше. Десятский в трубу трубит, ратники в барабаны бьют.

Как собрался народ от мала до велика, десятский развернул бумагу казённую и начал читать царский указ:

– Царь-государь Дементий Премудрый велит всякому храброму да удалому прибыть к его двору, дабы сослужить ему службу верную. Напало на наши края чудище небывалое о трёх головах, на коне железном. Кто его сумеет одолеть – получит великую награду.

Стоят мужики, меж собой о чём-то гомонят, всё подсчитывают да прикидывают – идти ли им на службу царскую, или пока что погодить? Уж никто и не вспоминает свои недавние речи хвастливые. А Николка подошёл к десятскому, спрашивает:

– А скажи мне, служивый, что за награду царь обещает?

– Три сундука золота, – начал загибать пальцы десятский, – если кто не из родовитых – титул князя светлейшего, а в придачу, во владение – богатый город торговый и сто деревень вместе с ним.

– Ну, это мне подходит! – сказал Николка. – Поеду, попытаю счастья. Чай, чудище-то не страшнее оборотня будет?

Услышали это люди, стали его отговаривать: дескать, не ходил бы ты на службу тяжкую и опасную! А мы бы тебя старостой выбрали, избу бы новую всей деревней сладили, невесту подыскали наилучшую с приданным богатым... Но не польстился Николка на эти посулы, поклонился людям и сказал им на прощание:

– Когда по нашему царству разгуливает страшное чудище, неся смерть и разорение, к лицу ли мне прятаться за печкой и думать о корысти? А ну, как, сюда оно к нам нагрянет? Что тогда делать будем? С ним в сравнении, гляди-ка, и волк-оборотень пташкой-синичкой покажется. Нет, люди добрые, не останусь я здесь. Коль уж выбрал дорогу ратную, назад пути для меня уже нет. Может статься, и голову сложу. Значит, так тому и быть. Не поминайте лихом!

Запрыгнул он в седло, и поскакал из деревни в сторону большой дороги, что ведёт к стольному граду. Весь следующий день провёл он в пути – ехал вдоль нив цветущих, вдоль дубрав тенистых, по лугам зелёным. Потом – ещё день, ещё день... Хотя и резвый конь у Николки, а целых пять дней он добирался. И конь устал, и сам он утомился, как будто все эти дни отработал на сенокосе. А когда добрался до столицы, остановился на холме, залюбовался городом с куполами золотыми, с башнями высокими, с теремами богатыми, с воротами серебром обшитыми. Правда, пригороды, что вдоль стен городских тянулись, оказались ничуть не богаче той деревни, где он вырос. Стал Николка думать, куда бы ему определиться на постой. Едет он по посадской улице меж деревянных изб, а по дороге идёт старуха с большой вязанкой дров. То ли сама обессилела, то ли вязанка тяжеловата оказалась, да только споткнулась она и упала. И нет бы, прохожим помочь ей подняться. Куда там! Кое-кто ещё и насмеяться начал. Рассердился Николка, сказал этим пустосмехам:

– Эх вы! И не стыдно над старым человеком потешаться? А ну, прочь отсюда зеваки, не то – плетью всех попотчую!

Зеваки тут же – кто куда, а Николка спрыгнул с коня, помог старухе подняться, спрашивает её:

– Что ж, бабушка, такую ношу на себя неподъёмную взгромоздила?

– Эх, милый, – вздыхает та, – живу одна, дома дров – ни щепки, поесть не на чем сварить. А тут купец не жадный

подвернулся, на одну медную монету дров дал вдвое больше, чем другие.

Взялся Николка помочь ей дрова донести до дому. Ста-ла старуха его расспрашивать, кто он и откуда. Услышала, что собирается незнакомец сражаться с чудищем, только и вздохнула.

– Ох, и много уже удальцов погубило чудище трёхглавое – не сосчитать! Неужто, надеешься, что тебе повезёт?

– А это – как судьба решит, – ответил Николка. – Не всем же от неё бегать? К тому же, бегай – не бегай, а она и за печкой найдёт.

Узнав, что остановиться молодому богатырю негде, старуха предложила пожить на её подворье. Поставил Николка коня в давно пустовавшую конюшню, дал ему овса, налил воды, а сам поужинал, забрался на сеновал и тут же уснул сном непробудным. Что ни говори, а такой долгий путь – всякому ли по силам?

Тем временем хозяйка подворья, которую по уличному звали Селивёрстовной, пошла по соседкам, чтобы хоть что-то выведать про чудовище трёхглавое. Ну, не могло такого быть, чтобы кто-то хоть чего-то о нём не знал. Земля, как говорится, слухом полнится! Всю свою улицу исходила, да только и удалось ей узнать, что чудовище чем-то непонятным с какой-то горой дальней связано. Уже не раз замечалось, что как только за лесом закружится чёрная туча, вскорости появляется и Трёхглавый. Только, вот, где эта гора –

точно сказать никто не смог. А ещё узнала она, у кого для её постояльца можно раздобыть хорошие доспехи.

Поведала Селивёрстовне об этом вдова кузнеца, к которой она зашла напоследок. Много лет назад приснилось мужу той женщины, будто подъехал к его кузне небывалого вида витязь на белом коне с гривой до земли, в золотых доспехах, и с копьём в руке. И объявил кузнецу незнакомец, что должен он отковать панцирь, который ни стрела, ни меч не возьмут. А ещё меч, который может рассечь и железо, и камень.

– А каков из себя тот человек, для которого я буду ковать доспехи? Сколь он высок, сколь широк в плечах? – спросил кузнец.

– Делай, как душа подскажет, – ответил витязь. – Тому воину, что придёт за панцирем и мечом, они будут впору.

Повеление своё незнакомец приказал держать в тайне, поэтому кузнец работал над доспехами украдкой от всех, больше десяти лет. И закончил работу за год до своей смерти. Даже его жена об этом ничего не знала. Лишь на смертном одре рассказал кузнец ей про свой сон, и назвал то место, где были спрятаны доспехи. Когда она уже вдовой пошла в церковь заказывать заупокойную по мужу, то на иконе вдруг увидела того самого витязя, что ему приснился. Это был сам Георгий Победоносец. И вот теперь, как видно, настало то время, когда за доспехами должен был прийти тот, для кого они и предназначались.

– ...А какой масти конь у твоего постояльца? – напоследок спросила вдова.

– Вороной, – сказала Селивёрстовна.

– Ну, значит, это он и есть! – согласилась та. – Покойный муж мне и сказал про всадника на вороном коне.

Утром проснулся Николка, умылся родниковой водой, почистил и снарядил коня, чтобы в город въехать было не зазорно. А как сел завтракать, хозяйка подворья ему и рассказала про свой вчерашний разговор с вдовой кузнеца. Удивился Николка и обрадовался – значит, сама судьба определила, что надлежит ему сразиться с неведомым чудовищем. Пришли они к вдове, и с ней вместе отправились в старую, уже завалившуюся кузню. Велела вдова копать перед самым горном. Взялся Николка за лопату, и вскоре увидел дубовую дверь, под которой открылся обложенный камнем подвал. В нём-то и были спрятаны чудесные доспехи. Достал их молодой богатырь, примерил, и сразу же стало ясно, что ковался панцирь на него – лёг он на плечи раз в раз, словно сделан был по точной мерке.

Поблагодарил Николка Селивёрстовну и вдову кузнеца, сел на коня и поехал в город. Когда проезжал ворота, стражники и рты пораскрывали, глядя на незнакомого воина. Да и то, как не удивиться? Начищенные доспехи на нём сверкают, аж глаза слепят, конь вороной, стати чистокровной, идёт, приплясывает, из булыжной мостовой высекает искры подковами – в разные стороны они так и брызжут. Пока Никол-

ка до дворца доехал, за ним целая толпа увязалась. Таращатся на незнакомца столичные жители, никак в толк не возьмут – что за богатырь? Каких земель? А на площади перед царским дворцом уже дюжины три удальцов собралось. И не просто витязей, а знати родовитой – и здешней, и заезжей. Все, сплошь – князья светлейшие, графья сиятельнейшие, герцоги, виконты, бароны именитые, и ещё невесть кто.

Все разодеты в шелка и бархат, доспехи на них золочёные, у всех сбруя камнями самоцветными украшена, сабли и мечи лучшими заморскими кузнецами кованы... Прямо, как будто, не на битву собрались, а на весёлую пирушку. Увидели они Николку в простой, одежде из льняного полотна, в доспехах без позолоты, на коне с простой воинской сбруей, и давай над ним потешаться. Дескать, ты-то куда, мужик лапотный притащился? Тебе ли, деревенщине, в одном строю с нами, благородными, стоять? А следом за своими барами и их челядь захихикала. Только не на того они напали, чтобы оконфузить и вывести из себя. Усмехнулся Николка и спросил витязей благородных:

– В добрый ли час смеяться надумали, честные богатыри? Что тешиться до сечи, коли пока неведомо, кто из тут собравшихся будет смеяться после неё?

Сразу же попритихли, понурились удальцы. Вспомнили, что за битва им предстоит, всяк тут же задумался о своей доле. Тут протрубили трубы и глашатаи объявили:

– Эй, молодцы-богатыри! Эй, люд столичный! Слушайте

царское слово, государево наставление.

Открылись ворота дворца, и на площадь вышел царь с боярами. Долго стоял в тяжком раздумье Дементий Премудрый, не говоря ни слова. Примолкла площадь, даже лошади перестали гривой потряхивать. И сказал царь всем собравшимся:

– Знаю я, что не всем из вас суждено вернуться. Страшен и силён Трёхглавый. Но не сробейте, славные воины, одолейте чудище. Иначе погубит оно наше царство, опустеют наши города и веси. А уж я сдержу своё слово царское. Будет тому, кто сразит погубителя земли нашей и уже обещанное, и иная награда. Отдам я победителю страшилища свою дочь единственную в жёны, и быть ему моим наследником на престоле.

Снова протрубили трубы, и из дворца со своими прислужницами и наперсницами княжеских родов вышла царевна Настенька. Встала она рядом с отцом, взгляд потупив. Увидел её Николка, и дух у него захватило – уж, так хороша она собой! А огляделся по сторонам, посмотрел на знать родовитую, и горько ему стало – где уж ему, простой сермяге, с такими-то тягаться, в золото и самоцветы разнаряженными, одетыми, чуть ли не богаче самого царя? Ведь если даже и суждено ему победить трёхглавое чудовище, то удастся ли покорить сердце Настеньки? Захочет ли она по своей воле стать женой – пусть и богатыря, но из простонародья? А если вдруг окажется, что отдавать за него царевну будет против её воли, то зачем ему такая женитьба? Нрав имел Николка

открытый и прямодушный, и потому знал заранее, что если не люб ей окажется, то ничего ему тогда вовсе не нужно.

Приказал царь всем богатырям пройти перед ним по одному, чтобы каждого он смог увидеть, каждому мог дать своё напутствие. Спешились витязи с коней, и один за другим, по роду и чину, пошли перед царём, отрекомендовываясь, кто таков, и выслушивая царское благословение. Первым пошёл боярский сын Фолопий – самый знатный и родовитый. Благословил его царь на подвиги, а он, проходя мимо царевны, снял с пальца тяжеленный золотой перстень с огромным алмазом и бросил к её ногам, как бы желая объявить, что когда вернётся с победой, примет драгоценность назад только с её согласием отдать свою руку. Следом пошёл княжеский сын Аникей. У этого перстень был чуть полегче и украшен рубином. Третьим оказался иноземный герцог Шмургундский, у которого перстень был украшен бесценным синим бриллиантом. Николка шёл последним. Остановился перед царём, как и все прочие витязи преклонил колено и объявил:

– Крестьянский сын Николка, по прозвищу Ничей. Из дальних мест приехал биться со страшным чудищем, не щадя ни крови своей, ни жизни самой!

Удивился царь, да и бояре растерялись. В столицу если и приезжали смельчаки из простонародья, то только чтобы быть на подмоге у воинов благородных кровей. А тут – крестьянский сын наравне с именитыми витязями биться собирается. Хотя... На вид-то он ничуть не хуже любого князя

или графа. И походка твёрдая, и речь смелая, и взглядом чист, и статью своей настоящий воин. Тем паче, что и доспехи у него большим мастером сработаны, да и конь такой, что любому заморскому королевичу на зависть.

Делать нечего, благословил царь воина Николку на подвиги ратные, пожелал ему победы над Трёхглавым. А Николка, глядя на брошенные к ногам царевны перстни, достал подарок русалки и положил тонкий серебряный перстенёк с крохотным изумрудом поверх всех остальных. И пошла рать богатырская за городские ворота, чтобы сыскать в чистом поле врага неведомого и скрестить с ним свои мечи. Как покинули витязи площадь, приказала Настенька собрать перстни и сложить их в ларец красного дерева, чтобы потом, на победном пиру, вернуть украшения хозяевам. Но вот серебряный перстенёк последнего из витязей почему-то подняла сама. Запомнился он ей обликом простым и благородным, манерой скромной, без бахвальства и самодовольства. И близко он не был он похож на расфурфыренных как павлины, надутых и важных, как индюки княжичей и бояричей. Надела Настенька серебряный перстень себе на палец, и тут же поняла, что только Николку и будет ждать с поля брани.

А витязи выехали за городские ворота в чисто поле, стали по сторонам оглядываться – не видно ли чудовища? А его – что искать? Трёхглавый и сам – тут, как тут. С нынешнего утра уже и ближние к столице деревни, и посады в пепел успел обратить. Не пощадил ни старого, ни малого. Кто от

чудовища схоронился – жив остался, кто не успел – мёртв лежит.

Смотрят витязи, и видят: выезжает из чадного, дымного пожараща всадник вида необычного на каком-то страшном, уродливом коне. И не поймёшь: зверь это едет или не зверь, человек или не человек? Над его плечами на длинных шеях высятся три одноглазые драконьи головы, на каждой из которых – по золотому рогу. За спиной сложены перепончатые крылья, в когтистых лапах два кривых меча-ятагана, покрытых запёкшейся кровью. Да и конь его тоже с золотым рогом на лбу больше похож на дракона, чем на коня. Из его клыкастой пасти не ржание исторгается, а рёв и шипение вперемешку с языками пламени.

Как увидели витязи это страшилище, сразу же им стало не по себе. Поняли они, что просто так его не победить. Скорее, этот Трёхглавый может иссечь в капусту любого из них, как бывало уже не раз с теми, кто выходил против него прежде. А когда подскакало чудовище к ним поближе, холодея сердцем, витязи увидели острые железные копыта коня, впивающиеся в землю. Остановился Трёхглавый, дохнул огнём и, глядя на людей своими кровавыми глазами, всеми тремя пастьями клыкастыми хрипло расхохотался.

– Эй, людишки! Неужто меня, самого Погубилу Смертоносца, победить надеетесь? Уносили бы вы ноги, подобру-поздорову! И часа не пройдёт, все мертвы лежать будете!

Стали богатыри впопыхах судить и рядить – как им лучше

в бой вступать? Всем сразу накинуться, или по одному выезжать? Хотел Николка своё присоветовать – каждому разом выпустить в чудище по стреле, и сразу же, пока оно не опомнилось, накинуться на него самым сильным бойцам на мечах. Да только чванливая знать его и слушать не стала. Мол, много ли ума у мужика, у деревенщины? И решили витязи, что выезжать будут по одному. Первым вызвался боярский сын Фолопий. Метнул он в Погубилу своё длинное, острое копьё, да только тот проворен оказался – отскочил в сторону, и воткнулось оно в землю далеко за его спиной. Тогда кинулся Фолопий на чудище с мечом иноземным, золотыми узорами узукрашенным. Замахнулся и ударил. А Трёхглавый один из своих мечей подставил, и меч боярича развалился на две половины, словно был слеплен из хлебного мякиша. Снова расхохотался Погубила, и заорал голосом страшным:

– Вот и смерть твоя настала!

И впрямь, ещё бы миг, и слетела бы голова боярского сына, да тут просвистели три стрелы одна за другой, вонзившись в разверстые пасти всех трёх голов, и ручьями хлынула из них чёрная кровь, заливая коня и доспехи. Взвыл Трёхглавый и кинулся наутёк, в одно мгновение скрывшись в чёрном дыму пожара. А Фолопий вернулся к витязям и стал благодарить их за подмогу, хвалить стрельбу меткую. А те руками разводят, на Николку указывают – это он тебя выручил, а не мы. Уж, как осерчал Фолопий!

– Ишь, – говорит, – выискался помощник! Я бы и без тебя,

мужик лапотный, с чудовищем справился бы. Впредь – знай своё место, да под ногами не путайся.

Промолчал Николка, ничем не стал отвечать на это неумное чванство. Вернулись богатыри в город, поехали в царские палаты пировать, праздновать первую ратную удачу, своей удалью да богатырской силой хвастаться. А Николка – напрямик в слободку, к себе на постой. Расседлал коня, дал ему поесть-попить, а сам начал править сбрую, чистить доспехи и точить свой меч. А после ужина снова отправился на сеновал. Только вот сон к нему всё никак не идёт. И про завтрашний день думается, про новую битву с Трёхглавым... А тут ещё и царевна Настенька стоит пред глазами. Запала она ему в душу. И не потому, что царевна, и не потому, что собою пригожа, а взгляд у неё добрый и душевный. С такой – хоть сто лет проживи, но и сердце к ней не остынет, и душа не зачерствеет.

Вышел он в сад, сел под старую яблоню и задумался. Неведомо сколько он просидел, только видит – мелькнули над садом птичьи крылья, и на яблоню сели две большие серые совы. Начали они ухать, по-своему, по-совиному, меж собой о чём-то разговор вести. Достал Николка из кармана лесной орешек и быстро его съел. И тут же услышал, как одна сова спрашивает другую:

– А что, тётка, ты и впрямь считаешь, что Погубилу Смертоносца никто из богатырей не сможет одолеть?

– Никто! – ухает другая. – Потому, что защищает его и

от копья, и от меча неведомая колдовская сила. Отсекут ему руку – через день вырастет другая. Отсекут все три головы – через неделю они опять на месте. Изрубят его на мелкие кусочки – пройдёт время, всё опять срастётся. На каждой из его голов – по золотому рогу. Через них-то и приходит к нему сила тысячи демонов, что породили его из адского огня.

– И в чём же кроется это колдовство? – снова спросила молодая.

– Это страшная тайна, и знать её – не всякому дано... – перешла на шёпот старая сова. – Есть в двух днях пешего хода от стольного града высокая гора. На её вершине – густой, непроходимый лес, посреди которого голая поляна. Не растёт на ней ни травинки, ни былинки. Есть один лишь сухой куст терновника. Но – ой, какой же он опасный! Стоит его коснуться хоть человеку, хоть зверю или птице – и конец ему, всякий тут же сгорит без остатка. В гуще куста скрывается змея железная с золотым рогом на голове. Ни огнём ту змею не сжечь, ни мечом не разрубить. Держит она в своей пасти, ни на мгновение не выпуская, чёрное, каменное яйцо. Вот в нём-то и скрыта сила Трёхглавого. Если яйцо разбить, в тот же миг развалится он на части и обратится в чёрную глину. Но даже если и сыщется удалец, который доберётся до вершины, то у змеи яйцо ему ни за что не отнять. Стоит ему подойти к терновнику, как, она тут же его задушит, обвившись вокруг шеи. Яйцо разбить тоже непросто – прежде его надо раскалить на семи огнях, а потом бить по нему се-

мью самыми тяжёлыми молотами.

Заухали совы, взмахнули крыльями и скрылись в ночной темноте. Долго думал Николка над услышанным. Уж, не про ту ли гору рассказала старая сова, что ему нынче утром говорила и Селивёрстовна? Вот бы её разыскать! Положим, взобраться на вершину он сможет. Вот, только, как справиться со змеёй, не коснувшись терновника? А идти туда, хочешь – не хочешь, придётся. Раз Трёхглавого оберегает чёрное колдовство, то человеческой силой это чудовище – попробуй, одолей! Хоть тысячу богатырей собери – ничего они поделать не смогут. Поэтому выход тут может быть только один: найти гору, добыть колдовское каменное яйцо и разбить его.

И тут пришла Николке мысль: а что, если применить хитрость и смекалку? А пусть чудовище само укажет, где находится его заветная гора. Ну а на змею тоже можно будет найти управу!

Отломил Николка с яблони сухой сучок, взял ножик, и что-то начал вырезать из дерева. Почти до рассвета просидел со своей работой. Потом опять забрался на сеновал, и проспал там до первых петухов. А как солнце поднялось, он поехал к городским воротам. Все витязи уже на площади. Вчерашний день вспоминают, о нынешнем разговоры ведут. Как подъехал Николка, все знатные богатыри тут же скривились, как от редьки горькой, меж собой шушукаться начали да на него исподтишка пальцем указывать. На вчерашнем-то пиру его хоть и не было, но витязи сразу же приметили на паль-

це царевны серебряное колечко с изумрудом. Тут же догадались, чьё оно. Обуяла их чёрная зависть и злое недовольство: как же это так? Дочь царя заранее сделала свой выбор в пользу какого-то лапотного мужика, деревенщины неотёсанной?!

Пуще всех был зол боярич Фолопий. Поэтому вчера ещё во время пира куда-то послал своего самого верного слугу с тайным письмом и сумой золота. Увидел Николку боярский сын, и тут же надменно отвернулся, словно тот днём прошедшим его не от верной смерти спас, а наоборот, сам пытался погубить.

Стали витязи уговариваться, как биться им с чудищем сегодня. Решили нападать сразу по трое, с разных сторон. Сражаться до первой крови или поломки оружия. Как только первые трое дальше бой вести не смогут, их тут же сменят другие. Послушал Николка и говорит:

– Разумно придумано, только сами же видите, что вся сила чудища в чёрном колдовстве. Как ни сражайся с этим супостатом, колдовство простой силой не пересилить. Может, кто знает, где в двух днях пешей ходьбы от столицы есть гора с сухим кустом терновника на вершине? Ведомо мне стало, что там и кроется сила Трёхглавого.

В ответ витязи руками замахали, над его словами начали язвить и насмехаться. Дескать, что за сказки ты нам тут начал рассказывать? Какое-такое тут может быть колдовство? Вон, на завалинке сидят старухи, иди к ним в компанию, бу-

дете друг другу небылицы сочинять! А уж мы сами, и без тебя как-нибудь победим страшилище. Говорит княжич Аникей:

– Будет сегодня сеча – соваться не вздумай, а то только помешаешь, у нас под ногами путаясь!

Слушает эти хвастливые глупости Николка, а сам в ответ ни слова – что попусту пререкаться с теми, кого судьба умом не наградила? Протрубила труба, и снова поехали витязи в чистое поле биться с Трёхглавым.

А он им уже в гари и дыму навстречу скачет, диким зверем ревёт, мечами-ятаганами сверкает. Опять за утро спалил больше дюжины сёл, потоптал своим конём и порубил множество народу. Первым, как и вчера, навстречу ему поскакал сын боярский Фолопий (очень уж ему хотелось стать царским зятем и наследником трона), а с ним – сыновья княжеские Аникей и Никодим. Все трое – сажень в плечах, все воинскому делу у лучших мастеров обучены. Разом метнули они в Погубилу свои копья с разных сторон. Только ни одно до него не долетело – Трёхглавый их на лету перерубил своими ятаганами. Выхватили витязи мечи, пришпорили коней и накинулись на чудовище, да только опять незадача вышла. Все три меча, откованные из лучшего заморского булата, с одного удара Погубилы рассыпались как стеклянные.

Махнул Трёхглавый своими кривыми мечами ещё раз, и повалились с коней на землю, обливаясь кровью, Аникей и Никодим. Если бы не было на них лучшей заморской бро-

ни, разрубил бы он их пополам. Фолопий, видя такое, себя не помня, дал коню шпоры и – наутёк. А те трое, что должны были вступить в сечу следом за этими богатырями, только выехав навстречу Трёхглавому, сразу же бросились, кто куда. Видит Николка, что чудовище направило своего коня на раненых витязей, чтобы тот их копытами с землёй перемесил, чтобы смерть их была долгой и мучительной, выхватил меч, и во весь опор, с громким криком:

– А ну, сразись со мной, страшилище безобразное! – поскакал навстречу Трёхглавому.

Взревел тот, огнём дохнул, своими кровавыми глазами на неожиданного смельчака уставился.

– Ну, давай, давай, сразимся! Отрублю тебе сейчас голову и съем тебя вместе с доспехами. А мой конь твоим вороним полакомится! – пугает Погубила, ятаганами размахивая.

Только не ко времени хвастать он начал. Подскакал к нему Николка, тот и ахнуть не успел, как разрубил его меч сразу оба ятагана. И тут же, пока Трёхглавый не опомнился, ещё одним махом снёс ему витязь и крайнюю правую голову, и правую руку по самое плечо. Взвыло чудовище, во все стороны хлынула его чёрная, как дёготь, кровь. Тут же за спиной Погубилы поднялась широкая стена густого, чёрного дыма. Дал он шпоры в бока своему коню-дракону, и исчез в дыму.

Глядит Николка – мчатся к нему «храбрецы», что так и не решились вступить в бой с чудовищем. Все трое

гневаются, обижаются:

– Эй, деревенщина! Тебе же сказали сегодня утром, чтобы ты не мешался и не путался под ногами! Мы, понимаешь ли, выполняли хитрый воинский манёвр, и только собрались порубить этого Трёхглавого на куски, а тут – ты полез, куда не просят, и всё нам испортил!

А Николка молча спешился, помог подняться раненым, перевязал их раны и напоил родниковой водой, в которую окунул свою чудесную раковину. Испили они, и тут же боль стала утихать, остановилась кровь и начал спадать жар. Потом сел на коня и сказал «храбрецам»:

– Что-то не видел и не слышал я вас, когда Погубила собрался этих двоих своим конём потоптать. Ну а теперь-то, вижу, что на словах вы самыми первыми храбрецами стали. Небось, и на нынешнем царском пиру будете не последними?

Ух, как задело за живое знатных богатырей сказанное Николкой! А возразить-то и нечем. Покряхтели, посопели витязи, да и поехали в стольный град, про свои новые победы рассказывать. А Николка снова отправился в посад на постой. Едет и досадует: как же у него так неудачно вышло-то, что в сече с Трёхглавым он в горячке малость перестарался, и оставил чудище без руки и одной из голов? Понадеялся, что раненый Погубила открыто поскачет к своей заветной горе. Ну а он сам, понятное дело, погонится за трёхглавым, и благодаря этому без особого труда сумеет вывести к ней дорогу. Только, вот, Погубила сделал по-своему – исчез в

стене дыма, и ищи его – свищи... Теперь нужно будет придумать что-то другое. Какую-то хитрую уловку, чтобы чудовище, забыв про всё, бросилось к той колдовской горе.

На следующее утро Николка снова поехал на городскую площадь. Собрались витязи, стали совет держать: какую же им сегодня против чудища применить стратегию? Каждый своё толкует, каждый считает себя самым умным, каждый мнит себя самым сведущим. Один предлагает накинуть на Трёхглавого с разных сторон несколько арканов. Ну, чтобы опутать его и заколоть копьями. Другой советует вырыть ловчую яму, с острыми пиками на дне, чтобы заманить туда чудовище. Час, другой спорят... Сошлись на ловчей яме. Поехали за город, начали копать. Но – какие могут быть работники из князей да графьёв? Вырыли яму – и баран не уместится. Кое-как воткнули в дно пики, кое-как накрыли ветками и травой, и поехали высматривать Погубилу.

Глядят – а он уже в поле, среди клубов дыма скачет в их сторону. Правда, отрубленная Николкой голова ещё не отросла, но рука уже на месте. Ятаганамы снова машет, рычит и воеет, огнём плюётся. Витязей увидел – как будто даже обрадовался. Но едва заметил Николку, как тут же коня своего попридержал. Видно, не забыл, как вчера от этого богатыря перепало. Ну а Фолопий снова впереди всех, кричит Погубиле:

– Эй, ты, чучело страхоглядное! А ну, догони нас!

И все витязи разом поскакали в сторону западни. Трёхгла-

вый дал шпоры коню-дракону, и помчался за ними следом. Когда он доскакал до того места, где была устроена ловчая яма, то остановился и захохотал.

– Ай, да затейники! Ай, да придумщики! Ой, насмешили! Это вы, что же, надеялись заманить меня в эту ямку?! Я сейчас со смеху помру! Ну, что, может, лучше сразимся на мечех? Обещаю: больше одной головы никому срубить не стану.

Расстроились витязи, скисли, понурились – вся их хитрость прахом пошла. Но в этот момент к чудовищу подскакал Николка и кричит ему:

– Эй, Трёхглавый! Тебе бы лучше поспешить на ту поляну, где куст терновый. Пришли туда из далёких краёв лесорубы-великаны. Хотят терновый куст корчевать, змею железную убивать.

– Кто?! Кто мою тайну выведать посмел?! – взревел Погубила и, что есть духу, куда-то поскакал.

А Николке – того и надо. Он тут же помчался вслед. Несётся чудовище как полоумное, даже не оглянется, потому что твёрдо знает: нет ни у кого из витязей такого коня, который смог бы сравниться с его железным конём, который смог бы от него не отстать. Да только очень крепко оно в этом промахнулось. Уж, сколь ни скор и неутомим был его конь-дракон, но и Николкин вороной маху не дал – птицей следом летел, ни на шаг не отставал. Словно вихрь проскакал Николка по бездорожью чуть ли не сотню вёрст. Ещё солн-

це не поднялось к полудню, а Трёхглавый уже гнал своего коня вверх по склону горы, высящейся над крутым речным берегом. А вот Николка у подножия этой кручи остановился, чтобы на гору, чуть позже, подняться без суеты и спешки. Спрыгнул он с коня, взял его под уздцы и, не торопясь, окольной дорогой пошёл к вершине.

А Погубило Смертоносец, чуть не выбивая из своего железного коня последний дух, примчался к непроходимым зарослям, окружающим голую поляну. Огляделся по сторонам, а никаких великанов-то и не видно! Удивился Трёхглавый, забеспокоился – уж, не опоздал ли он? Вдруг, великаны тут уже побывали, выкорчевали терновый куст, убили змею, забрали яйцо и ушли восвояси? Спрыгнул он с коня, продрался через заросли на поляну, и остановился в растерянности: всё там на месте – и куст, и железная змея, притаившаяся в его глубине... И только тут до него дошло, как хитро обманул его витязь.

Даже затрясся Трёхглавый от злости, зверем диким заревел, огнём плевать начал: как же это так? Его, непобедимого и всемогущего, какой-то там человечешка посмел провести вокруг пальца! Только, для чего он это сделал? Подумал Погубило, подумал, и понял Николкину хитрость по-своему: «Видно, тому витязю страшно стало, и решил он хоть на недолгое время своим обманом заставить меня покинуть поле брани».

– Ну, ладно, ладно! – заскрежетал Трёхглавый зубами. –

Сейчас вернусь – иссеку тебя в лапшу! Ух, что я с тобой сделаю!..

Снова запрыгнул на своего коня, который едва успел отдышаться и, дав ему шпоры в бока, скорым бегом погнал обратно. И невдомёк недогадливому чудищу, что оно само привело того витязя к заветной горе, где хранится средоточие его колдовской силы и самой жизни.

Едва топот коня-дракона затих в лесу, уже не таясь Николка пробрался через густые, колючие заросли к поляне и, приготовив лук и стрелы, достал из-за пазухи деревянную дудочку, которую выстрогал позапрошлой ночью в саду. И раздались над поляной соловьиные трели. Потом дудочка засвистела чижом, залилась малиновкой, и снова защёлкала соловьём... А змея, хоть она и железная, но всё равно ведь – змея, лакомая на певчих пичуг. Услышав птичьи голоса закрутилась завертелась – уж очень захотелось ей полакомиться птичкой. Но едва она высунула голову из куста, чтобы разглядеть – где это столько птиц собралось? – как тут же просвистела над поляной острая стрела. Угодила она железной змее прямо в голову: вошла в правую глазницу, а вышла в левую. Дёрнулась железная змея назад, а стрела-то упирается в куст, обратно не пускает! И мгновения не прошло, ещё одна стрела угодила точно в зажатое змеиной пастью каменное яйцо. Покатилось оно по поляне, а Николка – тут, как тут. Схватил яйцо, кинул его в заплечную суму, и бегом вернулся к своему коню. Зашипела змея, метнулась, было, за ним, да

сослепу промахнулась и запуталась в кустарнике.

И снова поскакал вороной по лесам и полям в сторону столицы. Видит Николка на своём пути разорённые, дотла сожжённые сёла, разрушенные города, и вдруг заметил в чистом поле большую кузню, из которой дым идёт. Значит, кто-то в ней кузнечит, железо куёт. Подъехал он к кузне, спешился, вошёл внутрь. А там семь кузнецов мечи богатырские куют. Увидели неожиданного гостя, встревожились, стали расспрашивать – кто он такой и зачем к ним пожаловал? Уж, не чудище ли трёхглавое подослало его, чтобы выведал он их секреты кузнецкие?

– Нет, люди мастеровые, ни к чему мне чужие секреты, – говорит им Николка. – А вот помощь ваша нужна. По всей нашей земле прошёл Трёхглавый, сами видите, сколько он городов и сёл пожёт, сколько народу загубил! Но теперь конец ему приходит – нашёл я колдовское, каменное яйцо, в котором вся его сила чёрная. На семи огнях надо его калить, семью молотами надо бить, пока не расколется. А кроме вас никто этого сделать не сможет.

Отвечают ему кузнецы:

– Хорошо, богатырь, поможем тебе! Разожгём сейчас самый большой горн, и – за дело! Правда, осталось у нас всего семь мешков дубового угля. Авось, и хватит для такого дела великого!

Разожгли они горн огнём от лампы, чтобы пламя было чистым, и бросили в него каменное яйцо. Начали дуть боль-

шими мехами. Пламя такое ярое разгорелось, что аж глаза слепит, любой камень или железо вмиг расплавились бы. А колдовской камень и докрасна накалить не удалось. Схватили его кузнецы клещами, положили на наковальню, стали молотом бить. В минуту и наковальня развалилась, и молот рассыпался, а на яйце – ни трещинки, ни царапинки. Но кузнецы решили, что лучше вовсе останутся без своего кузнецкого снаряжения, но богатырю помогут, чего бы это им ни стоило.

В другой раз засыпали угля, снова начали дуть. Теперь хотя бы чуть покраснело на огне каменное яйцо. Но и вторая наковальня с молотом рассыпались. И так – шесть раз. Настал седьмой, последний раз. Снова дуют мехами кузнецы, Николка им тоже помогает. Глядят – раскалилось каменное яйцо до самого белого каления. Призвали они себе на помощь силы небесные и снова ударили по яйцу последним молотом. Брызнули во все стороны искры, и рассыпалось яйцо на мелкие кусочки. В тот же миг взметнулся над кузней страшный вихрь – даже крышу с неё сорвало. Донёсся откуда-то издалека звериный вой и стон, и всё затихло. Поблагодарил кузнецов Николка за труд их славный, и поскакал к стольному граду.

А там радость и ликование – рассыпалось, обратилось в чёрную глину несокрушимое трёхглавое чудовище вместе со своим конём. Погубила-то, вернувшись к столице со своей горы, втрое злее стал. Почти все пригородные посады пожёг,

люди еле успели за городские стены спрятаться. Витязи, что биться с ним взялись, при одном его виде врассыпную разбегаться стали. Кто-то и вовсе в густом лесу спрятался, затаился – авось, не заметит и в живых оставит. Только вдруг отчего-то захромал конь-дракон, и сам Погубила свою прыть утратил. Вроде и скачет, а мечами машет впустую и невпопад. Приободрились витязи, осмелели малость, начали чудище копьями закидывать, стрелами осыпать. А иные с насюка бить его начали палицами, мечами рубить. И настал такой момент, когда все богатыри, разом налетели на него, и вонзили в Трёхглавого свои мечи. Повалил от чудища чёрный дым, и стал он большой кучей чёрной глины.

Народ из города высыпал, славить витязей начал, все радуются, пляшут, столы накрывают. А среди витязей тут же начались раздоры и споры – кто именно победил страшилище, кто нанёс ему смертельный удар? Всяк доказывает, что это именно он сразил Погубилу. А уж те, кто в лесу прятался, и вовсе в грудь себя кулаком стучать начали, дескать, я это был, я! Всякому же хочется стать царским зятем, красавицу-царевну повести под венец. Дошло до того, что иные даже за мечи хвататься начали – я победил, и – всё тут!

Увидел царь Дементий Премудрый, что радость избавления от одной беды, того гляди, в другую беду перерастёт – в сечу междуусобную, встревожился и очень опечалился этому... Что же делать, как же быть? И повелел он всем остановиться и прекратить всякие споры. Сказал он богатырям:

– Идёмте ко мне во дворец, храбрые воины, давайте сядем за столы уже накрытые, остынем от горячки ратной, и спокойной, разумной речью обсудим, как нам лучше поступить.

Подумали витязи и согласились. Стали пировать, своей доблестью бахвалиться, а царь позвал на пир старого придворного звездочёта и попросил сказать: кто же из тех, что сидят за столом, стал настоящим победителем чудовища?

– Хорошо, – сказал звездочёт, – спрошу я у звёзд имя того, что чья рука сразила Трёхглавого. Но только мне на это понадобится времени немало. Поэтому, государь, продолжай пир – пусть слуги подносят витязям вина и яства, пусть они пируют – всё спокойнее будет.

На том и порешили. А Николка той порой на полпути к стольному граду решил прилечь, отдохнуть. Отпустил коня пастись на лесной поляне, сам лёг под деревом на тот случай, если вдруг пойдёт дождь и задремал. Сквозь сон услышал он медвежье рычание и проснулся. Съел оставшийся орешек, и стал слушать, чего там медведи разревелись. А косолапые говорят про каких-то людей на конях при оружии, которые прячутся в соседней роще.

– ...В ельнике густом они прячутся, над тропинкой лесной сетку натянули. Уж, не охотники ли к нам нагрянули? – беспокоится молодой медведь.

– Нет, это не охотники, – отвечает старый. – Сороки стрекотали, что в наши леса появился разбойник Карпило -Живодёр. Ищет он какого-то человека, чтобы изрубить его на

мелкие кусочки. Неспроста в наш лес со всей округи волков набежало – видно, чувят богатую поживу...

Понял Николка, что это по его душу заявила сюда разбойничья шайка.

«Ну, что ж, – думает он, – трём смертям не бывать, а одной – не миновать. Поеду через ельник. А уж там – как судьба решит. Посмотрим, чья возьмёт...»

Собрался он, оседлал коня, и поехал по лесной тропе в сторону ельника. А там разбойники и в самом деле его поджидают. Подсказал им подлый человек, присланный боярским сыном Фолопием, где и как им Николку сыскать. Да ещё за его смерть прислал большой кошель золота. Как тут Карпиле не польститься? С любой стороны, как ни глянь, ему выгода. И золота получил, и коня богатырского себе заберёт, и ненавистного ему Николку погубит... Чем не радость для души разбойничьей?

Только не знали разбойники, что уже ведомо Николке про их засаду, и что к сече с ними он уже изготовился. Как только увидели они витязя, сразу же сбросили на него крепкую шёлковую сеть, что и медведю не под силу разорвать. Да что сеть против меча, откованного из самого крепкого булата?! Лишь раз им махнул Николка, и распалась она на две половины. Взвыли от злости разбойники, уже заранее праздновавшие лёгкую победу. Выхватили сабли, и со всех сторон кинулись на богатыря во главе со своим атаманом Карпилой. И началась сеча беспощадная и лютая. Рубится Николка, ма-

шет мечом и направо, и налево. Как кочаны капусты во все стороны разлетаются разбойничьи головы.

Уж, и у него самого, и у коня кровь из ран течёт, а разбойники не унимаются – как ополоумели в своей слепой злобе, всё кидаются и кидаются. Но, как видно, судьбой было решено, что найдёт их шайка свою погибель в этом лесу. Последним набросился на Николку сам Карпило. Он всё надеялся, что устанет богатырь биться с его подручными, и тогда он сможет победить его одним ударом. Да только просчитался злой разбойник. Хоть и утомился, хоть и ранен был Николка, но одним махом перерубил саблю атамана и тот, с перепугу свалившись с коня, разбил голову о придорожный камень, да и дух последний тут же испустил.

Лишь один молодой разбойник, который в сече не участвовал, остался жив. Упал он перед витязем на колени, и стал просить о пощаде.

– Встань! – сказал ему Николка. – Не поднимаю я руку на безоружного. Скажи мне лучше, кто позвал сюда Карпилу, кто на меня напасть подговорил?

И рассказал ему разбойник, что наемни был чей-то гонец у них, в Карпиловых лесах, который привёз атаману большой кошель золота и письмо тайное. После этого-то их шайка и подалась под стольный град, чтобы выследить богатыря и устроить на него засаду. Сразу же понял Николка, что это подлое дело учинил кого-то из знатных завистников. Приказал он разбойнику взять коня Карпилы и следовать за ним.

– ...Хватит тебе шляться по лесам, хватит разбойничать! – сказал он. – Езжай к отцу-матери, поди, истосковались, тебя вспоминая, и займись хорошим, добрым делом.

– Рад бы к родителям, да не знаю я их, – пригорюнился разбойник. – Ещё когда себя не помнил, попал я в эту шайку, при ней и вырос. Когда Карпило шёл в набег, я охранял их пещеру и готовил еду. Хотел он и меня к своему ремеслу пристроить, да не по душе мне было злодействовать. Хоть и был я в шайке, а чужой крови на моих руках нет.

Доехали они до ручья, окунул Николка в него свою чудесную раковину, сам испил воды, напоил коня, промыл себе и ему раны, и стали они тут же затягиваться. Уже темнеть начало, как приехали путники в посад. Хоть и пожёг его Трёхглавый, но там всё равно – и радость, и веселье. Еле-еле смогли они добраться до избышки Селивёрстовны – всяк их за стол зовёт, всяк угостить норовит. А избышку огнём хоть и опалило, но она, всё же, уцелела. Вошли путники в избу, хозяйка высекла огня, зажгла лучину, взглянула на того, что пришёл с её постояльцем, отчего-то ахнула и спросила, как его зовут.

– Всегда Пантелеем звали... – ответил разбойник.

Вскрикнула она, и упала без памяти. Подняли её, водой напоили и, плача, сказала Селивёрстовна молодому разбойнику:

– Ты – сын мой, много лет назад похищенный злыми людьми.

Рассказала она что когда-то напала на их посад невесть откуда взявшаяся разбойничья шайка. кого-то – ограбили, кого-то убили. А у неё забрали малолетнего сына. Его отец в это время был на промысле. Когда вернулся и узнал о случившемся, с горя заболел и вскоре умер.

– Где ж ты был все эти годы? – спрашивает Селивёрстовна.

– Там же и был, в разбойничьей шайке, – признался Пантелей. – Поэтому, прости, матушка, но остаться с тобой я не смогу. Ведь если узнают, что я из шайки Карпилы, то быть мне на плахе. Пусть никого я не убил, не ограбил, но как теперь это докажу?

– Не горюй! – сказал ему Николка. – Сейчас же поеду в царский дворец, и попрошу у царя для тебя милости, чтобы снята была с тебя всякая вина. Бог даст, царь в моей просьбе не откажет.

– Да, надо бы тебе туда съездить, надо бы! – вздыхает Селивёрстовна. – Там сейчас пир горой, победу над чудищем празднуют. Одна только царевна Настенька, говорят, сидит в слезах. Ей теперь из господ князей или графьёв кого-то в женихи выбирать себе придётся. Только она уже объявила, что скорее в монастырь уйдёт, чем выйдет замуж за немилого и постылого. Говорят, ждёт она того, что на пир не пришёл.

...А во дворце уже который час пируют витязи, уже не одну бадью вина осушили, съели жареного быка, дюжину баранов, а уж уток и гусей – и вовсе бессчётно. Музыканты для них на гусях, дудках и бубнах играют, шуты скачут и

кувыркаются, бояре здравницы провозглашают... Веселятся богатыри. Оно и понятно: на дармовщину – что ж не разговеться-то? Пусть даже от иного в сече пользы было – ни на медный грош, зато языком-то себе славу можно раздуть и на сотню золотых! И все ждут, что же скажет старый звездочёт. Вечер-то уже настал, звёзды все, как есть, высыпали. Смотри, да угадывай... А его всё нет и нет.

И, наконец-то, вошёл он в пиршественный зал, длинную, белую бороду сжимая в кулаке и опираясь о посох. Увидел царь звездочёта, и сделал знак рукой, чтобы тишина настала. Тут же смолкли музыканты, тут же притихли и богатыри. Ждут, что скажет звездочёт, но в душе-то каждый надеется, что назовут именно его! По совести сказать, немалое число витязей через своих доверенных слуг пробовали передать старику золотишка. Чтобы гадал он не по звёздам на небе, а по золотым в кошельках. Но слуги так ни с чем и вернулись – и близко не подпустил их к себе несговорчивый старик.

Со вздохом поклонился царю звездочёт, развёл руками и сказал:

– Прости, государь, простите и вы, господа рыцари, но звёзды говорят, что сейчас нет среди вас того, кто одержал настоящую победу над порождением чёрной бездны.

Рассердились витязи, разгневались – как это так?! Это кто же тогда, если не они, убил Трёхглавого?! Старик, понимаете ли, совсем из ума выжил – несёт невесть что! А вот они, богатыри, точно помнят, как вонзали в Погубилу свои мечи!

Покачал старик головой и сказал:

– Что спорить петухам, сидящим на заборе о том, чей из них крик поднял солнце утреннее? Вот также и здесь – мечи-то вы вонзили, да только уже в тот момент, когда настоящий сокрушитель чудовища отнял у него чёрную колдовскую силу.

– Ну и где же он сейчас? – спросил царь Дементий Премудрый.

– Едет к твоему дворцу, государь, на коне, сияющем чистым серебром. Скоро ты его увидишь!

Удивились витязи, притихли. Что бы это значило? У кого из тех, что выезжал на битву, конь был серебряной масти? Да, белой масти кони были, но – белой, а не серебряной! Про питьё и еду забыли богатыри, глаз от дверей не отрывают – кто же это он?!

А Николка въехал в город, и по мощёной камнем улице направился во дворец. Сам всё думает про то, как бы ему ещё хоть раз увидеть царевну Настеньку. Вдруг слышит, какой-то мальчишка закричал на всю улицу:

– Смотрите! Витязь на серебряном коне! Витязь на серебряном коне!

Удивился Николка – это где он такого увидел? Оглянувшись – вроде, никого... И тут его взгляд упал на коня, и своим глазам он не поверил: его вороной конь вдруг стал белее снега и засветился серебром! Не знает он, что и думать о таком чуде. Народ со всех сторон стал сбегаться. Кто-то из толпы

кричит:

– Вот же он, наш настоящий избавитель!

Спешился Николка перед воротами царского дворца, а стража дорогу ему загородила, во двор не пускает. Твердят, что, мол, самим царём не велено им никого пускать. И могло бы так случиться, что если бы не обещание данное Пантелею, махнул бы рукой Николка, и поехал бы прочь. Но не мог он обмануть мать и её сына, что чудом смогли встретиться. Стал добиваться, чтобы открыли ему ворота, а иначе, пригрозил, выбьет их плечом. Тут слышит он голос знакомый:

– Ну, здравствуй витязь, вот мы и свиделись!

Оглянулся Николка и видит перед собой того самого десятского, что приезжал в их деревню звать удальцов на битву с Трёхглавым. Правда, теперь десятский в чинах вырос до сотского. Стал он спрашивать стражников: а сам ли государь отдал приказ никого не пускать? Замялись стражники. Признались, что такой приказ от имени царя им передал зять царский – Фолопий.

– А с каких это пор Фолопий стал называть себя царским зятем? – нахмурился сотский. – Свадьбы не было, под венцом они с царевной не стояли, она его своим женихом не назвала. Что за глупости? А ну-ка, открыть ворота!

Деваться некуда, подчинились стражники, открыли. Пошёл Николка во дворец. Входит в пиршественный зал, и тут же настала там мёртвая тишина. Всяк по-своему удивился. Царь Дементий дар речи потерял потому, что победителем

чудовища оказался не князь, не боярин, а простой крестьянский сын. Царевна Настенька даже слова не могла вымолвить от радости, снова увидев своего ненаглядного. У боярского сына Фолопия от страха, что сейчас все узнают про сотворённую им подлость, и язык отнялся, и ноги как не свои стали. Идёт Николка к царскому столу, а со стороны бояр шепотки злые доносятся:

– Это что за невежа неотёсанный? Как смеет он, мужик лапотный, идти, и нам, знати родовой, не кланяться?!

А Николка подошёл к царю, поклонился и сказал:

– Пришёл я, государь не за наградами, а просить милости твоей для разбойника Пантелея, который в малолетстве был похищен шайкой Карпилы. Правда, хоть и вырос он среди разбойников, но никакой вины на нём нет – настоящим разбойником он так и не стал. А сегодня после многолетней разлуки встретил он свою мать, и просит о том, чтобы было позволено ему остаться жить в посаде и продолжить ремесло своего отца.

Подумал царь и махнул рукой:

– Быть посему! С этого часа считать Пантелея ни в чём не повинным, свободным и вольным человеком. А почему ты стал просить за него?

И рассказал Николка, что напала на него по пути к столице шайка разбойничья, которая хотела его убить, да сама и полегла в жестокой сече.

– ...Теперь, государь, нет больше разбойников в Карпи-

ловых лесах, все дороги там открыты и для конного, и для пешего. И ещё скажу, государь. Пантелей рассказал мне, что подговорил Карпилу и дал ему за мою голову кошель золота, кто-то из тех, что сейчас сидит за этим столом.

И снова настала гробовая тишина. Витязи удивляются, меж собой переглядываются. Один лишь Фолопий побледнел, как полотно, сидит, ни жив, ни мёртв.

– Отрадные вести ты принёс! – одобрил царь Дементий. – Но почему же не спрашиваешь о награде? Ведь это же ты сумел лишить Трёхглавого его колдовской силы? Или не ты?

Улыбнулся Николка в ответ.

– Государь, для меня главная награда – мир на той земле, где я родился и живу. А бить себя в грудь кулаком и кричать о том, что это я один со всем справился – было бы недостойно настоящего воина.

Услышали его слова сидящие за столом, и стало им стыдно за своё самохвальство. А Николка продолжил:

– Уж, коли на то пошло, государь, то не было бы избавления от чудовища, если бы не подмога семи кузнецов, что не пожалели ни своей кузни, ни кузнецкого снаряжения, и разбили-таки усилиями великими колдовское каменное яйцо, в котором таилась вся сила Трёхглавого. А что бы я сделал, если бы не подарок вдовы кузнеца из посада – этот меч и доспехи, что крепче, самого крепкого булата? Поэтому не буду я хвалиться и одного себя победителем называть.

Задумался царь. Никак не ожидал он услышать от кре-

стьянского сына столь рассудительных и мудрых речей, исполненных настоящего благородства. Иной на его месте, гляди-ка, запросил бы себе богатства и славы вдвойне против обещанного. А этому, как будто, вообще ничего не нужно.

– Так ты, что же, сам отказываешься от всего того, что мною было обещано? – спрашивает царь.

– От всего, кроме одного-единственного – руки твоей дочери Настеньки. Без неё мне и свет не мил. Если только, конечно, она сама не против...

– Я согласна! – ответила Настенька, и показала ему на своей руке серебряное колечко.

Уже на следующий день их обвенчали, и сидел Николка за свадебным столом в богатой одежде, не в силах поверить своему счастью, что с ним теперь будет его любимая. Веселятся гости, молодых поздравляют, но только беспокойно на душе у жениха. Чувствует он, что кто-то готовит им обоим злую западню, кто-то их обоих собирается погубить. И как только подали молодым поднос с яствами и вином, взял он свой кубок и незаметно обмакнул в него чудесную раковину. Дал её Настеньке и шепнул, чтобы сделала она то же самое.

– Зачем? – удивляется царевна.

– А чтобы наша с тобой свадьба не обратилась в наши похороны... – ответил ей Николка.

Не стала больше расспрашивать его Настенька, и следом за ним окунула раковину в свой кубок.

Как стали гости провозглашать здравницы в честь ново-

брачных, по обычаю отпили они из своих кубков по самой малости. И тут же словно неведомая сила в них влилась, здоровья у обоих втрое прибавилось, радость и веселье переполнили душу. А боярский сын Фолопий в это время смотрел на них из-за другого стола, и всё ждал: когда же они оба упадут замертво, чтобы больше уже не подняться? Он ещё утром, когда шло венчание, приказал своему слуге подсыпать молодым в кубок отравы. Но они хоть и выпили из отравленного кубка, а умирать почему-то и не подумали. Наоборот, царица стала ещё краше, а Николка стал на зависть любому заморскому принцу. Одолели Фолопия сомнения: а яду ли ему дала старая ведьма, которой он отдал за него триста золотых? А что, если она чего-то напутала, и вместо отравы дала целебное зелье, придающее сил и здоровья?

«Так оно и есть! – думает Фолопий, сам аж зубами скрежет. – Напутала хрычовка окаянная. Ну, раз уж деньги я отдал, а отравить эту деревенщину и царевну не получилось, так хоть самому себе сил прибавить. Где там склянка с зельем?»

Всыпал в свой кубок остаток ведьминога снадобья, размешал с вином, и выпил. И тут же в глазах у него потемнело, в голове помутилось, дыхание остановилось, и он умер, даже не уразумев, что же с ним такое стряслось. Только тогда и поняли Николка с Настенькой, когда бездыханного Фолопия выносили из-за стола, что он-то и был тем тайным злодеем, который творил подлые дела. Видя это, испугалась знать, на-

чала меж собой шушукаться, что, мол, как видно, и в самом деле хранит этого крестьянского сына неведомая сила – ни меч, ни яд его не берёт. Уж лучше не желать ему зла, а то к самим же оно и вернётся.

И стал с той поры царевич Никола жить во дворце со своей Настенькой в любви и согласии. Только не любил он без дела по углам околачиваться да на пирах напихивать себя всякими яствами. Что ни день – едет по городам и весям, смотрит, где какие неурядицы, где какие кривды творятся. А как час выдастся, идёт перенимать у царя Дементия мудрёную науку – как страной править. Чай, это куда труднее, чем пасти стадо коров! И когда настал тому срок, начал он править сам, и остался в летописях тамошних как царь Никола Справедливый. И никто-никто даже не мог припомнить, что когда-то, очень давно, был он бездомным сиротой Николкой Ничьим, который пас по лесистым буеракам деревенских коров. Лишь Настенька, когда они оставались наедине, просила его сыграть на жалейке...

* * *

СКАЗ ПРО СТЕПАНА- ДРОВОСЕКА, ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА и про злую ведьму Нужду Беспросветную

Как часто людям в жизни приходится выбирать между добрым и злым, между светлым и тёмным, между правдой и кривдой... И вся-то беда в том, что выбирая правду человек, не так уж и редко, оказывается в убытке, а выбрав кривду – с прибылью, пусть и несправедливой. Так уж устроен наш белый свет, из-за чего, иной раз, кажется он сажи чёрной чернее. И вот ведь какая хитрость: всяк, даже распоследний вор и злодей, усердно угождающий злой кривде, всегда надеется и желает, чтобы уж с ним-то другие поступали только по правде. И что же было бы с этим белым светом, если бы все сущие на нём разминулись с правдой, и жили лишь так, как нашёптывает злодейка кривда?!!

В старинном, богатом стольном граде, что широко и привольно раскинулся на трёх холмах, с южной стороны широкой рекой омываясь, а с северной – в леса дремучие упираясь, жил мастеровой человек по имени Степан. Работящий он был и умелый по всякой части, как про таких говорят –

золотые руки. За какую работу ни возьмётся, всё сделает и в срок, и по уму, и по совести. Про него и говорили: У Степана – без обмана. Его слово было как гвоздь вбитый: дал – назад и зубами не вырвать. Правда, не всяк заказчик по совести ценил его мастерство. Скажем, сработает Степан резные наличники на окна хором купеческих – глаз не оторвать, а купец, чтобы заплатить меньше обещанного, начинает кривиться и изъяны выискивать. Дескать, и вон там, вроде бы, кривовато, и вот здесь, как будто, косовато... И вместо десяти обещанных монет серебром, даёт всего пять. Вроде того, тебе и этого много будет. Или, к примеру, подрядится Степан выложить двор боярский камнем разноцветным. Сделает ровно и красиво – залюбуешься. А боярин, знай, недовольствуется: никудышная работа! Лучше бы я другого нанял. И плату раза в три урежет.

Оттого, хоть и было Степану до седин ещё далековато, а лиха он успел хлебнуть столько, что иному и на три жизни хватило бы. Отчего-то не везло ему, хоть тресни. Казалось бы, такой работающий, такой умелый и расторопный, должен жить – как сыр в масле кататься. А на деле, жил он в постоянной бедности, как говорится, перебиваясь с редьки на квас. Трудясь от зари до зари, рук не покладая, зарабатывал он только чтобы хоть кое-как свести концы с концами. Случалось и такое, что, сделав непростую и трудную работу, он вообще оставался без копейки, а то и при убытках. Благо, Марья, жена Степана была ему под стать – умелая да работа-

щая. И огород был у неё всем на зависть, и для соседей шила и вязала. А тоже не в золото-серебро наряжалась. Придёт Степан домой, отдаст жене медяки, а она добавит к ним свои и не знает, на сколько времени их растягивать, чтобы хоть как-то одеть и обуть двоих сорванцов и накормить кроху-дочку.

Правда, бывало, хоть изредка, но и Степану улыбалась удача. Срубил он как-то избу зажиточному гончару, так тот с ним не только расплатился, как подобает, так ещё и своему ремеслу обучил. Накупил Степан на радостях обнов жене и детям. А его «половина» остаток денег тут же спрятала – кто знает, как оно дальше повернётся? И – как в воду глядела. Взялся Степан строить новый дом богатому купеческому приказчику, а когда возводил стены, его словно кто-то в спину толкнул, и упал он с высоты прямо на брёвна. Расшибся – еле до дому дошёл. Прибежал к нему приказчик, раскричался: или немедленно иди дом достраивай, или расторгну с тобой договор и найму других. А куда и как пойдёт Степан, если он не может даже встать?

Ну а приказчик и рад тому. Нанял других строителей, хоть они и знали дело намного хуже. Кое-как с огрехами достроили дом, и половинной оплатой были довольны. А уж как приказчик-то радовался тому, что столько денег выгадал, оставив Степана без оплаты! А мастеровой, чуть подлечился, решил другим делом заняться. Вспомнил уроки гончара и тоже занялся гончарным ремеслом. Поставил круг гончарный, сложил печь для обжига, привёз хорошей глины, и начал де-

лать всякую посуду. Его жена-умелица расписала их яркими красками да покрыла глазурью. Собрался Яков на ярмарку. Только везти на чём? Посуды – гора, на себе не перетаскаешь. А лошади – откуда ей взяться при жизни такой? Нанял он возчика. Погрузил на телегу горшки, миски и плошки, и отправился в предместье, где на площади и зимой и летом шумела ярмарка. И, гляди-ка, была бы ему неплохая прибыль – добротная, красивая посуда получилась. Да в дороге случилось непредвиденное – в одном месте на самом косогоре у телеги как нарочно соскочило с оси колесо. Будто кто чеку специально выдернул. Рухнула телега под откос, и от посуды одни лишь черепки остались.

Затужил, загоревал Степан – целый месяц работы пропал впустую. Те деньги, что жена приберегла, к этому времени уже закончились. Только то и было на столе, что на огороде выросло. Снова начать бы плотничать или кузнечить – так, как назло, заказов ни одного. Как тут быть?! Тут услышал Степан, что по новому царскому указу разрешили беспошлинно брать в лесах сухой валежник, чтобы очистить их от сухостоя. И решил он пойти в дровосеки. Тоже не мёд работа. Сначала пешком вёрст десять надо идти по лесам, нарубить валежника, а потом на себе тащить вязанку в город. Ну, а что поделаешь? Взял топор, верёвку, и – спозаранку в лес по дрова. На ногу Степан был лёгкий, в плечах крепок, так что, за день дважды успел обернуться. К вечеру принёс домой денег, да ещё и мелюзге своей по леденцу.

Так и пошло. Хоть и не очень сытно, но жить стало можно. У умелого-то да старательного – всякое дело в прибыль. Но уж, как известно, если к кому привязалась нужда, то избавиться от неё дело непростое. Всякую уловку найдёт, проклятушая, чтобы человеку жизнь испортить. По своим ремёслам работы Степан так и не нашёл, да и с дровами отчего-то вдруг стало непросто. Встретил его как-то в лесу царский лесничий, и давай браниться:

– Как ты смеешь, негодный, государево добро без спросу брать?!

Стал говорить ему Степан, что на то есть царский указ, что берёт он только сухой валежник, и никакой кражи в том нет. Однако лесничий и слушать его не желает, он своё гнёт:

– Ты – вор! В тюрьму тебя посажу!

Видит Степан – дело худо, нет у человека и капли совести, раз и царский указ – ему не указ. Ну а тот, поорав и потопав ногами, вдруг заговорил по-другому:

– Ладно, не буду доводить дело до суда, но только ты теперь будешь отдавать мне половину заработанных денег. Понял?

Пришлось дровосеку согласиться – а куда денешься? Если и этого заработка лишишься, тогда совсем конец. Сел он на пень и задумался – как дальше жить? Теперь ему только на хлеб и будет хватать. А одеваться на что, а подати чем платить? Совсем дело плохо ... И вдруг почудилось ему, будто кто-то стоит неподалёку и смотрит на него недобрым взгля-

дом. Оглянулся Степан и увидел какую-то крючконошую старуху с клубком пряжи в руках. Смотрит она на него змеиным взглядом, ехидно ухмыляется, и нитку, что сама по себе непонятно откуда вытягивается, на клубок мотает.

– Кто ты и что тут делаешь? – удивился Степан.

– Кличут меня люди Нуждой Беспросветной, – ответила старуха скрипучим голосом. – Знают меня и боятся очень многие. Ты тоже знаешь – изведаль мой характер сполна. Но это ещё что! Дальше будет такое, что все твои нынешние беды и неурядицы райским житьём покажутся. Глянь на мой клубок, и сам прикинь, сколь вольготно и весело живётся мне на этом свете. Знаешь, что это за нить? Это беды и горести людские. Коль где-то человека на пятак обманут – на мизинчик нитка удлинится. Ежели пожар приключился – на десять локтей прирастает. А уж коль случится мор – день и ночь приходится мотать клубок без передышки.

– А зачем тебе эта пряжа? – спросил её дровосек.

– Из пряжи горестей сотку полотно бедствий великих для того, чтобы сшить платье для всемогущего Владыки Тьмы. Проскачет он со своим войском неисчислимым по всей земле, и настанет конец роду людскому. Жалко только, что ещё три года прясть и ткать придётся... Спросить тебя хочу, Степан: ну, как, жить в нищете ещё не надоело? Не надоело видеть своих детей в заплатках и жену изнурённую заботами?

– Как же не надоело? – хмурится Степан. – Кому же это в радость видеть свою семью, живущей без достатка?

Ухмыльнулась Нужда и заговорила вкрадчивым голосом:

– Есть способ разбогатеть быстро и сразу. Всё ведь очень просто! Главное – во всём слушаться меня и моей сестры Кривды. Слушай меня внимательно. Сейчас по лесной дороге будет ехать тот самый купеческий приказчик, что недавно тебя обманул. Он везёт суму с золотом, чтобы купить для своего хозяина дорогих заморских тканей. Я покажу тебе место, где ты сможешь его подкараулить. А как дождёшься – хватай свой топор, набрасывайся на него, и руби. Заберёшь себе его коней и всё, что он с собой везёт.

– Что ты говоришь, старуха?! – нахмурился дровосек. – Это ты меня, что же, на разбой подбиваешь? Ты в своём уме, если советуешь такое? Я и слышать об этом не желаю.

Скривилась Нужда недовольно, злобно ему шипит:

– Глупец! Ты даже глупее, чем я думала! Ладно, есть другой способ стать богатым. Покажу тебе место в лесу, где под деревом зарыт большой кувшин серебра. Выкопаешь его и возьмёшь себе. Но только обязан будешь стать ростовщиком. Будешь давать деньги людям в долг, и требовать возврата вдвойне.

– Ну а это чем лучше? – покачал головой дровосек. – Такой же разбой, только по-другому называется. Нет, это мне тоже не подходит.

– Экий ты бестолковый да привередливый! – в конец разозлилась Нужда. – Что ему ни посоветуешь – всё не по нраву. Ну, тогда последний мой совет. Могу поспособствовать,

чтобы взяли тебя на царскую службу сборщиком податей. Но подати брать будешь не так, как в законе прописано, а так, как я скажу: кто должен в казну три рубля серебром – с того будешь брать десять, кто должен пять – с того тоже десять, но уже золотом. Понял? И года не пройдёт, станешь богаче иного купца.

Отмахнулся Степан и сказал ей сердито:

– Нет, не годятся мне твои советы. Зря только своё время потратила. Лучше останусь я дровосеком, чем становиться душегубом и грабителем. Всё, старуха, уходи, недосуг мне с тобой лясы точить.

– Не-е-т!!! – завизжала Нужда Беспросветная. – Всё равно будет по-моему! Я заставлю тебя исполнять мою волю! Сейчас же превращу тебя в зверя дикого, лесного, и пока не совершишь три злых дела, самим собой не станешь. Ну а если сделаешь так, как я сказала, то награжу щедрее щедрого.

Завыла она, руками замахала, закружилась. По лесу ветер пошёл, солнце в небе помрачилось, откуда-то вылетел чёрный вихрь и помчался прямо на дровосека. Зажмурился Степан, чтобы глаза песком не засыпало, а когда открыл, то увидел, что превратился в большого дикого кабана. Тело поросло рыжей с чёрным щетиной, лицо обратилось в длинное, кабанье рыло, на руках и ногах вместо пальцев появились раздвоенные копыта. Ужаснулся он тому, что с ним случилось, и крикнул он Нужде Беспросветной:

– Что ты наделала, ведьма?!!

Но вместо речи человеческой раздалось громкое кабанье хрюканье. Та в ответ только злобно расхохоталась.

– Помни, что я тебе сказала! – проскрипела она. – И знай, что если вместо того, чтобы творить чёрные дела, будешь делать всё наоборот, превращу тебя в другую тварь – поменьше. Но если тебя и это не вразумит, станешь крохотной козьявкой, которую растопчу, не раздумывая.

Топнула она ногой, и тут же исчезла, словно её никогда и не бывало. А Степан, превращённый в вепря, пошёл по лесу, куда глаза глядят, не зная, что же ему теперь делать. Как теперь без него будет жить семья? Кто ей поможет, кто поддержит? Сам он теперь помочь не сможет ничем. Да и как это сделать в его теперешнем зверином облике? Ведь теперь их даже пойти проведать невозможно. И дрогнуло сердце дровосека. Рассудил он: хочешь – не хочешь, а, как видно, придётся подчиниться тому, что велела сделать злая ведьма Нюжда.

Вышел он на лесную опушку, а там пасётся стадо диких кабанов, жёлуди подбирает. Увидели вепри новичка, позвали к себе. Стал и Степан ходить, как и они хрустеть желудями. Слушает разговоры вепрей. А те меж собой уговариваются, мол, как только сумерки вечерние настанут, устроим набег на огороды в округе стольного града. Сказано – сделано. Как только солнце скрылось за лесом, пошли кабаны в сторону столицы. Вышли из лесу и остановились в раздумье – куда бы лучше податься? Говорит Степан-вепрь своим но-

вым товарищам:

– А, давайте, пойдём на богатые огороды, что рядом с большими домами? Там, поди, всего вдосталь – и репы, и капусты...

– Не-е-е-т, – несогласно мотают головой секачи, – Лучше пойдём в другую сторону, на бедняцкие. Но богатых сторожа с собаками сторожевыми, с рогатинами, чего доброго, убить могут. А на бедняцких – один старый дед с палкой. Его ли нам бояться?

И повалила свиная орда на бедняцкие огороды. Всё подряд ногами топчут, всё подряд рылом выворачивают. Выбежал из шалаша старик с палкой. А на секача и с дубиной – попробуй, походи! Машет палкой старик, кричит на кабанов:

– Что ж вы творите, ироды проклятые?! Эх, пропали мы теперь, пропали – всю зиму будем голодать...

А кабаньей стае – какое дело до того, что он кричит? Кабаны, знай, по огородам скачут, людское добро в навоз переводят. Не выдержал Степан, накинулся на вепрей, начал их с огородов прогонять. Поднялся тут чёрный вихрь и чей-то злобный голос на самым его ухом прохрипел: «Глупец!» Разъярились секачи – добро бы, человек за свои огороды вступился, а то такой же зверь лесной, как и они сами. Со всех сторон накинулись на него, словно бес в них вселился, своими клыками исполосовали его бока так, что живого места не осталось, и убежали в лес.

Весь в крови, еле поднялся Степан-вепрь на ноги и кое-

как поплёлся в чащу. И когда силы его уже почти покинули, увидел он лесной ручей, бегущий в тени кустов. Три дня скрывался он в гуще леса, выходя лишь попить воды да омыть ею раны. На его счастье, вода в ручье оказалась целебной – к исходу третьего дня от ран и следа не осталось. Но Степан понимал, что неспроста ему от кабанов досталось, что всё это – проделки злой ведьмы Нужды. И если он и дальше будет ей противиться, то она и в самом деле может наслать на него беду ещё и похуже.

Выздоровев, Степан-вепрь снова отправился бродяжить по лесу, хоронясь и от людей, и от кабанов – теперь он и к тем не мог вернуться, и к этим ему уже не прибиться. Питался кореньями и дикими яблоками, постоянно думая, как там сейчас у него дома? Сыты ли дети, здорова ли жена? Что может быть хуже, ничего не знать и не иметь возможности помочь?! И снова пришли на ум мысли о том, что надо бы уступить злой ведьме, что надо сделать так, как хочет она. Забрёл он в дальнюю чащобу и вдруг услышал чьи-то крики: – Помогите! Помогите! Волки! Напали волки!

Степан и сам не понял, как, не раздумывая, со всех ног бросился в ту сторону, откуда доносились голоса. Выбежал он на большую поляну и увидел насмерть испуганных детишек, сбившихся в кучу, и окружившую их стаю волков. Как видно, те в лесу собирали грибы и ягоды, и нечаянно забрели в эту волчью глухомань. А волки зубы оскалили, лёгкой поживе радуются, того гляди детей растерзают. Понял Сте-

пан-вепрь, что и тут не обошлось без ведьмы Нужды Беспросветной, что опять он должен выбирать – или смотреть, как звери расправятся с беззащитными детьми, или вступить за них.

Не стерпела его душа, и с громким рыком вепря накинулся он на серых разбойников. Но те тоже оказались зверями матёрыми, сильными и проворными, с острыми, крепкими клыками. Злые и голодные, они и его самого разорвать были готовы, думая, что дикий кабан пришёл отнять у них добычу. Долго Степан с ними бился. Снова от головы до хвоста был искусан и изорван. Правда, и волкам не поздоровилось. Кто-то с поджатым хвостом ускакал в лес на трёх лапах, кто-то и вовсе остался валяться на поляне, поддетый клыками секача. И снова Степан-вепрь поплёлся к уже знакомому целебному ручью, чтобы там залечить свои раны. Раны и эти он залечил, душу чем излечить?! На душе лишь тоска и кручина – ведь уже почти неделя прошла, как он в облике дикого зверя живёт в лесу. И никак ему не удаётся сделать так, чтобы угодить злой старухе, чтобы вернула она ему человеческий облик. Но как это сделать, как переступить через себя? Ведь даже став вепрем, не утратил он души человеческой...

И решил Яков остаться у ручья, никуда от него не уходя. Вода в ручье есть, желудей на дубах в достатке, прокормиться можно. А там, глядишь, может быть и сжалится над ним судьба? Но, как видно, Нужда Беспросветная ни на минуту о нём не забывала. Дня через два утром услышал Степан

звук охотничьих рогов и лай собак. Понял он, что это царь со своей свитой выехал на охоту, и теперь ему надо думать, как бы ноги унести. А то ведь затравят его собаками и заколют охотничьей рогатиной – чего ещё ждать дикому зверю от охотников?

Но будь на месте Степана обычный дикий кабан, он бы побежал наутёк куда понесут ноги, и неминуемо был бы настигнут сворой гончих. А Степан-вепрь мог думать и размышлять по-человечески, и поэтому решил пойти на хитрость. Побежал он по ручью навстречу охотникам, чтобы сбить собак со следа, а потом выбрался на берег и кинулся в сторону болота, где схорониться было легче лёгкого. Всё, как он задумал, и вышло. Добежали собаки до ручья, пометались взад-вперёд и, не найдя следа, отправились дальше, искать другую добычу. Казалось бы, на этом и делу конец. Но не тут-то было! Свежий след вепря заметил подручный главного царского егеря, и тут же сообразил, что секач где-то рядом. А что, если никого не известив, самому настигнуть кабана и добыть его единолично, старым охотникам на зависть? Ведь тогда его и в настоящие егеря перевести могут!

И, изготовив рогатину, подручный отделился от всех прочих и поскакал вслед за секачом. А Степан-вепрь добежал до болота и слышит – сзади доносится конский топот. Не мешкая, затаился он в кустах и смотрит – кто же это за ним гнаться надумал? И почти тут же из лесу на всём скаку вылетел молодой охотник с рогатиной наизготовку. А вепря-то и

нет! Стал подручный егеря оглядываться по сторонам – куда ж это зверь делся? Не покажется ли, не попадётся ли он на глаза?

Вепрь и показался. Да только не с той стороны, откуда ждал его охотник. Выскочил он из кустов позади коня, и с рыком свирепым накинулся на него. Конь перепугался, взвился на дыбы и метнулся в сторону. Не удержался помощник егеря в седле, и улетел прямо в болото, в зыбун по самые плечи провалился. Рогатина ещё раньше него в трясину булькнула. Чует охотник, что и он сейчас уйдёт следом за ней – под ногами топь бездонная, ни опереться, ни зацепиться хоть за что-нибудь. Понял охотник, что смерть подходит неминуемая, что меньше минуты жить ему осталось. Заплакал он, стал звать на помощь. А кого звать-то? Кто его услышит в этом месте пустынном? Разве что, вепрь, который на берегу стоит и его погибели дожидается? Понял охотник, что нет ему никакого спасения, и стал прощаться со своей молодой женой, с детьми малыми, со стариками-родителями...

И тут, глазам своим не веря, увидел он, как вепрь начал подрывать своими бивнями корень осины, растущей на берегу. А потом навалился на неё боком и повалил так, чтобы её вершина легла прямо рядом с ним. Известное дело – утопающий и за соломинку хватается. А тут – целое дерево судьба послала. Не помня себя, схватился подручный егеря за ветки, и начал выбираться к берегу. Кое-как выполз, весь в тине и грязи болотной, никак не может поверить в то, что

жив остался. Пока он выбирался, вепрь ушёл в лес, а конь ещё раньше убежал. И пошёл охотник, шатаясь и спотыкаясь, на звук рогов и лай собак. Вскоре увидел он, как в его сторону скачут егеря.

– Ты куда запропастился? – спрашивают. – Почему такой грязный?

Не стал подручный кривить душой, всё как есть рассказал – и как желая отличиться и, попасть в старшие егеря, один отправился добывать секача, как упал в болото, и как его, неведомо почему, спас от неминуемой смерти тот самый секач, которого он хотел убить. Удивились егеря – сколько уже лет охотятся, а такого дива ни с кем ещё не случилось. Дали подручному лошадь, поскакали с докладом к царю. Тот тоже удивился и задумался: что бы это могло значить?

– Не иначе, – рассудил он, – тут замешано какое-то колдовство. А потому, до особого моего приказа охоту в этом лесу запрещаю.

Тут же приказал протрубить конец охоты и велел всем возвращаться назад.

А Степан-вепрь, едва к своему ручью вернулся, чтобы напиться чистой, родниковой воды, на его берегу прямо перед собой увидел Нужду Беспросветную. Сверкает старуха злобными глазами, шипит по-змеиному, трясущимися руками свой клубок мотает.

– Эх ты, глупец! – скрипит Нужда, головой мотая. – Не считала я тебя шибко умным. А ты и вовсе, полным дураком

оказался. Ладно, там, с огородов бедняцких кабанов прогнал. Ладно, там, у волчьей стаи оборвышей деревенских отбил. Так, что ж ты надумал спасти того, кто тебя самого убить собирался? Не послушал моих наставлений? Так, пеняй же на себя. Будь же с этого часа вороном, вестником бед и несчастий. И не вздумай своевольничать! Иначе потом трижды об этом пожалеешь!

Завыла она, замахала руками и топнула ногой. По лесу ветер пошёл, откуда-то чёрный вихрь налетел. Вепря подняло, закружило, и тут же обратился он в чёрного ворона. Закаркал Степан-ворон, взмахнул крыльями и взлетел на дерево. А старуха погрозила ему кулаком и снова исчезла.

Сидит Степан на дереве в облике ворона и вздыхает горестно. Как ни скверно он себя чувствовал став вепрем, но за эти-то дни малость притерпелся и даже привыкать начал к жизни кабаньей. Теперь же – всё начинай сначала. Поесть бы, да вороны желудей и кореньев не клюют – им чего-нибудь палого подавай. А Степан, и став вороном, даже помыслить не мог о том, чтобы питаться тем, что любят есть обычные вороны. Однако же, сиди – не сиди, а лететь куда-то надо. Взмахнул он крыльями и полетел над лесом, горестным карканьем с неба весть о себе подавая.

Вдруг видит – сидят на дубе пять чёрных воронов. Смотрят они куда-то вниз, о чём-то меж собой разговаривают. Сел рядом с ними Степан, тоже вниз глянул. А под дубом какой-то путник уснул, как видно, человек небогатый. Всего-то

и добра при нём – котомка холщёвая с краюхой хлеба да посох дорожный. А через кусты, что вдоль дороги, в его сторону крадутся два дюжих мужика недоброго вида с ножами в руках. Сразу Степан-ворон понял, что убить они его собираются, чтобы его нищенской котомкой завладеть. Один из воронов своим приятелям говорит:

– Вот радость-то нынче! Сейчас разбойники убьют этого бродягу, и он нам достанется. Эх, и попируем!..

У Степана-ворона над самым ухом кто-то тут же проскрипел: «Не вздумай лезть, куда не просят!» Однако сколь ни бит был он прежде, в облике кабаньем, но и теперь не утерпел. С громким карканьем сорвался Степан-ворон с дерева, когтями вцепился путнику в плечо и клювом крепко ущипнул за ухо. Вскрикнул тот и вскочил на ноги. А злодеи-то – вот они, уже прямо перед ним. Зубы оскалили, их острые ножи сверкают... Но не сплеховал путник – тёртым калачом оказался. Схватил свой посох, и давай их со всего размаху угощать! Те и ножи побросали, и, хватаясь за голову, кинулись наутёк. Тут же в лесу раздался злобный хриплый вой, а по лесной дороге пробежал чёрный вихрь

Степан-ворон сразу же, не мешкая, поспешил скрыться в ближайшем орешнике. Знал он, что не поздоровится ему теперь. А вороны и в самом деле рассердились не на шутку – что это за дурак, который спас какого-то там человечешку и оставил их без обеда?! Кинулись они в погоню за Степаном, грозя и когтями его исцарапать, и клювами исклевать,

общипав до последнего пёрышка, да только он сумел затаиться так, что зря они чуть не до самого вечера искали его по всему лесу. А как только суматоха утихла, да ещё и свечерело, Степан – тишком, украдкой, от берёзки – к берёзке, от осинки – к осинке, выбрался в чистое поле, и полетел прямо в стольный град. Летит и думает: «Эх, глянуть бы на свой дом, проведать, как там мои поживают?..»

Отправился он на тот край города, где на ремесленной улочке стоял его дом, залетел во двор, сел на изгородь и увидел, что дверь и окна досками заколочены, во дворе тихо и пусто, как на кладбище. И ни у кого не спросить, ни от кого не узнать, где сейчас его жена с сыновьями и дочкой. Горько ему стало, и закричал он в крайней горести:

– Где моя семья? Куда они ушли?! Что с ними сейчас?!!

Только люди-то слышат одно лишь воронье: «Кар-р-р! Кар-р-р! Кар-р-р!» Услышав это, выбежал сосед, стал в него камнями кидать, приговаривая:

– Улетай, проклятый ворон! Улетай! Нечего нам несчастья накликать!

Поднялся Степан, и полетел к старой берёзе, что росла неподалёку. В гуще её ветвей скоротал ночь, а с рассветом полетел искать свою семью. Решил так, что будет летать над городом до тех пор, пока кого-нибудь не увидит. Так и сделал. Долго он кружил, то над улицами и переулками, то над садами и огородами, то над речками и озёрами. Но нигде-нигде никого из своей семьи найти ему не удалось. Утомив-

шись, ближе к полудню сел он немного передохнуть в чьём-то саду на старую яблоню. Глянул, а в тени под яблоней стоит детская кроватка, в которой недвижимо лежит мальчик, похожий на его старшего сына. И сразу же он понял, что ребёнок очень болен и жить ему осталось совсем немного. Горем убитая мать ребёнка увидела ворона и заплакала:

– Ну, вот уж и чёрный ворон прилетел. Знать, смерть совсем уже близко...

Хотел Степан улететь, чтобы упрёков напрасных не слышать, но тут до его слуха донёсся тихий шёпот яблони, человеческим ухом неслышимый:

– Если сорвать мой плод, что прямо над ребёнком висит, и дать ему отведать, в тот же миг уйдёт болезнь и смерть.

И понял тут Степан, что снова ему придётся выбирать: или улететь и этим заслужить благосклонность Нужды, или помочь больному, и ещё больше её разозлить. К тому же, снова услышал он шипение ведьмы: «Не смей своевольничать!» Но, подумал он, подумал, да и решил: «Не быть потвоему, ведьма проклятая! Как я потом своим детям в глаза глядеть буду?» Спустился он пониже, сорвал клювом яблоко, и бросил его к изголовью больного. Удивилась женщина увиденному, и одолели её тяжкие сомнения: а к добру ли взять яблоко, сорванное вороном? Для чего это он сделал? Но, поразмыслив, как видно, решила, что хуже уж, наверное, и не будет. А яблоко-то, может быть, и ко благу? Дала она его сыну. Тот с трудом едва смог надкусить яблоко, но на

его щеках тут же заиграл румянец. Ещё раз откусил он от яблока – ушла из тела лихорадка. А откусил третий раз – сам поднялся с постели, словно и не болел никогда. И в тот же миг где-то в стороне словно кто-то хрипло застонал, а по улице пролетел чёрный вихрь. Обрадовалась мать чудесному выздоровлению сына, от счастья ног под собой не чувствует. Хотела поблагодарить ворона, да только он уже улетел неизвестно куда.

Летит Степан-ворон над людными улицами городскими, а сам размышляет про то, что если ещё раз сделает не так, как этого хочет ведьма, то превратит она его в козьявку неприметную. Тогда уж – точно, никого не сможет найти, ни жену, ни детей. Поэтому, пока не найдена семья, может быть ему и в самом деле ни в какие дела больше не ввязываться? Может быть, хватит злить ведьму, и заречься от добрых дел?

Но – это в мыслях. А вот на деле-то получилось совсем не так, как он думал, а потому никак не удалось ему исполнить свой зарок. Пролетая над царским дворцом, увидел он огромную стаю городских воронов, кружащихся в небе, и услышал, как они радуются тому, что скоро будет ужасная сеча, и все окрестные поля будут усыпаны убитыми людьми. А всё из-за того, что в это царство войдёт войско султана, правителя страны Турзямской, которое все города и сёла выжжет дотла.

Смотрит Степан-ворон, и видит, как из городских ворот выходит царская рать и идёт в полуденную сторону, чтобы

сразиться с вражеской силой. Вороны тут же стаей полетели следом. Полетел вместе со всеми и Степан. Слышит, внизу ратники разговаривают:

– Глянь, сколько воронья слетелось! Видно, чувят, что много людей останется на поле брани... Эх, устоять бы нам перед неисчислимой силой орды султанской. Случись, не одолеем врага – пройдёт он по нашей земле, не пощадит ни старого, ни малого.

Скверно стало на душе у Степана. Был бы человеком – сам бы пошёл с врагом биться. А так – чем он сейчас свой рати поможет в облике ворона? «А, была – не была! – думает. – Полечу-ка я к войску султанскому, гляну, что это там за сила. Авось, что-нибудь и придумаю».

Обогнал он воронью стаю и что есть духу помчался к высокому холму, на котором даже издали был виден сверкающий золотом султанский шатёр. А вокруг шатра – войско, кажущееся бесчисленным. Почитай, раза в три больше царской рати. Стоит эта орда и ждёт приказа наступать. А Степан-ворон летит, и словно слышит скрипучий голос старой ведьмы: «Ты опять?! Ой, поплатишься, Степан! Ой, поплатишься!» Но он и не подумал назад повернуть. Наоборот, ещё быстрее полетел. Видит, над войском султанским тоже стаи воронов кружат, тоже добычи дожидаются. Заметили они чужака и кинулись его бить – чего, мол, сюда притащился? На чужой каравай – рот не разевай! Но Степан вовремя это приметил, прошмыгнул меж лошадьми, под повозками обоза, и – пря-

мо к шатру султана. Там стража – в три ряда понаставлена. Только, что ворону стража? Взлетел он на верхушку шатра, в ней – большая круглая отдушина, чтобы, значит, свежим ветерком в шатёр задувало.

Заглянул Степан внутрь и видит, что в самом центре на троне сидит султан, а вокруг него на коврах расселись его визири. Советники, значит. Перед султаном стол, на котором лежит карта, где план сражения нарисован. Взял султан перо, обмакнул в золотую чернильницу и собрался что-то подписывать. Как видно, приказ о начале битвы. Не мешкая, Степан сорвался вниз и, схватив когтями чернильницу, опрокинул её прямо на середину карты. План тут же залило – ничего на нём не разобрать. Визири крик подняли, кинулись к столу, чтобы изловить зловредную птицу. И, гляди-ка, удалось-таки главному султанскому воеводе-паше в последний миг схватить ворона за ноги. Только зря он это сделал. Ворон извернулся в его руках, да со всего размаху как клюнет пашу в правый глаз! А левого-то глаза у паши уже лет десять как не было – во время прежнего нашествия, царский ратник попал ему в глаз меткой стрелой.

Заорал паша как резаный, ворона выпустил, за глаз хватается. Как ему теперь султанское войско в бой вести?! Полководец он был – и не описать, какой заслуженный. Сколько сражений выиграл – уже и сам не помнил, сколько городов осадой и приступом взял – на руках и ногах пальцев не хватит, чтобы счесть. Наград на его халате висело дюжин пять,

а то и больше. Без него, можно сказать, и войско – не войско. А потому в шатре султанском настали горечь и уныние. Визири охают, лекари с примочками бегают, стражники как ошпаренные мечутся... А уж паша – горемычнее всех. Ладно бы, второй глаз потерял в бою, а то ведь какой-то ворон его выклевал! Стыд и позор! Хоть домой не возвращайся...

Опечалился султан: десять лет он к этой войне готовился, а теперь – как сражаться, если и плана нет, и лучший паша остался без последнего глаза? Глядя на него визири совсем приуныли. Стали советовать султану заключить с царём вечный мир. Повздыхал султан, повздыхал, а пришлось-таки ему отправить к царю гонца с бумагой о том, что обещает больше не никогда не нападать.

– Видно, не судьба мне победить это царство... – глядя вслед гонцу, печалится султан. – Недаром, когда я выезжал из дворцовых ворот, мой любимый конь споткнулся...

Рать, тем временем, уже и пушки медные зарядила, и копьё с мечами изготовила, ждёт только приказа воеводы. Тут – глядь, скачет к ним гонец султанский, и просится на приём к царю. Прочитал царь присланную ему бумагу, хоть и сильно удивился, но рассудил, что вечный мир – не сравнить, как лучше, чем вечная война. Подписали они с султаном договор, и пошли войска, каждое в свою сторону. И снова над полем кто-то невидимый – то ли простонал, то ли прохрипел, а там, где должна была случиться битва, взвился чёрный вихрь и тут же рассыпался в прах.

Людам-то, конечно, от того, что сражение закончилось даже не начавшись, только радость, а вот воронам, которые ждали сечи кровавой, горесть одна. Стали они разбираться: что это за дурак, который помешал начаться войне? А на султанской стороне тоже вороны горемычатся. Ищут того супостата, что выклевал глаз паше и не дал начаться битве. Ищут те, ищут эти... И как-то так вышло, что султанские вороны посчитали виновными царских воронов, а царские – султанских. Слетелись они над полем, и давай меж собой драться. Перьев друг из друга нащипали – хоть перины набивай. Как будто на поле чёрный снег выпал. Так с той поры оно и стало называться Вороньей Сечей.

А Степан-ворон летит к стольному граду, и заранее знает, что теперь не миновать ему превращения в какую-нибудь козявку. Но всё равно надеется, что пока он в облике ворона, пока может летать, вдруг ему удастся разыскать жену и детей? Хоть бы краем глаза кого-то из них увидеть, хоть бы что-то о них узнать. Пролегал его путь мимо царского дворца, и как только он с ним поравнялся, то сразу почувствовал, что отчего-то не стали держать его крылья. Камнем полетел он к земле, и упал на траву дворцового сада. С трудом поднял голову, и тут же увидел трясущуюся от злости Нужду Беспросветную. Правда, сразу же заметил и то, что с той поры, как видел её в последний раз, намного хуже она стала. И исхудала до костей, и глаза ввалились, и сгорбилась вдвое, против прежнего.

– Ну, что, Степан, я гляжу, ничему тебя жизнь и кабанья, и воронья не научила? – скрипит злая ведьма. – Всё своёвольничаешь? Стань же тогда муравьём, и оставайся им до скончания дней своих. А осталось тебе жить – всего три дня и три ночи.

Завыла она, замахала руками, топнула ногой, и прилетевший чёрный вихрь закружил ворона, обращая его в муравья. Старуха исчезла, а Степан оказался в густом, дремучем лесу. Сразу-то и не сообразил, что лесом для него стала трава, растущая в саду. Стоит он в этой травяной чащобе и думает: что же теперь делать? Куда и зачем идти? И тут вспомнилось Степану-муравью, как когда-то рассказывали ему про волшебный цветок, способный разрушить злые чары, который растёт в царском дворце. И решил он идти искать тот цветок. Правда, будь он человеком, до дворца от этого места дошёл бы меньше, чем за полчаса. А муравью, прикинь, и дня с ночью на этот путь маловато. Но деваться-то некуда, надо идти. И он пошёл. Не описать словами, сколь нелёгко и труден оказался этот путь, сколько всяких опасностей подстерегало его на каждом шагу. Ведь его растоптать мог даже кроха-воробей... Два раза на него чуть не наступил царский садовник, раз пять – гулявшие в саду придворные ...

Лишь на следующий день добрался Степан до царского дворца. По его стене взобрался наверх, увидел перед собой открытое настежь окно каких-то богато убранных покоев. Смотрит, служанка там убирается, пыль стирает, шторы по-

правляет. Кончила работу, открыла шкатулку и, смеясь, начала примерять драгоценные украшения. Только этот смех ей очень скоро слезами обернулся. Нитка жемчужного ожерелья отчего-то вдруг лопнула, и весь жемчуг рассыпался по полу. Испугалась служанка, расплакалась, стала его собирать, а тут и её хозяйка вошла – то ли княгиня, то ли графиня. Как узнала эта благородная дама, что произошло, стала браниться – иному сапожнику на зависть, грозить служанке плетью и заточением в подвале. Особенно потому, что одной жемчужины найти так и не удалось. Хозяйка из-за этого совсем осатанела, кричит:

– Если не найдёшь жемчужину – с тебя сегодня же шкуру спустят и отправят в заточение!

Снова служанка поползла по полу, разыскивая пропажу. Жалко её стало Степану. С подоконника спустился он на пол и быстро разыскал пропажу в самом дальнем и тёмном углу как будто кто-то нарочно её туда закатил. Хоть и тяжела жемчужина оказалась для его муравьиной силы, но выкатил он драгоценность на видное место. Увидела её служанка, обрадовалась. Кричит хозяйке:

– Госпожа! Вот она, нашлась!

Та пофырчала, пофырчала, а всё-таки служанку отпустила. Правда, оплеуху напоследок ей, всё же, отвесила дама благородная – как же без оплеухи-то обойтись?! А Степан, видя это, очень даже сильно озадачился. Раньше ему всегда казалось, что грубо браниться и распускать руки могут толь-

ко в простонародье. И то, не все, а лишь те, кого судьба добротой и совестью обделила. А уж во дворце-то, считал он, живут люди души особой, деликатной да изысканной. А на деле-то, оказывается, самая скандальная базарная торговка не бранится и не дерётся, как эта княгиня-графиня.

И отправился он дальше по наружной стене, искать волшебный цветок. Как увидит на каком-нибудь подоконнике вазу с посаженными в ней цветами, так сразу же спешит к ним взобраться и дотронуться – а вдруг, повезёт, а друг, это тот самый, что ему нужен? Только время шло, а нужного цветка найти всё никак не удавалось. Ближе к вечеру перебрался Степан-муравей на другую стену дворца, и опять начал искать цветок с самых нижних окон.

На самом низу покои были не шибко богатыми. Там, как видно, проживала дворцовая прислуга. Забрался он в одну небогатую светлицу, где, как видно, проживала дворцовая стража. Там на подоконнике нашёл он куст герани. Взобрался на неё, а чары так и не рассыпались. И тут увидел он молодого стражника, который, как видно, за столом что-то писал, да и уснул, уронив голову. Разобрало Степана любопытство: что же у него там такое? Какое-нибудь прошение или донесение?

Взобрался он стражнику на плечо и при свече, которая горела на столе в простом подсвечнике, глядя сверху, прочитал то, что было написано: «Дорогая матушка! С низким поклоном передаю тебе свой привет. Как ты меня и напутство-

вала, службу свою исполняю с честью и совестью. Есть тут у меня хорошие товарищи, что и поддержат, и случись такое, в бою не подведут. Одно плохо – не знаю с чего, завёлся у меня недруг тайный. Распускает про меня чёрную клевету, как видно, хочет меня погубить. Не хотел я тебе писать об этом, чтобы ты душой не изболелась, но заранее хочу тебя известить: что бы со мной ни случилось, что бы обо мне ни сказали, знай: служу я верой и правдой, ничем нашу семью не запятнал, не опозорил...»

Только успел Степан дочитать до этого места, как дверь светлицы без шума приоткрылась, и из-за неё вьюном в светлицу проскользнул какой-то человек в лакейской ливрее с недобрим, воровским лицом. Он что-то прятал у себя за пазухой. Степан сразу же понял, что лакей задумал какое-то недоброе дело. А тот взял со стола свечу, даже не заметив, как на его рукав быстро взобрался лесной муравей, и на цыпочках поспешил к простому, дорожному дощатому сундучку, стоящему у стены. Поднял лакей крышку, начал доставать из-за пазухи и совать в сундучок золотые кубки и серебряные ложки. Понял Степан, что это и есть тайный недруг молодого стражника.

«Ах ты мерзавец! – рассердился он. – Хочешь неповинного человека вором выставить? Так, получи же от меня!»

И как вопьётся в руку лакея! Хоть и мал муравей, да, видно, очень больно укусил, потому как тот вскрикнул, выпустил крышку сундучка и уронил ложки на пол. Громко

стукнула крышка, зазвенели ложки. Услышал это молодой стражник, вскочил на ноги и выбежал из-за стола. В последний миг он успел схватить за руку злодея, который был уже у самой двери, и тут же позвал подмогу. В момент прибежала дворцовая стража. Начальник стражи как узнал в чём дело, немедленно приказал отвести лакея под замок.

И снова Степан отправился странствовать по дворцу, разыскивая волшебный цветок. Ведь ему, как сказала злая ведьма Нужда Беспросветная, осталось жить, теперь уже, всего завтрашний один день. Уже поздней ночью попал он в богато обставленную палату, с позолотой и хрусталём на стенах и потолке, где за большим дубовым столом, накрытом бархатной скатертью, сидел толстый человек, одетый в кафтан, шитый золотом. Озираясь по сторонам, толстяк отдавал тайное распоряжение своей прислужнице. Та должна была пробраться в кабинет придворного лекаря и высыпать в лекарство, приготовленное для царевны, колдовское снадобье, приняв которое, девушка должна была стать то ли ящерицей, то ли жабой.

«Ну и ну! – продолжает удивляться Степан. – Прямо, не царский дворец, а змеиный клубок какой-то. Что ж тут так много злых и подлых? Вроде, живут в богатых хоромах, не голодают, не раздеты, не разуты... А таких, что норовят подстроить кому-нибудь пакость – пруд пруди...»

И вдруг подумалось ему: а может быть, насчёт царевны ему и не стоит беспокоиться? Что, если она, как и многие

тут – злая, своенравная, жестокая? Да и пусть станет жабой. Ему-то что? К тому же, если он не станет вмешиваться, глядишь, Нужда и вернёт ему облик человеческий? Но, поразмыслив, сам с собой Степан-муравей не согласился: здесь подлости, чаще всего, подстраивают не подлым, а тем, кто добр и честен. Не стал же поганец-лакей замышлять своё гнусное дело против кого-то из своих, таких же, как и он сам, приятелей? Выставить вором он решил достойного, неподкупного стражника. Так что, надо бы царевне как-то помочь...

Прицепился он сзади к платью служанки толстяка и вместе с ней вскоре оказался в большой комнате, где пахло лекарствами. Всё там было заставлено шкафами, в которых стояли бутылки, банки, склянки, всякие коробки и ларцы. Подойдя к самому большому шкафу, служанка достала из него ларец, подписанный «Для царевны Алёны». Дрожа от страха (за такое, поди, и голову могут отрубить!) она открыла его и высыпала внутрь какое-то зелье из баночки, которую ей дал толстяк. Потом поставила ларец на место и закрыла шкаф.

Степан-муравей с её платья спрыгнул на стол, заваленный всякими бумагами, а служанка из комнаты вышла вон, и на цыпочках поспешила прочь. Стоит Степан, и не знает, как сделать так, чтобы колдовскую отраву завтра утром не дали царевне. Тут увидел он недалеко от себя чернильницу, из которой торчало гусиное перо, и сразу же сообразил, что нужно сделать. Он взобрался на чернильницу, по перу

спустился внутрь, окунулся в чернила и, выбравшись наружу, на одном из листов бумаги самим собой начал выводить крупные буквы: «В ЛЕКАРСТВО ЦАРЕВНЫ ПОДМЕШАЛИ КОЛДОВСКОЕ ЗЕЛЬЕ». Казалось бы – что за сложность написать несколько слов? Но это – человеку легко и просто. А каково писать самим собой крохотному муравью? Тех чернил, что были на нём, хватило всего на полбуквы. А чтобы дописать вторую половину, снова пришлось взбираться на чернильницу, опять окунаться в чернила... И так – почти всю ночь. Лишь ближе к утру закончил Степан-муравей писать, и тут же свалился обессиленный прямо среди бумаг.

Проснулся он от стука двери и чьих-то шагов. В комнату вошёл седовласый мужчина в белом докторском одеянии, с бородкой и с очками на носу. Он подошёл к самому большому шкафу и достал из него ларец с лекарством для царевны, и сразу же направился к выходу.

– Стой! – крикнул ему Степан. – Глянь сюда и прочитай, что я написал!

Но услышит ли человек голос муравья? И тут Степан увидел лежащий на столе маленький серебряный колокольчик, которым вызывают слуг. Не мешкая, он подбежал к нему и, с великим трудом приподняв его тяжёлый язычок, с силой ударил по стенке колокольчика. Придворный лекарь, который был уже в дверях, оглянулся и остановился. И сказал удивлённо:

– Это мне почудилось, или колокольчик уже сам звонить

начал? А ну-ка, гляну, что там такое...

Подошёл он к столу, и сразу же увидел написанное Степаном. Ещё больше удивился лекарь, очень разволновался и, позвонив колокольчиком, распорядился слугам прислать к нему начальника дворцовой стражи. Тот пришёл очень скоро, да ещё и привёл с собой придворного мага. Этот маг, конечно, магом был не самым сильным, но в чародействе, всё же, разбирался. Провёл он рукой над ларцом с лекарством, и объявил, что и в самом деле в ларец злая рука всыпала особое зелье, приняв которое человек обязательно превратится в жабу. Причём, изготовил его колдун необычайно сильный, к тому же, чужеземный, с чьим колдовством справиться очень и очень непросто.

– И кто же этот злодей, что всыпал зелье? – спрашивает начальник стражи.

– Могу сказать только то, что он и сейчас находится во дворце, – ответил маг. – А кто он – будем знать только вечером, когда на небе вновь появятся звёзды. Они мне всё расскажут.

– Эх, какая досада! – огорчился главный стражник. – До вечера этот тать, если его не заковать в железо, ещё немало зла сотворить может. Идёмте все с докладом к государю – он о обо всём этом обязательно должен знать.

И все трое тут же отправились в покои царя. А царь ещё только успел умыться и собирался завтракать. Но как только услышал, с чем к нему пришли лекарь, стражник и маг, так

сразу же и про еду, и про всё остальное забыл. Быстренько оделся, и – чуть не бегом, в покои царевны Алёны. Та тоже уже была на ногах, сидела у окна и вышивала при свете восходящего солнца. Глядит Степан-муравей, который прицепился к одежде придворного лекаря, а все стены царевниных покоев увешаны портретами всяких там царевичей, королевичей, принцев всевозможных, да ещё и султаничей и эмиричей в придачу. Только печальна была она почему-то – ни на отца, ни на тех, что пришли с ним, даже не взглянула. Сразу понял Степан, что одолевает её тяжкая кручина. А ещё он вдруг почуял, что где-то совсем близко от него то, что он так искал по всему дворцу – тот цветок, который мог бы вернуть ему облик человеческий.

Быстренько с лекаря спустился он на пол, и поспешил к окну, где весь подоконник сплошь был уставлен самыми разными цветами. Ну а пока бежал через покои, слушал разговор царя с дочерью. А спросил царь её о том, почему уже целый месяц пребывает она в печали и никого не хочет видеть? Почему отказала всем заморским женихам, хотя до этого, вроде бы, и была не против за кого-то из них выйти замуж?

– ...Я ж специально, ещё весной, приказал вывесить в твоих покоях портреты всех женихов, чтобы хоть какой-нибудь тебе да приглянулся, – корит царь Алёну. – Ты же, я помню, согласилась как-то раз встретиться с принцем Кургундским. Он-то тебе чем не мил?

– Глупый он и скучный, – вздохнула царевна. – У него

только и разговоров: сколько у его отца сундуков с золотом, да какой он сам красавец писанный. Так что, зря ты устроил эту затею с портретами женихов – я их никого и не вижу во-все.

Нахмурился царь, косит глазом в сторону лекаря.

– Ну, что скажешь ты? Можешь ли излечить мою дочь от этой меланхолии, или мне нужно искать другого лекаря? – спрашивает он.

– Государь, тут лекарства не помогут, – разводит тот руками. – Лучше, спросил бы ты Алёну о том, чего она сама хочет. Это ей скорее помогло бы!

– Ну и чего же хочешь ты? – смотрит царь на свою дочь.

Подумала та и сказала:

– Хочу выйти замуж за того, кто сердцу мил, чтобы жить с ним в любви и согласии. Не хочу я быть отданной кому-то как вещь или канарейка, которую на рынке продают.

– А, что, – удивляется царь, – у тебя такой на примете имеется?

– Да, имеется, – грустно улыбнулась царевна. – Только обещай мне, что если скажу, кто он, ты будешь к нему милостив и справедлив.

Покряхтел царь, покряхтел, но кивнул согласно.

– Ладно, даю своё слово царское, что... Гнева на него не обрушу. И кто же он?

– Молодой стражник Данила, – призналась Алёна.

У бедного царя от таких слов даже скипетр выпал из рук.

Хлопает он глазами, своим ушам поверить не может. Вот только все остальные стоят, как ни в чём не бывало, словно это им и не в диковину. Кое-как отдышался царь, спрашивает сердито:

– И давно у вас с ним эти самые шуры-муры?! Как же вы с ним так хитро встречаетесь, что никто ничего не заметил, и мне не доложил?

– Батюшка, ну что у тебя за слова – «шуры-муры»?.. И не встречались мы с ним вовсе. Просто лишь иногда, когда он охраняет сад, я стою у окна, и мы с ним видим друг друга. А в первый раз я его увидела всего месяц назад. Лишь раз взглянула, и сразу же поняла: вот он, мой избранник. Мы даже ещё ни одного слова друг другу не сказали. Но без него мне уже и свет не мил.

Всплёскивает царь руками, кипятится:

– Что за чепуха?! Тут, понимаешь, портреты месяцами висят – она их не замечает. А какого-то безродного стражника в окно увидела – и всё, любовь у них. И с чего ты взяла, что тоже ему понравилась? Ведь ещё неизвестно, что ему нравится больше – ты сама или твоё приданное?!

Усмехнулась царевна.

– Разве слова тут важны? Всего один взгляд может сказать куда больше, чем самая долгая речь. И разве важны титулы? Разве важно и то, сколько у кого-то сундуков с золотом, или нет их вообще? Я ведь поэтому никому ничего и не говорила, чтобы не навлечь на Данилу беды. Об этом только мы с ним

вдвоём знаем...

Слушая её, отчего-то вдруг закашлялись и начальник стражи, и лекарь, и маг.

– Да если сказать по правде, царевна, то об этом уже весь дворец знает... – признался лекарь. – И не от Данилы – он нем, как рыба. А от графини Аглаи, той злыдни, что по каждому пустяку своим служанкам оплеухи раздаёт, и бранится при этом, как пьяный сапожник. Она сама пробовала Данилу себе в ухажёры определить, только он на её богатства не позарился. Она-то и заприметила, как вы друг на друга смотрите, и тут же об этом по всему дворцу разнесла.

– Что, что, что?.. – ещё больше удивился царь. – А почему об этом я ничего не знаю?! В моём дворце творится невесть что, все об этом знают, а я – нет?!!

– Что, что, что?!! – ахнула царевна. – Эта злая мегера Аглая пыталась отбить у меня моего Данилу? Ну, погоди, разлучница, сегодня же все твои патлы повыдергаю!.. Ой! О чём это я? Видишь, батюшка, мы ещё даже ни разу не встретились с Данилой, а его у меня уже отобрать норовят!

Рассердился царь, топнул ногой:

– Всем молчать и отвечать только на мои вопросы. Ответствуй мне, начальник стражи: откуда он взялся, этот Данила? Что за птица? Какого роду-племени?

– Помнишь, государь, – начал говорить главный стражник, – как годов пятнадцать назад, во время войны с королевством Наглицким, ты самолично повёл в бой нашу кон-

ницу? В тебя выпустил стрелу наглицкий лучник, и убил бы насмерть, если бы не прикрыл своей грудью простой конник Кондратий. Был он ранен, но, слава богу, выжил. Ты его ещё изволил пожаловать своим царским перстнем. Помнишь? Так, вот, Данила – его сын. И ещё доложу. Вчера в стражницкой лакей Фотейка был схвачен в тот момент, когда в сундучок Данилы подкладывал украденные из твоих покоев золотые кубки и серебряные ложки. Я его допросил, и он мне признался, что на это грязное дело его подбил принц Кургундский.

Совсем царь опешил, узнав про такое.

– Да, не может этого быть! – кричит. – Чтобы благородный человек кого-то подговаривал совершить подлость?!

– Государь, а с чего бы это он был благородным?! – машет рукой начальник стражи. – Его папаша свой трон как занял? Родного брата отравил, и стал королём. А сынок-то – весь в отца. Как говорится, яблочко от яблоньки недалеко падает. Теперь я догадываюсь, кто надумал колдовским зельем обратить Алёну в тварь болотную. Из Кургундии, государь, этим ветерком тянет. То-то я гляжу, последнее время графиня Аглая больно уж часто стала письма из королевства Кургундского получать. Видно, сговорились они с принцем тамошним, что он себе царевну хитрым манёвром раздобудет, а Аглайке уж тогда – Данила достанется. И оба они при своих интересах.

– Меня собирались превратить во что-то гадкое? – снова

ахнула царица.

– Да, не во что-то, а в жабу... – вздохнул царь. – Только в толк не возьму, для чего этому прыщуху кургундскому понадобилось такое свинство?

– Как зачем, государь?! – объясняет лекарь. – Как только стала бы царица... Гм-гм... Тварью болотной, ты бы объявил, что всякий, кто её от злых чар избавит, немедленно станет её мужем. Ну а принц-то – уж тут, как тут, с готовым лекарством. И всё – шито-крыто.

– Ну и мошенники! – дивится царь. – В жизни бы не подумал, что принцы на такое способны. Ну, всё ясно! Кургундцу сегодня же даём от ворот – поворот. Эй, кто-нибудь! Портрет его уберите с глаз моих долой. Но ты, Алёна, знай: всё равно замуж тебе выходить за кого-то этих, что остались. За Данилу я тебя не отдам!

– Ах, так! – Алёна тоже топнула ногой. – Тогда велю немедленно дать мне то колдовское зелье! Я его сейчас же приму, и стану жабой.

– Это ещё зачем? – снова выронил свой скипетр царь.

– А тогда, батюшка, тебе, хочешь – не хочешь, придётся-таки отдать меня за Данилу!

– А как же вы с ним жить-то будете? – у царя от удивления глаза стали как десятирублёвики серебряные. – Он – человек, ты – тварь болотная... Как?!

– Как-нибудь проживём! Главное, будем друг друга видеть всякий день и всякий час. Он меня будет комариками и мош-

ками потчевать, в саду выгуливать... – смеётся царица.

– Тьфу ты, глупости несёшь несусветные! – осерчал царь. – Да если ты станешь жабой, он на тебя и глянуть не захочет. А, давай-ка это сейчас проверим. Немедля вызвать сюда Данилу-стражника. А ты, дочь моя, стань вон за той занавеской, чтобы тебя не было ни видно, ни слышно.

Вскоро явился Данила, доложил, как положено. Глянул на него царь, и даже крикнул с досады: и, что б такому королевичем не родиться? Кургундца-то и близко с ним не поставить. Говорит царь:

– Ведомо мне стало, Данила, что шибко ты в мою дочь, в царевну Алёну влюбился. Да вот, беда у нас приключилась нынче: кто-то подсыпал ей зелье колдовское, и сей же миг превратилась она, прости господи, в жабу. Так что, сам понимаешь – теперь она тебе и вовсе не пара. Что скажешь?

Сник от услышанного стражник, даже покачнулся в такой внезапной горести. Но тут же укрепился духом и ответил твёрдо:

– Сердцем чую, государь, что где-то рядом она. Уж, не знаю, в каком сейчас облике – в своём человеческом или каком-то другом, но любить я её всё равно не перестану, во что бы её ни превратили.

– Вот, незадача-то! – сокрушается царь. – И что мне делать с этими двоими твердолобыми?! Как есть: два сапога – пара. Ладно уж, выходи, Алёна. Не препятствую – забирай своего Данилу. Но только помни, дочка, что теперь мой пре-

стол не унаследуешь! Я-то надеялся, что ты меня сменишь... Вон, и с иноземцами на их языках лучше их разговариваешь, и столько умных книг перечитала... Правительница была бы – лучше и не придумать. А теперь – что? Будешь женой простого стражника. А наследником я объявлю твоего брата, малого Ваньку, как только он подрастёт. Вот, как тебе это? А?!

Подошла царевна к Даниле, взяла его за руку и сказала:

– С ним, батюшка я и в шалаше жить согласна.

Сказал и Данила:

– Государь, я знаю, кто собирался причинить зло Алёнушке. Перед тем, как меня вызвали сюда, мой товарищ рассказал мне, что нынче ночью у лекарского кабинета заприметил он служанку главного министра, как раз, когда она из него выходила.

Старший стражник даже рукой об руку хлопнул.

– Ну, говорил же я тебе, государь, что твой главный министр измену затевает? Напомню, что это именно он перед тем, как на нас пошла турзямская орда, чуть не всю нашу рать распустил по домам! Я тогда ещё подумал: уж, не в сговоре ли он с султаном?

Выслушал его царь, и немедля повелел вызвать главного министра. А Степан-муравей тем временем на подоконнике бегал от одной цветочной вазы к другой, чтобы проверить: какой же из растущих в них цветков поможет ему стать человеком? Только вот добраться до них было очень уж непросто. Вазы-то все из дорогого фарфора, гладкой, как стекло,

глазурью перламутровой покрыты. Так что, пока царь и все, кто с ним был в покоях царевны, разговоры да споры вели, Степан, выбиваясь из последних сил, взбирался по последней вазе к дивному, тёмно-красному цветку. И только перевалился он через её край, чтобы дойти до стебля цветка, как вдруг увидел невдалеке от себя уже трижды опостылевшую ему Нужду Беспросветную.

Совсем плоха стала старуха – согнулась, чуть не до земли, ноги её подгибаются, руки еле держат клубок. Но в глазах ведьмы – всё та же злоба, всё та же алчность.

– Всё, Степан, пришёл тебе конец! – шипит она, грозя костлявым кулаком. – Ты сейчас дотронешься до этого цветка и снова станешь человеком. Но что ты скажешь царю, если он спросит, откуда ты взялся? Тебя посчитают вором и разбойником, незаконно пробравшимся во дворец, и прикажут отрубить голову. Одумайся! А я ещё на неделю продлю твою жизнь. За это время ты успеешь совершить три чёрных дела, и тогда я сама верну тебе человеческий облик, и дам целый мешок золота!

Но сказал ей Степан:

– Нет, Нужда, не буду я тебя слушать. Все твои слова – ложь. Но даже если меня и казнят, то умру я человеком. А сотворив чёрные дела, облик-то я, может быть, и верну, только вот человеком быть перестану.

И, уже не обращая внимания на неслышимый людьми истошный крик ведьмы, подбежал к стеблю цветка и дотронул-

ся до него. Тут же за окном завыл ветер, закружился вихрь и увидел себя Степан таким же, каким и был раньше. Потихоньку спустился он с подоконника на пол и, не выходя из-за шторы решил дожидаться, когда все выйдут из этой светлицы, чтобы потом ему незаметно можно было выбраться из дворца. Стоит и слушает, как царь задаёт вопросы прибежавшему главному министру. А тот, когда понял, что отпираться бесполезно, и что ещё немного, и его голова слетит с плеч, решил пойти на хитрость. Спросил его царь, для какой надобности и по чьей воле он собирался дать царевне колдовского зелья, а главный министр вдруг упал на четвереньки, и давай лаять по-собачьи: «Гав! Гав! Гав!..»

Спрашивает царь лекаря:

– Он, что, этот дурак, и в самом деле с ума сошёл?

Тот поглядел, поглядел, и отвечает:

– Государь, сумасшедшим он только сейчас притворяться начал, а вот хитрым и продажным дураком был всегда!

Услышал это Степан, и так ему стало смешно, что не выдержал он, и во весь голос расхохотался. Услышав его, все тут же замерли. Даже министр от удивления лаять перестал. Подбежал к окну начальник стражи, отдернул штору, и все увидели стоявшего за ней бедно одетого мужика в косоворотке с опояской, в латаных штанах и старых, стоптанных сапогах. Первым опомнился стражник Данила. Спрашивает:

– Мастер Степан, как ты тут оказался?

– Ты его знаешь? Откуда? – обернулся к нему царь.

– Так это же, государь, первейший мастер в нашем стольном граде. Он и блоху подкуёт, даже когда она скачет. Мо-ему другу он как-то сработал сбрую для его коня. Так ему теперь мы все завидуем – уж, и красива эта сбруя, и надёжна, и удобна.

– Вон как... – дивится царь. – И как же это ты мастер Степан сумел пробраться в мой дворец и для чего прятался в покоях царевны?

Поклонился ему Степан и сказал:

– Будь здоров, государь, здравствуйте и вы, люди придворные. Скажу вам, как на духу, что не разбойник я, и не вор, а ещё минуту назад был неприметным муравьём, в которого превратила меня злая ведьма Нужда Беспросветная. Помог мне вернуться в человеческий облик вот этот чудодейственный цветок. А ещё был я вепрем, был вороном... Много мне пришлось пережить.

– Ну, рассказывай, рассказывай, как попал во дворец, а мы посмотрим – правду ты говоришь, или одурачить нас хочешь! – приказал ему царь.

И поведал Степан, как встретил в лесу злую ведьму Нужду, и как за его отказ творить чёрные дела, она обратила его в дикого кабана. Услышав про то, как кабан помог выбраться из болота молодому охотнику, царь его остановил:

– Погоди-ка! Да, помню, был такой случай на охоте! А ты откуда об этом знаешь?

– Так, как же мне не знать, государь, если тем вопреку я и был? – развёл Степан руками.

Потом он поведал про то, как уже вороном разбудил путника и этим спас его от разбойников. Тут подал голос начальник стражи:

– Докладывали мне, государь, что неделю назад в Непроходьевских лесах какой-то путник своим посохом двоих разбойников отдубасил. Что было, то – было. И, правда, разбудил его ворон.

– И где теперь эти тати? – спрашивает царь.

– Посох-то, государь, как видно, чудодейственным оказался. Тем же днём отреклись разбойники от своего ремесла, покаяться и пошли в рыбаки. А ещё стали петь в церковном хоре. Ой, как поют, говорят! Заслушаешься...

Когда Степан рассказал про то, как помог умирающему мальчику, тут же откликнулся придворный лекарь:

– Да, да, я слышал об этом. Про случай сей, государь, мне докладывал лекарь из слободки. Единственный сын молодой вдовы заболел тяжко и неизлечимо. И в тот день, когда он должен был умереть, в её сад прилетел чёрный ворон. С дерева, под которым лежал мальчик, он сбросил яблоко. Больной его отведал, и тут же стал здоров.

– Что ж во дворец не догадался принести яблоко из того сада? – сердито посмотрел на него царь. – Такой целебный плод обязательно должен быть в нашей лекарне.

– Государь! – даже застонал лекарь. – С того дерева уже

к вечеру всё вживую ободрали сбежавшиеся со всего города калеки и иные страждущие. Даже листвы не осталось! Сейчас в саду у бедной вдовы не протолкнуться – человек сто там сидит, и все ждут, когда к ним прилетит ворон-исцелитель и начнёт сбрасывать целебные плоды.

Рассказал Степан и про то, как помешал султану турзямскому начать войну. Слушает его царь, и не знает: верить или не верить?

– Погоди-ка... Ты сказал, что, будучи вороном, выклевал глаз паше. А султан говорил, когда мы с ним договор о мире подписывали, что это какой-то лазутчик напал на него с кинжалом, которым и выбил ему глаз. А паша, значит, вырвал у лазутчика кинжал, и убил его самого.

Тут уж, не выдержав, рассмеялся начальник стражи.

– Государь! Мне перебежчики докладывали, что глаз паше и в самом деле выклевал ворон. А то, что сказал султан – забудь. Это кто ж будет такую правду про своего полководца выкладывать? Чай, на весь мир посмешище!

Рассказывая про свои злоключения в облике муравья, Степан подтвердил злой умысел главного министра:

– ...Да, это он при мне давал указание своей прислугесыпать колдовское зелье в ларец с лекарством для царевны.

Рассказал он и про то, как всю ночь писал записку лекарю.

– Ай да муравей! – удивился тот. – А я вижу на бумаге следы муравьиных ног, и никак в толк не возьму, кто и как выводил эти буквы...

– Что скажешь обо всём этом, маг? – спрашивает царь.

– То и скажу, что поведал этот человек чистую правду! – объявил тот.

– Только, есть ли она на белом свете, эта правда?.. – спрашивает царь, как бы сам себя.

– Есть, государь! – твёрдо ответил Степан. – Пока я был в зверином облике, на своей шкуре понял, что она в нас самих, есть в каждом из нас. Только, вот, не всяк хочет слышать её голос.

– Ну и чем же тебя наградить за все твои благие дела? – спрашивает царь. – Хочешь, назначу тебя главным придворным мастером?

– Благодарствую, государь! – ответил Степан. – Да только у себя в слободке мне вольнее дышится. Вот, если бы, поменьше стало у нас там всяких надсмотрщиков, указчиков, мытарей, то и этим бы я стал доволен.

– Добро! – решил царь. – Принести мою печать. Пи-сарь, пиши указы. Первый указ. Главного министра назначить придворным шутом, потому, как он куда лучше по-собачьи лает, чем государственными делами правит. Начальника стражи назначить главным министром. Новым начальником стражи назначить стражника Данилу. Второй указ. Мастера Степана освободить от всяких податей и поборов, оградить от бесчинств и притеснений.

И только пришлёпнул он печать ко второму указу, как во-круг дворца загулял небывалый ветер, закружились чёрные

вихри и слышались чьи-то хриплые голоса:

– Ой, беда нам! Ой, куда это нас понесло?!!

И тут же всё стихло. Недоумевают царь и придворные – что же это было?

– Это, государь, – говорит Степан, – Нужду Беспросветную и её сестру Кривду унесло в чужедальные края. Может, к кургундцам, а может – к турзямцам. Только ведь, я так думаю, никуда не денешься – рано или поздно они опять к нам вернуться. И хорошо бы, чтоб к той поре в каждом из нас правда окрепла. Тогда им совсем тут делать будет нечего.

Пошёл он домой в слободку, а сам всё думает и думает, как бы семью свою разыскать. И только подошёл Степан к калитке своего двора, как вдруг увидел в конце улицы идущих к нему жену с ребятишками. Не описать, как обрадовался он этой встрече! Потом уже он узнал, что, не дождавшись его из лесу, жена собрала детей, и сама пошла на его розыски. Все эти дни вчетвером они ходили по лесам, своего мужа и отца разыскивая. Ну а сегодня словно кто-то им подсказал, что вернётся он домой, и тут же поспешили обратно.

И, вот, с той поры, как избавился Степан от Нужды Беспросветной, пошли его дела на лад. Снова стал рубить он избы, строить мосты, ладить такие хитрые штуки, пособляющие всякому делу, что иноземные мастера только диву давались. А про то, что с ним приключилось, вспоминал он лишь иногда и, смеясь, говорил любопытствующим:

– Можно и превратившись в свинью остаться человеком,

а можно и всю жизнь прожить свиньёй, об этом даже не догадываясь. А чтобы свиньёй не стать, надо чаще прислушиваться к живущей в душе Правде, и никогда не верить Кривде.

* * *

ТРИ НЕБЫЛИЦЫ ЗА ПОСТОЙ

Всякие есть люди. Одни – простые, бесхитростные, отзывчивые. Если кому помочь, пособить, выручить – они первые. И доброе дело сделают, не задумываясь о корысти, не тая хитрой мысли «А мне что за это будет?», и руку помощи протянут, и словом и делом поддержат. А есть, вроде бы, и люди – как люди, но, малость, с особым норовом, с чудиной, или, как говорят в народе, с «кандибобером». Такие всегда, даже самое простое дело, ухитряются обставить так, что из пустяка оно обращается в невесть какую мороку. Но, как известно, на всякого зайца есть своя борзая. И на любителя почудить всегда найдётся ещё чудней чудила...

Поздней осенней порой шли через одну большую деревню три путника – купец-коробейник с товаром, чернец-монах и солдат отставной, с царской службы уволенный по возрасту и ранам. Случайно свела их судьба на большой столбовой дороге в придорожном трактире, куда зашли они подкрепиться. Когда узнали, что идти им всем в одну сторону, решили идти вместе – втроём, что ни говори, всегда веселей. Только вот по большаку идти им недолго было – чтобы спрямить дорогу пришлось свернуть на просёлок. А там, известное дело, ни тебе постоянного двора, ни трактира. И вот, как подошло время к ночи, увидели они впереди деревенские дома.

Обрадовались по первоначальному – дескать, вот нам и ночлег

нашёлся! Да только радовались они зазря – не больно-то кто-то из тамошних деревенских согласился их привечать. К кому ни зайдут – отказ. Постучались в один двор – там семья-ца, дюжины полторы душ, самим спать негде. Постучались в другой – того не лучше. В третьем – собаки такие, что в одиночку медведя загрызут, исходят лаем, на ворота кидаются, а хозяева на стук не хотят показаться... И так – по всей деревне. Коробейник уж начал всякие презенты обещать, монах – словом божественным убеждать, солдат – крестами да медалями звенеть... Вроде того, авось явят уважение к человеку заслуженному. Куда там! Нет, и – всё тут!

Уже в самом конце улицы подошли они к старой избе, крытой соломой. Видят – старик по двору расхаживает, по хозяйству хлопочет – скотине сено подносит, воды подливает... А к той поре уже спустилась ночная темень. Спрашивают путники хозяина – не возьмёт ли их на постой, всего на одну ночь? Чай, время-то не летнее, в поле – как заночуешь? Коробейник пообещал лубочных картинок подарить с царями да генералами, монах – в святых местах поставить свечку во его здравие святым угодникам, солдат – своим, солдатским табачком поделиться.

– Да, я не против, ночуйте... Мне-то какая жалость? – отвечает им старик. – Только, вот, старуха у меня с причудиной. Всякого, кто просится на ночлег, заставляет небылицы рассказывать. И уж если скажет: «Ну, это ты врёшь! Такого – сроду не бывало!», то даже свою лежанку отдаст. А коль

объявит: «Верю, верю – было такое!» – всё, выметайся на улицу. Так что, люди добрые, сами решайте, как вам быть.

Задумались путники – экая у него старуха привередливая... Ишь ты! Небылицы ей рассказывай... Однако, выбирать-то уже и не приходится – куда тут ещё податься? Только и остаётся попробовать бабку эту чем-то удивить. А что? Все они люди бывалые, жизнью битые, много чего видавшие... И сами много разных диковин повидали, а ещё больше небывальщин от других слыхивали. Вошли они следом за стариком в избу, там печь топится, его хозяйка при свечке пряжу прядёт. Так, мол, и так, говорят ей путники, согласны мы по небылице рассказать. Только – чур! – если хоть одной не поверишь – всех троих на постой принимаешь. Согласилась на это старуха, даже пообещала, что если спор они выиграют, то даже ещё и ужином их накормит. Сели гости поближе к огню, и начали свои рассказы. Первым заговорил коробейник:

– Снарядил как-то раз купец, у которого я служил в приказчиках, корабль в заморские страны. А корабль тот был величины невиданной: от носа до кормы идти пешком полдня, а на лошади скакать – целый час. Товаров в него вместилось несчётно. Тысяча грузчиков три недели трюмы загружала. И одну только пеньку да бочонки с дёгтем, потому как в тех краях, куда хозяин плыть собирался, пеньку вместо каши ели, да дёгтем вместо пива запивали. А работники-то перестарались, да и перегрузили корабль. Начал он осадку давать. Да такую большую, что море начало из берегов вы-

ходить. Того гляди, весь город зальёт. Пришлось половину груза опять на берег выкидывать, а то чуть потоп не начался. Подняли мы паруса – каждым полотнищем можно половину города накрыть, и отправились мы в края чужедальние. А на корабле мышей развелось – видимо-невидимо! Прогрызли они днище, стало корабль водой заливать. Смотрим, никак понять не можем – море от берега начало уходить, того гляди, на мель сядем. Кинулись в трюм, а там воды уже по пояс. Дал нам купец по решету, начали мы воду вычерпывать. Три дня маялись, пока повар корабельный блинов не напёк, да ими дыры не залатал...

– Верно, верно, – соглашается старуха. – Блинами корабль латать – самое правильное дело. У нас, вон, иные блинами избы кроют. И тепло, и дождь не заливает. Одно только неудобство: как поесть захочешь – приходится на крышу лезть.

– И вот, приплыли мы в жаркие страны, – продолжает свою небылицу коробейник, – а пекло там – как в печи. И только причалили к берегу, напало на нас чудище невиданное, с пастью от земли до неба. Хотели мы от него пушками обороняться, а они от жары тамошней как воск растаяли. Тут, кинулось на нас чудище, и вместе с кораблём проглотило. Сидим в его брюхе – день, два, три... А внутри чудища – просторно, и воды, как в море. Только, вот, темно – хоть глаз коли. Велел купец светить лучинами и ставить паруса, да только ветра нет. Пришлось самим в них по очереди дуть.

Так до какого-то берега и доплыли. Выбежали к нам трёхногие пятирукие люди, глаза у них ярче фонарей светят. Видно всё стало, как днём. «С чем, – спрашивают, – приплыли?» «Да, вот, – отвечаем, – пеньку и дёготь не купите ли?» Они обрадовались. «Давно вас ждём» – говорят. Начали мы пенькой и дёгтем торговать. Что ни фунт пеньки, взамен – фунт золота, что ни фунт дёгтя – бочка серебра. Как только всё расторговали, стали ждать попутного ветра, чтобы плыть в путь обратный. Ну а пока суд да дело, как говорится, надумал я по бережку погулять. Иду, под ногами песочек хрустит, с камешками перемешанный. Посветил я лучиной, а там – мать честна! – не песок вовсе, а одни лишь камни самоцветные. Хоть лопатой их в мешок насыпай. И растут на этом песке золотые яблони на которых спеют медовые пряники и пироги с малиной.

– Известное дело! – соглашается старуха. – У нас за огородом на сухой вербе нынешний год столько груш уродилось, что на всю губернию хватило. Пара штук, поди, и сейчас болтается...

Видит коробейник – ничем не пронять старуху. Но марку держит, рассказывает дальше:

– ...Пошёл я по берегу, и забрёл в какой-то лес. Снова зажёл лучину, а передо мной деревья с глазами и ртом. Таращатся на меня, а сами облизываются. Ох, и страшно мне стало! Куда ни повернусь, а везде они, зубами, понимаешь, щёлкают, меж собой уговариваются: а, давайте, говорят, это-

го чужестранца съедим? Тут, смотрю, невдалеке обычное дерево – то ли липа, то ли дуб.. Полез я на дерево, чтобы желудей нарвать и хоть бы их погрызть: есть захотелось – спасу нет. А на дереве этом – аист сидит. До сих пор ума не приложу: откуда он мог у чудища в брюхе взяться?

– У-у-у, миленький, – машет рукой старуха, – плохо, видно, ты чудищев этих самых знаешь. У них, злодеев, в брюхе ещё и не то может завестись!

– Ну, вот... Взаялся я за жёлудь, а аист меня в макушку клювом – тюк! Видно, подрядился он эти жёлуди караулить. Или, просто, не в духе был? Свалился я вниз, сижу на песке, за голову держусь. А из неё – поверите ли?! – дерево расти начало. То ли клён, то ль осина... Да, быстро так! Растёт и растёт, растёт и растёт... Проросло наружу сквозь брюхо чудища на свет белый, а я из-за этого и с места двинуться не могу. Надо бы уже на корабль возвращаться, а я – ни в какую! Сижу день, два, неделю... А верхушка дерева, тем временем, расцвела дивным, невиданным цветком. На ту пору мимо чудища ехал на своей карете королевич из заморского королевства огуречного. Он собрался посвататься к принцессе из лукового царства. Едет он и видит – цветок, что краше дня вешнего. Решил он его принцессе подарить и попробовал сорвать. Дёргал, дёргал, а он – ни в какую! Позвал слуг, стали дёргать они. Все разом как рванули, так вместе с деревом и меня наружу из брюха чудища вытянули. «Ну, – говорит королевич, – коль цветок никак не оторвать, придётся везти

и тебя вместе с ним». Посадили меня в карету из большого огурца и поехали мы сватать луковую принцессу. К дворцу подъехали, а от него таким ядрёным луковым духом несёт, что и у королевича, и у его свиты слёзы из глаз – рекой. А я – хоть бы хны! Выбежала принцесса в платье из луковой шелухи, луковыми духами надушенная. У королевича от этого и вовсе слёзы фонтаном, сам на ногах еле держится. Протягивает он ей презент – корзину молодых, зелёных огурчиков.

– Правильно, молодец королевич! – одобряет старуха. – На семенные-то желтяки – какая дура польстится?

– ...Хотела она его под руку взять да во дворец вести, а он от неё – шасть в карету, и – дай бог ноги! Только пыль столбом поднялась. Тут и принцесса ударилась в слёзы – за этот только день пятый по счёту жених сбежал. Что ей делать? Как в девках-вековухах не остаться? И тут она меня увидела. Говорит: «А давай мы с тобой обвенчаемся?!» Тут и луковый царь ко мне подходит, обещает в приданное отписать мне половину своего лукового царства. Недолго думая, дал я им своё согласие, и начали во дворце готовиться к свадебному пиру. На столы ставят лук мочёный, лук толчёный, жареный, вареный и пареный. Ну а мы с принцессой поехали венчаться. Подали нам соломенные сани, запряжённые воробьями, хлестнул их возница хлыстом из лукового пера, и понесли они нас неведомо куда. И тут – надо же такому случиться! – разразилась страшная буря. Разметало сани в разные стороны, и упал я прямёхонько на хозяйский купеческий двор.

Гляжу, а хозяин уже дома, сидит у окна, чай распивает. Увидел меня, осерчал. «Где, – спрашивает, – шлялся? Мы уже неделю как воротились, а тебя всё нет. И что это за бурьян у тебя на голове растёт? Получай расчёт, и проваливай на все четыре стороны!» Вот так и стал я вольным коробейником.

– Очень правдива твоя история, очень! – похвалила его старуха. – Особливо верно про прожорливое чудище, кое ваш корабель проглотнуло. Что далеко ходить? У меня самой такое же чудище в свином хлеву хрюкает. Что ни дай – всё сожрёт прорва ненасытная. Думаю, ежели бы то чудище ей встретилось, так, поди, и ахнуть не успело бы, как она бы его слопала!

Видят путники – бабку удивить не так-то просто, и свою небылицу начал монах:

– Пошёл я как-то раз в святые места. Иду я чистым полем, тёмным лесом, по дороге и бездорожью. На пути у меня большущий холм. Поднялся я на него, и увидел птиц самых разных великое множество. Прямо, как будто со всего белого света слетелись. И вороны там, и журавли, и перепёлки и кукушки... Шум подняли, гвалт, чего-то ругаются меж собой, чуть не дерутся. Подошёл я к ним поближе, начал расспрашивать: о чём, дескать, спор идёт? Птицы мне и поведали, что собираются себе царя выбрать. И уж третий день спорят, кто лучше: орёл, сова или соловей? Орёл – он, вроде, самый сильный. Сова, как бы, самая умная. Ну а соловей – самый голосистый. «Может ты, – говорят, – божий человек, посове-

туешь нам, кто из них лучше?» Подумал я и говорю: «Орёл и в самом деле сильнее всех, да больно высоко летает. Если кого из подданных обидят – попробуй, докричись до него. Сова умная – спору нет. Да вот только спит весь день, тогда как все другие птицы не спят. Вот и выходит, что лучшего царя, чем соловей вам никак не сыскать! Летает он невысоко, поэтому видеть его всяк сможет. И днём не спит – будить не надо, и песни поёт – сердце радуется». Обрадовались птицы, устроили богатый пир, меня на него позвали. Сел я за стол, выпил кубок птичьего вина, и случилось со мной диводивное: вместо одежды выросли на мне птичьи перья, нос клювом вытянулся, Ноги стали лапами когтистыми, руки в крылья обратились...

– Это тебе, милоч, ещё повезло – в птицу обратился, – качает головой старуха. – А то мой деверь только в свинью обращаться и может, ежели лишку хлебнёт!

– ...Удивился я, испугался, а тут, откуда ни возьмись, появился охотник с сетями. Все птицы поднялись и разлетелись, кто куда. А мне как быть? Я летать-то даже и не пробовал! Поймал меня охотник, посадил в клетку, понёс на ярмарку продавать. Купил меня хозяин бродячего цирка. Начал меня по разным городам возить, за деньги людям показывать, да всяким штукам обучать. Где только я за ту пору ни побывал?! И на ярмарках, и на площадях городских, и в жарких краях, и в студёных. Хозяин цирка человек непутёвый был – кормил меня плохо, и под дождём я мок, и на мо-

розе замерзал. Не вынес я жизни такой, и околел. Выбросили меня с мусором на свалку, там его сгребли и сожгли. Остался от меня один пепел. А через день-два прошёл дождь, и вырос я из того пепла дубом, высоким да раскидистым. Уж, сколь желудей с меня собирали! Мешков по полста – не меньше. Годов сто я рос. И вот, однажды пришли лесорубы и срубили меня. Обрубили сучья и повезли на лесопилку. Там распилили на доски, отдали столярам. Они из меня наделали всякой мебели – лавок, столов, стульев... Вон, и прялка, на который ты прядёшь, тоже из того дерева сделана.

– Из того, из того, – соглашается старуха. – Правда, она кленовая. Но – кто знает? Может ты был – или дубовым клёном, или кленовым дубом?

– А это ещё не всё! – мотает головой монах. – Из большого полена, что попало в руки хорошего мастера, получился ларец резной, всякими узорами изукрашенный. Вынес он ларец на рынок, и купил его благочестивый человек, который собирался ехать на богомолье в Святую землю. Долго он туда добирался – и на конях ехал, и на кораблях морских плыл... И вот, попал он в город Иерусалим. Совершил там все обряды, какие положено, а на память о хождении своём решил набрать в ларец святой земли. И только пригоршню всыпал, как сверкнула молния, грянул гром, и встал я, такой, какой есть, перед всеми, цел и невредим.

– Эх, а что было бы, если бы той землёй все сделанные из тебя дубовые лавки и столы посыпали! – рассуждает стару-

ха. – Сколько бы народу прибавилось!

Монах не сдаётся, рассказывает дальше:

– ...Диву дались люди, чудо такое узрев. И доньше многие мне не верят...

– А я – верю! – бьёт себя старуха в грудь кулаком. – У нашего соседа-богатея сын Агафон рос – пень-пнём, поле-но-поленом. А отец его в город повёз, в чей-то ларец пригоршню денег всыпал, и свершилось чудо: обтесался Агафоска, обстрогался, и теперь там в больших чинах состоит. А жаль, право дело, что благочестивый человек успел всыпать в ларец всего одну пригоршню святой земли. Всыпал бы три – ты бы, сейчас, небось, в архимандритах ходил бы!

Приуныли путники – ничем им ушлую бабку не пронять. И начал свой рассказ солдат:

– Как призвали меня на службу военную, так сразу же и назначили полковым барабанщиком. Эх, и тяжело мне пришлось на этой службе! Барабанить приходилось дни и ночи напролёт. Наш генерал, как сядет свои военные планы составлять, сразу же велит прислать барабанщика, потому как привык, чтобы у него прямо над ухом на барабанае дробь отбивали. Сам не раз видел такое: начинаю колотить в барабан, он тут же что-то дельное пишет, строчит пером без передышки. Остановлюсь – всё, ничего умного придумать не может. А перед главными сражениями, мы, случалось, сразу по двое, а то и по трое подле него в барабаны били. Иначе и нельзя – вся баталия пойдёт насмарку. Бывало, как нач-

нём втроём лупить – нам только палочки взамен сломанных успевают подавать, да кожу на барабанах латать. Как-то был случай, барабанил генералу я один. И ненароком пробил кожу. Пока прислали мне замену, генерал какую-то свою самую главную мысль потерял. А мысль, брат, это такая штука, что ежели её потерять – потом хоть целый полк на розыски посылай! И вот нам, барабанщикам, потом три дня без передыху пришлось по всему штабу лазить, мысль искать. И, знаешь, нашли! Да! Правда, она уже запылелась изрядно, но, всё равно, в дело пошла...

– Это ещё что! – подхватывает старуха. – Мой-то дед тоже мастер терять всё, что ни попадя. Пока по его башке скалкой не побарабанишь, ничего не вспомнит. Он уже и шапку, и кафтан терял, а был случай, корову нашу потерял. Да! Тоже три дня искали. И нашли в хлеву у одного тут супоста-та, по прозвищу Генерал. Гляжу, корова стоит сытая, подоенная, даже не запылелась. А тут он подвернулся – Генерал, значит... Ох, и дробь я на нём выбивала, как на барабане – две дубины пополам. А уж как шкура Генералова трещала и лопалась... Страх один!

– ...Потом перевели меня в пушкари, – продолжает солдат. – Назначить-то назначили, а стрелять-то не из чего! Из арсенала пушки вовремя не подвезли, а тут – баталия на носу! Что делать? А мы сами их начали ладить – из лозы плести навроде длинных корзин. Денёк посидишь, поплетёшь – готова пушка. Два дня работы – гаубица. Порох не завезли?

Не беда! Вместо пороха опилки берёзовые да осиновые пошли в дело. Вот так и стреляли: опилок в пушку засыпали, вместо картечи – мочёных яблок или картошки варёной повоенному – в мундире, ещё горячей – кинули, пыж из мякины забили, фитиль поднесли – бабах!!! У нашего противника – полный испуг, паника и сдача в плен. Идут, руки кверху поднявши, белым флагом машут, дескать, помилуйте нас, несчастных, сдаёмся...

– Так, это и у нас в деревне такое бывало... – снова кивает старуха. – Знамо дело! Вон, Федора, что через три двора от нас живёт, нынешней весной всей деревне устроила капустную баталию. Капусту квашеную позапрошлогодную из погреба выволокла, и у себя прямо посреди двора из кадки вывалила. А от неё такой дух пошёл – даже вороны, что близко оказались, на лету попадали. И, вот, мы всей деревней пошли к ней а плен сдаваться: убери, ради бога, свой боеприпас, а то ждёт всех нас погибель скорая и лютая!

– Да-а-а... Собрали мы пленных, привели к самому главному воеводе. И за такое славное применение артиллерии меня уж хотели было к офицерскому чину представить, – крутит солдат усы. – Да я дал оплошку, и сам всё испортил. На радостях, что производят меня в штабс-капитаны, заложил я в свою пушку двойной заряд опилок. Ба-бах!!! Пушку разнесло в клочья, а всех тех, кто даже на отдалении стоял, пришлось нести в лазарет безрукими: всем, как есть, одни лишь руки пооторвало. Оторванные руки собрали, и от-

несли докторам отдельно. Лекарь полковой смотрит – руки свалены в кучу без разбору. И давай их на место пришивать всем подряд, кому какие достанутся. И что, из этого вышло? Полное безобразие! Писарю руки трубача достались, трубачу – барабанщика, барабанщику – повара, повару – пушкаря, пушкарю – писаря. И пошла у нас из-за этого полная неразбериха. Руки писаря, вместо того, чтобы бумаги штабные писать, в рот писарю перья гусиные суют вместо трубы – они же в этом привыкли! Барабанщик в барабане кашу варить надумал, а повар – свой котёл с горячей кашей на супротивника навёл, и – давай из него палить вместо пушки. Правда, стрелял он плоховато. Надо было целиться в лоб, а он – ложкой в рот, к тому же, в свой. С пушкарём совсем худо. Полковник даёт команду: «Фитиль поджигай! Пли!», а его писарские руки вместо этого фитилём начинают на пушке какие-то каракули выводить. Ну, так, привычка же – с ней ничего не поделаешь.

– Да у одних ли вас такое? – сокрушается старуха. – Вон, в соседней деревне, отставной гусар уговорил батюшку взять его звонарём. Ну и зазвонил он! Надо было благовест, а он вызванивает: «Ой, налейте мне, налейте, а то с горя утоплюсь!..»

Ну а солдат, знай, свою речь ведёт:

– ... Приехал в наш полк главный воевода, стал разбираться, что стряслось и почему? Кто всю эту конфузию учинил? Кто сему безобразию виновник? И доискались-таки, что это

я с зарядом опилок оплошку дал. Тут же прогнали меня из артиллерии в кавалерию. А там – тоже служба не мёд, тоже не из простых и лёгких. Под седло отписали мне из табуна клячу заморённую – мерина захудалого, что одну ногу волочил, другой хромал, а ещё двумя на бегу заплетался. Саблю дали тупую-претупую. Я её дня три точил. Но сабля, там, сбруя – дело поправимое. А вот с меринком – прямо, беда! Сколько ни гатил в него корма, сколько ни пас, а справнее он никак не становился. Седло на него положу – качается, сяду верхом – падает. А как дадут команду коннице в битву скакать – совсем худо дело. Отставать-то от прочих никак нельзя, а то ведь и заругают, да ещё, чего доброго, дезертиром объявят. Что тут будешь делать? Но я придумал, как выйти из положения: чтобы быть при коне в бою, я его на себе таскать приспособился. Так вот с меринком на плечах и бегал в бой. Лево́й руко́й за хвост его придерживаю, чтобы не свалился, а право́й – с чужими конниками рублюсь. Целый месяц так промаялся – сил уже никаких не осталось. А мерин, зараза, как видно, обвыкся с такой лёгкой службой, во вкус вошёл. Ну, а кому не понравится на чужих плечах ездить? Дошло до того, что только трубач протрубит поход, он уже сам бежит, и начинает мне на спину моститься.

– Ну-у-у-у! Твой мерин целый месяц привыкал на тебе верхом ездить, а мой хрыч, – старуха кивает в сторону своего деда, – всего только раз за него дров для бани нарубила, когда он со спиной маялся, так он теперь, как баню топить,

сразу за спину хватается. Так что – верю, верю, ездил на тебе мерин, ездил!

– А я только правду и вещаю! – смеётся солдат. – Так, вот! Вижу, значит, я – дело скверное. Прямо сказать – хуже некуда. Надо коня получше искать. А где его найдёшь? На ту пору мы квартировали подле большой деревни, где шла богатая ярмарка. И мне присоветовали отвести свою клячу туда, продать, а взамен, там же, купить хорошую лошадку. Повёл я мерина на ярмарку, нашёл на него покупателя, наврал ему три короба, будто конь у меня – огонь, хоть пахать на нём, хоть скакать... Тот давай со мной торговаться. Народу вокруг нас собралось – толпа. Да все какие-то смуглые, кучерявые. Долго мы торговались, а в цене так и не сошлись. Пошёл я назад к нашему биваку, мерин сзади за мной на поводу идёт. Иду это я, и никак в толк не возьму: что это топота копыт не слышно, и почему все встречные от меня шарахаются, их лошади на дыбы встают? Оглянулся, а за мной вместо мерина медведь идёт. И когда только успели моего коня на медведя подменить?!

– Сущую правду вещаешь! – продолжает твердить старуха. – Наш сват как-то, было дело, пошёл на базар купить себе петуха да с пяток куриц на развод. Помнит же, что самолично и куриц и петуха в свой мешок сажал. А домой приехал – в мешке сидят вороны, да ещё и пара сов. Ну, а что поде-лаешь? Сделал отдельный птичник, запустил их туда. Ста-ли нестись они, да помногу так! Сват говорит, совиные яйца

вкуснее вороньих.

Коробейник с монахом, видя, что и солдату не удаётся старуху удивить, совсем пригорюнились. Заранее переживают, что придётся им в чистом поле ночевать. А солдат – хоть бы что, знай, рассказывает:

– ...Вернулся я на ярмарку, а мне там и говорят, что цыгане это были. Они-то меня и обманули. Случилось так, что медведь у них в плясунах состоял. И уж так любил плясать косолапый, что ежели разойдётся – ни за что его не остановишь. И вот, на днях он доплясался: скакал, скакал, да и сбил нечаянно с ног таборного скрипача. К тому же, своей лапой раздавил его скрипку. Но это ещё полбеды! Хуже другое: он ещё и самому скрипачу наступил он на ухо. Вот этого цыгане медведю не простили: скрипку-то можно починить, а вот слух скрипачу уже никак не вернёшь. Как он теперь играть будет, как народ развлекать и деньги зарабатывать? Вот они и нашли, кому подсунуть медведя-плясуна. Хотел я найти цыган, чтобы забрать своего мерина, да их уже и след простыл. Так мне и пришлось вести в свой полк медведя. Как говорится, попал из огня, да в полымя. Но, деваться некуда, начал медведя к службе военной приспособлять. Подогнал по его спине седло, по его морде – уздечку. Сел верхом, дал шпоры в бока – он ничего, слушается. Хоть и ревёт косолапый, а рысью идёт исправно. Кое-где даже на галоп переходит.

– Верю, верю! – мотает головой старуха. – В наших краях

и не такое случалось. У одного мужика волки лошадь съели, аккуратно, на Покров. Надо бы дров на зиму навозить – а не на чем. Что делать? А у него кабан был на убой, здоровенный, такой, кабаняка – на два десятка пудов тянул, не меньше. И решил тот мужик приспособить кабана вместо лошади. Сделал повозку, упряжь, и – айда в лес по дрова. Ну, народ-то его на смех поднял. Мол, совсем умом тронулся. Зря смеялись. Едет как-то этот мужик на кабана, везёт дрова, а тут недалече есть княжеское имение. Князь в это время на карете свои земли объезжал. А с ним был сын его малолетний. Мальца ещё во младенчестве что-то напугало, и он совсем не разговаривал. А тут увидел мальчонка мужика, который кабана в оглоблях погоняет, да как расхохочется: «Батюшка, батюшка! – кричит. – Купи мне этого кабана – я тоже так ездить хочу!» Князь на радостях и отвалил мужику за кабана и повозку аж сто золотых... Так что медведь под седлом – истина истинная!

– Отрадная, а самое главное, очень правдивая история про кабана! – согласился солдат. – Так ведь и надо мной смеяться начали. Но я на это внимания не обращаю, объезжаю своего медведя. И вот, протрубила труба, уланы да гусары сабли наголо и – в атаку навстречу чужой коннице поскакали. А я за ними на медведе поспешаю, стараюсь не отстать. Только наших-то против них маловато – басурман из-за бугра вывалило впятеро больше. Наша конница коней придержала – кому хочется на верную смерть идти?! А мой медведь так

разошёлся, что и удила его не держат. Ревёт во всю мочь, и скачет врагу навстречу. Кричу ему: «Тпру-у-у! Тпру-у-у!», а он и в ус не дует – он же не лошадь, ему не понять. Так и занёс бы он меня под чужие сабли, под копыта чужих коней, да тут наши трубачи и барабанщики позади меня начали играть отступление. Медведь, как видно, подумал, что опять попал на ярмарку, что опять началось представление. Поднялся он на задние лапы, и давай прямо вместе со мной отплясывать! Я в седле еле держусь, ору на него, саблём размахиваю... А он, знай, пляшет – и притопом, и вприсядку! Наши-то уланы и гусары в печали из-за того, что битву могут проиграть. А вот супротивник наш в настроении весёлом был. Как начала их конница надо мной гоготать! Иные так смеялись, что попадали оземь. Кто руку при этом сломал, кто – ногу... Иные – даже шею себе своротили, а кто-то – и вовсе, со смеху лопнул. Видит наша конница – а супостатов-то здорово убавилось. И – снова в атаку. Теперь уже наутёк кинулись басурманы. За эту победу всем нашим уланам да гусарам медали выдали, и меня не забыли – наш полковник приказал выдать мне двойную порцию каши. Однако же, её я и самой малости не съел. Попробовал, и не пойму: что за отраву сготовили?! Тут, слышу, кто-то говорит, что у нас в полку новый кашевар. Того, которому пришили руки пушкаря, в артиллерию отправили. Думаю: кого же это там взяли? Пригляделся. А это ты, бабка, у котла хлопочешь. Ещё раз кашу попробовал, а она – тьфу! – и пригорелая, и солёная-пресолёная!..

– Что врѣшь?! Что врѣшь-то?! – затопала ногами старуха. – Сроду, сколь варю, ни разу кашу не пересолила, сроду ничего не пригорало!

– Э-э-э, хозяйка, вот ты и попалась! – рассмеялся солдат. – Корми-ка нас ужином, да располагай на ночлег.

Ахнула старуха, да и развела руками – как же ловко солдат её объегорил! Так и пришлось ей выполнить обещанное – и на ночлег оставить всех троих, и ужином накормить.

* * *

Пропавшее сокровище, или приключения стражника Захарки Недосыпова

(новогодняя сказка) Действие первое

Царская сокровищница. В помещении – сундуки, подписанные «Золото», «Серебро», «Медяки», «Баксы», «Евро», «Рубли». На столе – ларец с надписью «Украшения её величества». Рядом с ним стражник Захарка Недосыпов. Он в плаще-накидке, на голове – шлем, в руках – копье, на боку – меч в ножнах. Прохаживаясь взад-вперед, он, зевая, напевает: «Как хорошо быть воеводой, как хорошо быть воеводой! Стражником – трудно, непросто, опасно и тяжело-о-о...» Неожиданно останавливается и, приложив руку к уху, прислушивается.

Голос (непонятно чей, непонятно откуда): Отдохни-и-и, Захарушка-а! Вздремни немножечко! Ты же ведь очень устал...

Захарка (встревоженно): А кто это говорит?

Голос: Это я, добрая фея Дрёма Лежебоковна. Кто ж тебя,

кроме меня пожалеет-то? Кто ж тебя поспать, повалиться на боку надоумит? Спи-и-и, Захарушка, спи-и-и...

Захарка (несогласно мотает головой): Не буду я спать! Не буду на боку валяться! (начинает загибать пальцы на руке) Во-первых, я трудолюбивый, во-вторых, ответственный, в-третьих, старатель... Стара... Стар-р-р... (так и не загнув до конца третий палец) Х-р-р-р... Х-р-р-р...

(Спит, опершись о копьё. В сокровищницу крадучись входят два Дракозайца. Это дракончики, у которых заячьи уши и хвосты. Оба мрачно-зелёного цвета с угловатыми чёрными пятнами. На боку болтаются кривые сабли-ятаганы. У обоих на левой руке – щит, с надписью : «Дракозайцы – сила!» Первый Дракозаяц дрожащей рукой испуганно указывает на Захарку).

Первый Дракозаяц (съёжившись): Ой, смотри! Он, по-моему, не спит, а только притворяется. Он, наверное, очень хитрый. Сейчас глаза откроет и – вжик-вжик своим мечом, нас обоих пополам! Может, пока не поздно, дадим дёру? А? Давай убежим?

Второй Дракозаяц (пренебрежительно): Нашёл, кого бояться – стражника Захарку Недосыпова! Да у него меч заржавел и к ножнам прирос, копьё тупое, а сам он – как ленивая, сонная муха. Чего трясёшься? Что позоришь нас, Дракозайцев, свирепых и ужасных?

Первый Дракозаяц (хлопает себя по лбу): А-а-а!.. Да, да, да! Как же это я забыл?! Мы – Дракозайцы, свирепые, ужас-

ные и неустрашимые. Погоди! А Захарка-то об этом знает?

Второй Дракозаяц: Ясное дело, знает! Слышишь, как испуганно храпит? Боится он нас! О-о-очень боится!

Первый Дракозаяц: Это хорошо! Я люблю когда нас боится... (приободрившись, выпрямляется, поочерёдно поднимает ноги и стучает руками по пяткам, слышится какое-то бряканье и звяканье)

Второй Дракозаяц: А что это ты делаешь?

Первый Дракозаяц: Да с перепугу... То есть, от избытка храбрости моя душа в пятки провалилась. Вот, на место её возвращаю... Эй, погоди-ка! Слушай... А-а-а... А, вообще, зачем мы сюда пришли? Ты не припомнишь? А то меня, знаешь, сейчас такая свирепость разобрала, что я всё-всё-всё перезабыл! Вот...

Второй Дракозаяц (возмущается): Ну, что с ним будешь делать?! Догадайся сам с первого раза: что мог приказать наш повелитель, его трёхглавие, Змей-Горыныч? А? Не помнишь? У-у-у, паникёр! Нам нужно забрать все тутошние богатства и принести ему. Теперь вспомнил?

Первый Дракозаяц (недоумённо пожимая плечами): Не-а... А для чего сокровища его трёхглавию? Солить он их будет, мариновать или на сковородке жарить?

Второй Дракозаяц (крутит пальцем у виска): Ну, ты совсем, что ль, «ку-ку»? Как это – для чего? Чтобы царь Трамтарарамдии Дормидонт Первый сильно-сильно разозлился, и отменил Новый год во всём своем царстве. А если Дор-

мидонт отменит праздник, к трамтарарамцам не придёт Дед Мороз, они останутся в старом году. Все будут жить скучно и тоскливо. А его трёхглавие позлорадствует. Теперь-то вспомнил?..

Первый Дракозаяц: А-а-а!.. Да, да, да! Теперь вспомнил, ага... Вот это злодейство он придумал – высший сорт! Ой, а что это такое?

(Над их головами в воздухе кружатся огромные генеральские эполеты с белыми птичьими крылышками, окорок с крылышками, крылатые сапоги со шпорами, крылатый карикатурный женский портрет).

Второй Дракозаяц (разводит руками): Сам никак в толк не возьму! А, в самом деле: что это такое тут летает?

Голос: Ой, вы, Дракозаеньки-милашеньки! Наверное притомилися, уморилися... А не присесть ли вам, не отдохнуть ли здесь? Видите? Это сны Захаркины витают. Снится ему, что произвели его в генерал-фельдмаршалы, эполеты дали с сапогами, и копчёный окорок в придачу. А ещё ему снится, что пошёл он под венец с заморской царевной, красоты неопишущей...

Первый Дракозаяц (дрожа и испуганно озираясь): А-а-а... Кто-то-то это-то-то ту-ту-ту-тут го-го-говорит?

Голос: Это я, добрая фея Дрёма Лежебоковна... Самая добрая и самая ласковая. И зачем вам это надо, Дракозайчики, возиться с сокровищами царскими? Зачем на себе всякие тяжести таскать? А не лучше ли вам лечь-прилечь, по-

спать, да сны увидеть расчудесные?

Первый Дракозаяц (потягиваясь и зевая): А что? Я, пожа-луй, прилягу вон на тот сундучок...

Второй Дракозаяц: Я тебе прилягу! Я тебе прилягу! А ты... Эта... Как тебя там? Фея! Хватит тут дисциплину разлагать! Ой!.. (тоже начинает зевать и пошатываться) Что-то меня тоже на сон потянуло. (толкает первого) Эй! Пока не уснули, давай поскорее уносить отсюда ноги. Доставай-ка мне мешок! Хватит с нас и того, что в ларце лежит.

(Дракозайцы вытряхивают содержимое ларца в мешок, второй Дракозаяц кидает в ларец какой-то конверт. Подпирая друг друга и, зевая, они торопливо уходят. Слышится жужжание мухи. «Сновидения» взмывают под потолок, Захарка открывает глаза, машет рукой и ловит муху – жужжание сразу же обрывается. Замечает, что ларец открыт. Заглядывает внутрь и замирает).

Захарка: Ой! Мама! А где же сокровища?! Куда они делись? Ведь я и спал-то всего минут пять. (Долго смотрит в ларец, неожиданно хлопает себя по лбу). А-а-а! Понял, понял, понял! Это я всё ещё сплю, и это мне снится! Ну-ка, давай-ка я усну ещё раз, а когда проснусь, уже по-настоящему, сокровища будут лежать на месте. (Закрывает глаза, храпит, одним глазом заглядывает в ларец) Ты глянь, как крепко сплю – сон всё тот же. А ну-ка, ещё раз! (Снова торопливо храпит несколько раз) Нет, так ничего и не появилось. Погоди-ка! Так, значит, сокровища и в самом деле пропали?! Эй,

Дрёма Лежебоковна, а ты не видела, кто тут сейчас был?

Голос (позевывая): Видела, да лень сказать... Ну, ладно, пошла я. Пока...

Захарка (охая, мечется по сокровищнице): Ой, что же делать, что же делать?! Ой, как же быть мне, как же бы-ы-ы-ыть?! Чего доброго – не сносить мне головы! О-ё-ёй!..

Другой голос: Эх ты, лодырь и бездельник! Проворонил бесценные сокровища! Тебе поручили их охранять, а ты? Уснул на посту... Стыд и позор!!!

Захарка (озирается по сторонам): Эй, кто тут? Это ты опять, Дрёма Лежебоковна?

Голос: Нет, это говорю я, твоя совесть. Это я в тебе проснулась. Ты же меня постоянно убаюкиваешь всякими там отговорками и обещаниями... Но рано или поздно я всё равно просыпаюсь. Тебе же знакомы мои уколы и угрызения? Готовься: сейчас я снова начну тебя укалывать и угрызать.

Захарка (возмущённо): А за что это меня укалывать? За что угрызать? Что я такого сделал?

Совесть: Ты не сдержал своё слово добросовестно охранять доверенные тебе сокровища. Ты же его давал? Давал. Не сдержал? Не сдержал! Так что, я начинаю...

Захарка: Стой, стой, стой! Ишь ты, угрызать она меня надумала... Лучше бы подсказала, кто стырил драгоценности, а уж потом бы грызла.

Совесть: А нечего было спать на курсах молодого страж-

ника, когда ваш десятский рассказывал про тех, кто охотится за чужими сокровищами.

Захарка: То есть, помочь ты мне не хочешь? Ты умеешь только угрызать? Ну, угрыжай, угрыжай... Смотри, доугрызаешься! Вот, разгневаётся царь, и мне голову – фюйт, с плеч долой! Но после этого-то и тебя не станет. Соображаешь? (молчание) Ага, испугалась! То-то же! Фу-у-у-у... Отпустило! Что же делать, что же делать?! (расхаживает взад-вперёд, внезапно останавливается и радостно подпрыгивает) Ура! Придумал! Выручай, моя смекалка! (зрителям) Ну, вот, кто видел, что именно лежало в этом ларце? А? Вот, я – не видел. Вы тоже не видели? Нет. Так, может, там ничего и не было? Может, там какой-нибудь хлам ненужный валялся? Поэтому, положу-ка я туда всё, что под руку попадётся? Авань, пронесёт... (Достает из-под стола свой вещмешок, что-то перекладывает из него в ларец и, улыбаясь, на свистывая, расхаживает по сокровищнице)

* * *

Действие второе

Тронный зал дворца царства Трамтарарамского. В центре – двухместный трон, на стенах – «портреты царской династии», большие настенные часы. Невдалеке от трона – наряженная новогодняя елка. О чем-то судача, в зал входят придворные, среди них – Герцогиня, Графиня, Баронесса, Генерал-фельдмаршал. Слышится: «Шарман, шарман», «Лямур, бон-жур!..» Входит Министр-распорядитель, развёртывает длинный бумажный свиток, трижды бьёт в пол посохом.

Министр: Его величество, царь-государь, император всея Трамтарарамдии, Дормидонт Первый!!!

(Входит шустрый царёк «метр с кепкой», в короне и царской мантии. Руки засунуты в карманы брюк, фальшивя, напевает «В лесу родилась ёлочка». Придворные кланяются. Он им милостиво кивает и садится на трон.)

Министр: Её величество, царица-императрица Арги... Аргри... Аг-рип-пина Четвёртая!

Входит царица, ростом в сажень, вид суровый и надменный. Плюхается на трон рядом с царём, спихивая его на самый край. Тут же делает замечание Министру:

Царица: Между прочим, я Агриппина Пятая! Считать научись, грамотей!

Министр: (сокрушённо качает головой) Вот ведь конфуз какой! Со счёту сбился... (выкрикивает) Аг-рип-пина Пя-

тая! (достав из-за уха карандаш, мусолит его во рту и что-то исправляет в своём свитке)

Царь (Министру): Ты указ новогодний подготовил? Без ошибок его написал? А то в прошлом году состряпал – не пойми чего: вместо «поздравляю» написал «под-здравляю», а вместо «подарки» – «патарки». Во всех иноземных газетах над нами до сих пор насмеваются.

Министр (кланяясь): Не извольте беспокоиться, ваше величество! Указ проверял мой сосед. Он учится уже в третьем классе, круглый отличник – знает всю таблицу умножения.

Царь: Ну, давай, давай указ! (берёт свиток с указом, откашливается, начинает читать) Мы, царь-государь император всея Трамтарарамдии, Дормидонт Первый, всемилостивейше объявляем нашим верноподданным свою высочайшую волю. Повелеваем Новому году... э-э-э... наступить с двенадцатым ударом главных дворцовых часов. Нашим верноподданным повелеваем с наступлением праздника веселиться, петь песни, плясать, поздравлять друг друга, дарить подарки, кричать... Э-э-э... А что же кричать-то? Ну, министр! Ну, написал! На, сам прочитай.

Министр (заглядывая в свиток): По-моему, ваше величество, здесь написано: «Ау-у!»

Царь: Ты что, в лесу заблудился? Тут, вон, всего одно дерево. Ты ещё скажи, что надо кричать «Пожар!» или «Карул!»...

Генерал-фельдмаршал (подкручивая ус): А там не может

быть написано: спасайся кто может!!!

Царь: Эх ты, герой! У тебя только одно на уме... За что только держу тебя главным воеводой? За что только орденами тебя жалую?

Генерал-фельдмаршал: Пардон, мон шер император! Я... Не совсем то хотел сказать. Вернее, совсем не то... Осмеюсь заметить, ваше величество, Новый год имеет свойство наступать (подбоченившись, машет рукой, словно рубит саблей). А мы, военные, когда идём в наступление, обязательно кричим «Ура!». Так, может быть и Новый год надо встречать криком «Ура»?...

Царь (перебивая): Вот теперь ты молодец, Генерал-фельдмаршал! Недаром в школе мне всегда на уроках подсказывал. Не то, что некоторые двоечники (указывает на Министра – тот стоит, свесив голову и, пряча руки за спину) которые пишут, как курица лапой... Полчаса пришлось разобраться, что здесь написано «Ура!».

Царица: Ой, а мне сколько раз Генерал-фельдмаршал списывать давал! (Министру) Сегодня же напиши указ о награждении Генерал-фельдмаршала медалью за... За... В общем, сам придумашь за что.

Царь (о чём-то вспомнив, спрыгивает с трона и придирчиво осматривает царицу): Ва-а-а-ше величество! А что же вы не захотели порадовать нас блеском своих бриллиантов? А? Где же ваши праздничные украшения? Или вы их кому-то подарили? Уж, не герцогу ли Беконхамскому?

Царица: Ага! Держи карман шире! Прямо вот, первому встречному возьму и подарю их! В ларце они, в нашей сокровищнице. Как лежали, так и лежат. А порадовать... Да, сколько угодно! (трижды хлопает в ладоши) Эй, кто там?! Подать мои драгоценности!

Министр-распорядитель: Стражнику Захарке Недосыпову срочно принести украшения её величества!

(Спотыкаясь, бочком, в тронный зал входит Захарка Недосыпов. Он приближается к трону и, не глядя, подает царице ларец. Отходит в сторону и стоит, испуганно зажмурившись и втянув голову в плечи. Царица поднимает крышку ларца, и замирает в недоумении).

Царица: Это... Это что за хлам тут лежит? Где мои украшения? Где мои бриллианты?! Отвечай, бездельник!

Захарка (не глядя на неё, тычет пальцем в сторону ларца): Та-а-а-м! В этом... Как его? В ларце...

Царица (доставая из ларца фляжку): Это вот, что такое?

Захарка (всё также, отвернувшись, щелкает каблуками): Изумрудная диадема, ваше величество. Вы её изволили на голову надевать.

Царица: Да-а-а-а?! (пытается пристроить фляжку к голове, но потом бросает обратно в ларец): Не-е-т, это не диадема. По-моему, это что-то такое для воды. Этого я на голову сроду не надевала – точно помню. Так, а это что? (Достает большую бутафорскую расчёску)

Захарка: Ожерелье из камней самоцветных, ваше величество!

Царица: Какое же это ожерелье?! Это, прямо, грабли колхозные! (Бросает в ларец расчёску и достаёт из него большую деревянную ложку, с сарказмом) Ну а это, конечно же, бриллиантовые подвески... Так, что ли?

Захарка: Так точно, ваше величество! (с преувеличенным удивлением смотрит на ложку, подбегает к ларцу и заглядывает внутрь) Ух ты! Не может быть!!! (делает большие, испуганные глаза) Чёрная магия, ваше величество, да и только!

Генерал-фельдмаршал: (подходя к нему и, давая подзатыльник) Не чёрная, а тёмная! Хватит тут темнить! А ну-ка признавайся, куда делись сокровища? Небось, спал на посту? Ну, отвечай!

Герцогиня (осуждающе): Конечно же, он спал! А в это время похититель пробрался в сокровищницу!

Графиня (горестно): Прозевал он, прозевал, а похититель украл драгоценности!

Баронесса (гневно): Проморгал он, проморгал, и теперь всех пытается обмануть!

Все придворные (хором): Отвечай, бездельник!!!

Генерал-фельдмаршал: Я жду-у-у!

Захарка: Никак нет, ваше высокопревосходительство! Не проспал! Не прозевал! Не проморгал! Вы мне – как приказали нести службу? Чтобы мимо даже муха не пролетела! Верно? Именно так я и охранял сокровища. И вот вам доказа-

тельство! (что-то достает из ларца)

Генерал-фельдмаршал: Что это такое?

Захарка: Муха, ваше высокопревосходительство! Эта хитрая лазутчица пыталась проскользнуть к ларцу, чтобы покуситься на драгоценности. Но я храбро преградил ей путь, и её коварные замыслы мною были сорваны! (бьёт себя в грудь кулаком)

Царица (начиная выходить из себя): Бе-зо-бразие!!! Этому остолопу доверили охранять украшения моего величества, которым нет цены, а он на посту мух ловил. В темницу его!!!

Придворные (хлопая в ладоши скандируют): В темницу! В темницу! В темницу! В темницу!

Царица (Царю): Что ж ты, Дормидошка... То есть... Гм-гм... Что же вы, ваше величество, поставили на ответственный пост такого бездельника и ротозея?

Царь (разводя руками): Агриппинушка... Ваше величество! Понимаете, мне очень понравилась его фамилия – Недосыпов. Мне сразу подумалось, что такой стражник будет охранять нашу сокровищницу не щадя себя, недосыпая даже. А на деле-то оказалось, что всё совсем наоборот. Сколько ни спит, а всё ему мало... (Захарке) Эй ты! Ротозей! Если, говоришь, что даже муха мимо тебя не пролетела, то куда же делись сокровища?

Захарка (с величественной скорбью): Я, так смекаю, ваше величество, что тут не обошлось без шапки-невидим-

ки-неслышимки. Хитрый злодей подослал ко мне свою сообщницу-муху. И пока она коварно отвлекала моё внимание, он, пользуясь этой волшебной шапкой, незаметно достал сокровища из ларца, подменив их, вот, на всякий хлам. Ах, как я расстроен! Как я расстроен! (утирает глаза платочком)

Придворные (хором): Врёт! Врет! Врёт! Врёт!

Царь (многозначительно): А это мы сейчас проверим! А то, может быть, ты сам и прибрал к рукам драгоценности её величества? (трижды хлопает в ладоши) Знахаря-всезная ко мне!

Министр-распорядитель (трижды стукнув посохом): Знахаря-всезная к его величеству!

(Важно входит бородач в шапке-ушанке с торчащим из-за козырька цветком. Он одет в тулуп, на ногах валенки. Идёт, руки в боки, на лице широкая улыбка. В руках – берёзовая палка с рогулькой на конце).

Знахарь-всезнай (ухарски кланяется, со все той же улыбкой, говорит, упирая на «о»)): Чаво извлит-те ваш-ше велич-частво? Хе-хе-хе...

Царь: Слушай, всезнаюшка, а не мог бы ты нам сказать, кто украл царицны украшения, и где они сейчас могут быть?

Знахарь-всезнай: Дык, это запросто, ваш-ше велич-частво! Один момен-нтик, и всё узнаете.

(Знахарь-всезнай берёт у царицы ларец и ставит его на стол. Достает из кармана какой-то пестрый платок, накры-

вает им ларец, трижды стучит сверху своей рогулькой. Прикладывает руку к уху, наклоняется к ларцу, прислушивается. Все стоят, боясь пошелохнуться).

Знахарь-всезнай: Всё узнал, царь-батюшка, всё выведал. Значит, сокровища похитил крокосвин восьминогий, и сейчас они на море-окияне, на острове Буяне. А спрятаны они в сундуке, сундук на дубе...

Царь: Погоди, погоди... А в какой стороне этот остров? И что это за чудище такое – крокосвин восьминогий?

Знахарь-всезнай: Остров Буян, царь-батюшка, это, вот, как выйти из дворца и – сразу направо. Потом – налево. Налево – направо, направо – налево... За неделю добраться можно. А крокосвин – это жарких краёв обитатель. Стра-а-а-шны-ы-ы-й... Если увидишь – аж мороз по спине. Крово-жадный – спасу нет.

Царица: А-а-а!.. Теперь я поняла, как всё было на самом деле! Когда появился этот крокосвин, Захарка с перепугу в обморок брякнулся, головой стукнулся, и память у него отшибло. Я такое в сериалах часто вижу.

Царь: А я и без сериалов знаю, что ежели Захарка где и падал, так только дома, с печки, или с дуба, вниз головой! И отшибло у него не память, а совесть. Да и не только у него одного! (тычет пальцем в Знахаря-всезная) Ишь ты! Крокосвина он придумал восьминогого! У меня хоть и тройка была по зоологии, а всё равно знаю, что нет такого зверя. Ладно, где там наш Магистр всяческих наук? Что он нам скажет?

Царица (Знахарю): Шарлатан ты, шар-ла-тан!

Министр-распорядитель: Магистра всяческих наук к его величеству!

(Магистр одет в академическую мантию, на голове – шапочка с квадратным верхом и кисточкой. Он важно вышагивает, на ходу озирая потолок через подзорную трубу. Долго и замысловато приседает, переставляет ноги и двигает руками, изображая реверансы).

Магистр: Ви есть меня вызывайт, ваш величеств, царь-батюшка?

Царь: Да, вызывал, вызывал! Слушай, голубчик, хоть ты, что ль, скажи нам: кто украл украшения её величества, и где они находятся сейчас?

Магистр: О! Айн момент, ваш величеств! Я сейчас посмотреть на звёзды, составить гороскоп, и всё тут же узнавайт! (смотрит на потолок в подзорную трубу, сокрушённо качает головой) Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! Ваш величеств! Звёзды мне говорить, что сокрово-вищ похищайт...

Знахарь (сзади подсказывает): Крокосви-и-и-н! Крокосви-и-и-н!

Магистр (оглянувшись, с обидой в голосе): Сам ты есть кроко-свина! Зачем ты так дразнишь? Я тебя не обзывайт! Итак, царь-батюшка, сокровищ похищайт семиглавый тролль, и спрятать их в глубокий пещер, в далёкий Береберейский горах!

Царь (всплеснув руками): Да тут целая шайка работала –

и крокосвин восьминогий, и тролль семиглавый... Так, так, та-а-а-к!.. А эти самые Берберейские горы у нас – где-е-е?

Царица: В Кызыл-Орде! Врёт, поди, как и Знахарь!

Магистр: Ваш величеств! Чтобы указать эти горы, мне надо карта, компас...

Царь: Ты еще глобус попроси, знаток географии!

Магистр (радостно улыбаясь): О, я, я! Глѐбус – это есть зер гут.

Царь: Ага! Тебе – зер гут, а нашим сокровищам – капут. Ну, может, хоть восточный Факир что-то умное нам скажет?

Царица (Магистру): Мошенник!

Министр-распорядитель: Восточного Факира к его величеству!

(Факир в чалме, расшитой бисером безрукавке, широких шароварах и туфлях, с острыми, загнутыми вверх носами. Идёт перебирая крупные – с орех – чётки, заунывно бормочет какие-то мантры.)

Факир (складывая перед собой ладони и кланяясь): Слушаю тебя, о величайший из повелителей, столп мудрости и справедливости, свет очей и отрада своих подданных!

Царь (удовлетворенно причмокнув, указывает на Факира): Учитесь, невежи, как к своему государю следует обращаться! Слушай, Факирушка, хоть уж ты помоги. Кто-то украд украшения её величества. Не мог бы ты узнать, кто это сделал и где сейчас наши сокровища?

Факир (снова кланяясь): Слушаю и повинуюсь, о достой-

нейший из достойных, о славнейший из славных! Сейчас я буду медитировать в позе верблюда, жующего саксаул, и очень скоро вы всё будете знать.

(Факир, пригнувшись, изображает, что он, как бы, рвёт руками траву и пихает себе в рот. Одновременно изображает, что усердно её жуёт, вращая глазами. Знахарь и Магистр, глядя на него, о чем-то меж собой многозначительно шушукуются. Придворные, разинув рот, наблюдают за Факиром. Неожиданно тот подпрыгивает и крутится, громко фыркая, как плюющийся верблюд. Все от него испуганно шарахаются. Факир замирает и смущённо мнётся).

Факир (царю): Прошу простить меня, о средоточие мудрости! Слишком уж я углубился в образ животного... (вырывает у себя из бороды волосок, рвет его пополам, кидает на пол, делает пассы и что-то шепчет, сложив руки на груди) О, величайший из величайших, я готов дать ответ, о просветленный умом! Отрада души твоей – бесценное сокровище, каковому равных в мире нет...

Царь: Короче, Копперфильд! Ближе к делу!

Факир (с заунывным подвыванием): Сейчас оно находится...

Знахарь (подсказывает): У крокосвина, на острове Буяне!

Магистр: У тролля, у тролля, в Берберейских горах!

Царь и царица: Тихо!

Придворные: Тихо!

Факир: ...Сокровище сейчас в когтях великой птицы Га-

руды, которая летит неведомо куда. Своими крыльями она закрыла половину неба...

Царь (язвительно): ...Ну а где её гнездо, ты, конечно же, не знаешь. Да?

Факир: У нее вообще нет гнезда, о справедливейший из справедливых!

Царь: Ах, нет гнезда-а-а?! Тем хуже для неё! Да и для всех вас, три дармоеда! Пошли вон, с глаз моих долой!!! (вскочив с трона, подходит к столу и в сердцах сбрасывает на пол ларец, из которого вылетает конверт)

Царица (Факиру): Жулик!

Графиня (подняв конверт, достаёт из него записку): Ой! Здесь что-то написано... (читает) С Новым годом! Подпись: Змей-Горыныч...

Придворные (испуганно): Змей-Горыныч?!!

Царица (подбегая к Графине): А ну-ка, дай сюда! (читает, раздумывает, уперев руки в бока) Так во-о-т чья работа! Змея-Горыныча, значит! Стащил наши украшения, да ещё и издевается... А есть ли в нашем царстве богатырь, который не побоялся бы сразиться с этим трёхглавым похитителем?

Захарка: Это я, ваше величество! Хотя сейчас готов сразиться даже с дюжиной этих самых Горынычей!

Царица: Эй, Министр! Дать ему лучшего скакуна, меч-кладенец и сто золотых на дорогу!

(Слыша это, Захарка радостно улыбается и потирает руки).

Царь (возмущённо): Кому?! Этому Захарке-простофиле – лучшего скакуна? Дать ему хромую клячу, пять копеек медью, а меч у него и так уже есть. Пусть хоть раз за всю службу от ржавчины его почистит и наточит. И ежели к наступлению Нового года сокровища не вернёт – голова его с плеч долой. А пока он не вернётся, свой указ о наступлении Нового года отменяю.

Царица: Что вы говорите, ваше величество?! Дормидоша, глянь на часы – до наступления Нового года осталось всего пять минут! Получается так, что если Захарка не вернётся, то Новый год не наступит вообще?

Царь: Да, ваше величество. Именно так! Все мы остаемся в старом году. Как завзятый тиран и общепризнанный деспот, свое решение я менять не буду!

Придворные: Ах, что же делать, что же делать?!

Герцогиня: А давайте позовём Деда Мороза?

Баронесса: Да, да, и Снегурочку. Может быть, они нам помогут?

Все (за исключением царя): Дедушка Моро-о-о-з! Снегурочка-а-а!

(Входят Дед Мороз и Снегурочка).

Дед Мороз: Здравствуйте, жители Трамтарарамдии! Что такие невесёлые?

Царица: Дедушка, помогите нам! Из-за некоторых тут недотеп и растяп, мы все рискуем остаться в старом году.

Придворные: Помогите нам! Помогите!

Дед Мороз: О том, что у вас случилось, я знаю. Ну что, Снегурочка, поможем им?

Снегурочка: Ну, конечно, дедушка, обязательно надо помочь! А давайте сделаем так, чтобы оставшиеся пять минут растянулись на столько, на сколько это понадобится, чтобы Захарка успел найти и вернуть сокровища?

Дед Мороз: Хорошо придумала внучка! Так сейчас и сделаем. (бросает вверх пригоршню конфетти) Ну, вот и всё. Теперь, если Захарка и целый год пробегает в поисках сокровищ, вернётся он всё равно за минуту до того, как часы пробьют двенадцать.

Царь (Захарке): Эй ты, бездельник! Чего топчешься? Отправляйся на поиски, да поживее! (царице) А я пока что пойду, попью чайку, посмотрю телек. Сейчас будут показывать встречу «Динамо» – «Спартак»...

(Уходит. Следом Царица и придворные. Захарка подходит к Знахарю, Магистру и Факиру. Те о чем-то спорят. Слышно только: «Самый сильный злодей есть тролль!» «Крокосвин из любого тролля мочалку сделает!» «Гаруда склюёт и тролля, и крокосвина, и Змея-Горыныча!»)

Захарка: Братцы, выручайте! Подскажите, где мне найти Змея-Горыныча?

Факир (прижимает руки к груди): Только на юге, только на юге, дорогой! Там нет зимы, там спеет урюк, там растёт виноград... Там, и только там обиталище Змея-Горыныча!

Знахарь: Да ты чё-о-о?! С каких это коврижек Змей-Го-

рыныч на юг пойдёт? Он же – нашенький, тутошний! Ему твой урюк – поперёк горла. Дуй-ка ты, Захарка, за горы Уральски, за тайгу сибирску... Там, где из-за моря солнце красное встаёт, где горы стоят огнедышащие, живет и огнедышащий Змей-Горыныч.

Магистр: Ах! Ах! Ах! Очень жаль, но вы есть неправы оба. Змей-Горыныч живет в западнй сторона. Там, где солнце садиться, он обитать в далёких Берберейских горах.

Захарка: Ну, вы и насоветовали! Впору разорваться на части. Куда ж идти-то? У кого бы точно узнать?

(Входит Генерал-фельдмаршал, на ходу перебирает какие-то бумаги).

Генерал-фельдмаршал (Захарке): Вот тебе доверенность на лошадь, и суточные – пять копеек медью.

(Захарка берёт лист бумаги и медную мелочь, собирается уходить).

Генерал-фельдмаршал: Ку-у-да-а-а?! А ну-ка, распишись! Деньги, они, знаешь, счёт любят. А лошадь, хоть и прихрамывает, приписана к царской конюшне. Ежели не вернёшь – кто будет отвечать?

Захарка (расписываясь): У, бюрократы!

Магистр: Захарио, сейчас с мой коллег мы есть организовать фирма, который называйся... э-э-э...

Знахарь: Фирму мы назвали «Ясновидец». Советы даём только за деньги. Деньги – на бочку! Тебе ж советовали, как Змея-Горыныча искать? Плати!

Захарка: Да, медный грош цена вашим советам!

Факир: Ай, дорогой, а мы пока что больше и не просим!

(Захарка, недовольно морщась, даёт «ясновидцам» по копейке, те радостно поздравляют друг друга с началом деятельности их «фирмы». Входит Дед Мороз).

Захарка: Дедушка Мороз! А вы мне не поможете? Знаете, дедушка, скажу вам честно: я – лодырь. Да... Спал в карауле, из-за меня всё наше царство осталось без праздника... Что теперь делать? Как мне найти Змея-Горыныча?

Дед Мороз: Хорошо, Захарка, помогу я тебе. Где живёт Змей-Горыныч, знает Баба-Яга. Правда, она вредноватая. Но, куда уж денешься? Придётся обратиться к ней. А дорогу тебе покажет вот эта птичка (достаёт из кармана елочную игрушку, наподобие птички, висящей на ниточке). Куда она повернётся, туда и езжай. А ещё у этой птички есть одно волшебное свойство: любой многодневный путь она сокращает до пятиминутного.

Захарка: Ну, спасибо, Дед Мороз! Эх, держись теперь, Змей-Горыныч!

(Тронный зал пустеет, слышен неровный топот конских копыт).

* * *

Действие третье

Горница избушки Бабы-Яги. В центре – большая русская печь, подле неё – ухваты, какие-то вёдра, кастрюли. Рядом стол, накрытый залатанной скатертью, стулья. Откуда-то доносится топот копыт. Слышен голос Захарки: «Тпру, ленивая кляча! На тебе дрова возить, а не богатырю скакать!» Раздается громкое «пик-пик» – сигнал включения автомобильной охранной сигнализации, сопровождаемое конским «И-го-го!» Слышится стук в дверь, в избушку крадучись входит Захарка, озирается.

Захарка (неуверенно): Эй, есть тут кто-нибудь? Откликнись! Нет никого... Эх, а пи-рогами-то как пахнет! А я так устал, что аж живот от голода подвело. (расхаживает взад-вперед, рассуждает вслух) Как же мне с Бабой-Ягой договориться, чтобы она указала дорогу к Змею Горынычу? Тут ведь подход особый нужен. Во-первых, себя надо показать культурным и вежливым. Вот в печи, наверняка, есть очень вкусные, горячие пирожки. А я их не трону! Не-е-е-т, есть их и не подумаю. Разве что, понюхаю. За это же никто не рассердится? (подходит к печи, принюхивается) Нет, почему-то никак не разберу, с чем же пирожки-то. Что за начинка? Посмотреть, что ль? (достаёт из печи жаровню с пирожками) Ух, какие румяные! Сами в рот так и просятся! (садится за стол, вертит в руках пирожок и начинает его есть)

Ой, что же я делаю-то?! Разве так можно? Это как же теперь Баба-Яга рассердится! У-у-у!... Что же я натворил-то?! Ай-й-й-й!.. (при этом, не перестаёт жевать)

(В избушку, свистя и гикая, влетает Баба-Яга верхом на метле. Со стороны заметно, что свою метлу она никак не может остановить. Проскакав круг по избушке, Баба-Яга, наконец, останавливается и грозит метле кулакам: «У-у-у, шельма, опять тормоза барахлят!» Заметив за столом Захарку, некоторое время ошарашено наблюдает за ним. Тот, при появлении Бабы-Яги, поспешно запихивает в рот остаток четвертого пирожка, с трудом двигая набитым ртом).

Баба-Яга (торжествуя): Ага-а-а-а!!! Попался, голубчик! (вскидывает метлу как ружье) Встать! Руки вверх! (Захарка встаёт, поднимает руки вверх) Ты кто такой? Зачем сюда пожаловал? Как посмел есть мои пироги?!!

Захарка (наконец-то прожевав пирожок, облизывается): Зовут меня Захарка Недосыпов, служу царским стражником. А посмел я потому, что, кто смел, тот два съел!

Баба-яга: Да, где ж два, ежели почти всё подчистую умял?! Вон, всего один пирожок остался!

Захарка (разводя руками): Бабуля-Ягуля, ну что ты такая скандальная? Пирожков тебе, что ли, жалко для хорошего человека! (тычет в себя пальцем) Да если хочешь, я тебе за них даже заплатить могу. Вот, получай!

(С таким видом, как будто у него пригоршня золота, с размаху шлёпает ладонью на стол медяки)

Баба-Яга (обрадовано): Это что, золото, серебро? (пробует монету на зуб) Фи-и-и! Медяшка... Тьфу! Медью хочешь откупиться? Не выйдет! И интересно, почём же это ты мои пирожки оценил?

Захарка (с авторитетным видом): По копейке за пару! А дороже они и не стоят. И не пропеченные малость, и не посолила. Тьфу!

Баба-Яга (возмущённо): Почему это – тьфу?! Ты же их слопал? Слопал! Нет, Захарка! Медью не откупишься! Сам теперь на жаркое пойдёшь.

Захарка: Это с чего бы вдруг?

Баба-Яга: А с того, что ко мне с минуты на минуту может прилететь Змей-Горыныч. Пирожки-то я для него испекла. А знаешь ли ты, невежа, что у Змея три головы, и на каждую надобно по два пирожка?! А ежели какой-то из них не хватит, она тотчас обидится, и меня проглотит. Поэтому лучше я тебя отдам на съедение Змею-Горынычу. Понял? Или ты сказок не читал?

Захарка: Читал, читал... Так, значит, к тебе должен прилететь Змей-Горыныч? Это хорошо, я сам его ищу. И вообще, знаешь, бабуль, о пирожках ты больно-то не кручинься. Змей тебя всё равно проглотит бы.

Баба-Яга (недоверчиво): По какой-такой причине?

Захарка: Считай. У Змея-Горыныча три головы, на каждую надо по два пирожка (показывает ей на пальцах). Итого, получается шесть. А ты испекла всего пять – четыре я съел

и один вон остался. Значит, одной Змеевой голове пирожка не хватило бы. Всё, финиш! Пирожки он бы съел, а тобою бы – закусил.

Баба-Яга (шевелит пальцами, что-то высчитывает): Батюшки! А ведь и верно! Съел бы он меня... Вот темнота-то беспросветная! Ты, милоч, на меня не сердчай. А пирожок, ежели они пришлись тебе по вкусу, ешь и этот. Ешь, ешь!

Захарка (потирая руки): Не откажу-у-у-сь! (берет последний пирожок, ест)

Баба-Яга (доверительно): Знаешь, Захарушка, скажу тебе по секрету, это я только с виду такая простоватая. Я, чай, тоже ведь не без хитрости! Змей-то этот мне уже надоел – дальше некуда. Каждый раз прилетает, и каждый раз давай орать: подавай пироги, старая! А то съем тебя сейчас! Ну, вот, я и решила положить в пирожки заговорённого зелья из белены и мухоморов. Угадай, для чего? А-а-а! Чтобы у него, супостата окаянного, выросли вот такие здоровее-е-е-нные уши, чтобы они болтались и мешали ему летать...

(Баба-Яга заливается хохотом, а Захарка, дожёвывая остаток пирожка, замер с выпученными глазами и схватился за уши)

Баба-Яга (сокрушается): Ой, что ж это я наделала-то?! Да на тебе ж лица нет! На, испей живой водицы – она поможет! (подает Захарке кувшин)

Захарка (подозрительно заглядывая внутрь): Уж, не мёртвая ли, часом?

Баба-Яга (отмахивается): Что ты, касатик! Мёртвой не держу – самой жить хочется!

Захарка (торопливо пьет из кувшина, снова трогает уши): Ну, бабуля! Ну, угостила! Слушай, раз уж так боишься Змея-Горыныча, так укажи к нему дорогу – я с ним быстро разберусь! Я как раз и еду в его замок, чтобы он вернул царские сокровища.

Баба-Яга: Да указать-то я дорогу укажу... Дам тебе клубочек, он тебя и приведет куда надо. Только с этим мечом супротив Змея-Горыныча тебе не выстоять. Тут меч-кладенец надобен. Но лучше всего Змея хитростью взять. Его слуги, Дракозайцы, боятся... (что-то шепчет Захарке на ухо) а сам Змей пуще огня боится... (опять что-то шепчет). Всё понял? Держи клубочек (достаёт из кармана и даёт ему клубок пряжи)

Захарка: Ой, спасибо, бабуля, всё, как есть запомнил!

Действие четвертое

Замок Змея-Горыныча. Стена из голого кирпича, в ней – зарешечённые крепостные окна, Вдоль стены сундуки с награбленными сокровищами (сундуки подписаны: «Сокровища Три-десятого царства», «Сокровища заморских краёв» и т.д.). Стоят большущие напольные часы. Рядом с ними в кадке – стебель розы с цветком. В центре зала, сидя за столом, спит Змей-Горыныч, положив на него свои головы – разносится храп. Он, как и Дракозайцы – мрачно-зелёного цвета с чёрными пятнами. Невдалеке от него наряженная ёлка. Игрушки на ней самые что ни на есть «злодейские» – ножи, пистолеты, сабли, топоры, покемоны и тому подобное. На циферблате часов без пяти двенадцать. В часах открывается дверка, высовывается кукушка, смотрит на циферблат и начинает куковать: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...» Поскольку Змей-Горыныч не просыпается, кукушка уже во всю силу кричит: «Ку-ку-у-у-у-у-у!!!» Змей-Горыныч испуганно подхватывается, смотрит в её сторону.

Змей-Горыныч (недовольно): Ты чего разкуковалась-то?! К тому же, раньше положенного?!

Кукушка: То и разокуковалась, чтобы ты Новый год не продрых. А то потом как всегда будешь часы пинать и орать, будто это я во всём виновата, потому, что не разбудила пораньше. Ты хоть бы в своём замке прибрался к празднику.

Хоть бы розу полил – совсем уже засохла.

Змей-Горыныч: Ещё чего не хватало! Очень мне нужно её поливать! Тем более, что её поливать нельзя. Если это сделать, то она такого может натворить!

Кукушка: Это чего же это она может натворить?

Змей-Горыныч: Не твоё дело! Сидишь в своих часах – вот, и сиди, помалкивай. А будешь куда не положено свой нос совать – вытащу из часов, и сварю из тебя щи.

Кукушка: Ой, ой! Сварит он меня... Я – деревянная. Смотри зубы об меня не обломай! Как же ты захламил свой замок! Вот, случись, заглянет к тебе какой-нибудь проезжий или прохожий, что он потом в других царствах-государствах про тебя расскажет?

Змей-Горыныч (пренебрежительно): Какой проезжий?! Какой прохожий?! Что ты глупости болтаешь, пустомеля бестолковая? Да тут на тыщу верст ни одной живой души не сыскать. А ежели кто и появится, я им тут же пообедаю! Хе-хе-хе-хе! Ух ты мне и надоела! (кукушка скрывается за дверкой, Змей-Горыныч расхаживает по залу) Эх, тоска зеленая! На носу Новый год, а мне и поболтать-то не с кем. Думал слетать к Бабе-Яге на пироги, да погода нелётная – пурга разгулялась. И она сама чего-то не хочет ко мне в гости. К Кощею бы податься, да у этого скряги и корки сухой на столе не увидишь. Главное, сам от своих сундуков не отходит, и меня к ним не подпускает... Эх, сиротинушка я, сиротинушка, всеми позабыт-позаброшен!.. И Дракозайцев что-то

нет и нет... Где их нелегкая носит? А ведь и вправду, Новый год уже на носу! Может, хоровод поводить вокруг ёлочки? Меня ведь трое? (Идет вокруг ёлки, поёт) Ма-а-а-ленькой ё-о-о-лочке холодно зимой, из лесу ё-о-о-лочку взяли мы до...

(Вбегают Дракозайцы. Увидев своего хозяина поющим, замирают, разинув рот. Змей-Горыныч, застигнутый не вовремя, не знает, как ему быть).

Змей-Горыныч (раздражённо): Ну, наконец-то, явились – не запылились! Можно мхом обрасти, вас дожидаясь! Где мешки с сокровищами трамтарарамскими?

Первый Дракозаяц (кланяясь): Ваше трёхглавие, все сокровища унести не удалось.

Второй Дракозаяц (тоже кланяется): Мы не виноваты, ваше змейшество! На нас напала фея Дрёма Лежебоковна, и уж так нам стало лень, что только царицены украшения и осилили утащить. Но вы не волнуйтесь, ваше змейшество! Пока возвращались сюда, сорока на хвосте принесла новость, что ваш гениальный план полностью удался. Царь Дормидонт Первый так разозлился, что во всём своём царстве отменил Новый год.

Змей-Горыныч (самодовольно): Вот это – хорошо-о-о!.. Приятная новость. Ой, как злорадостно стало на душе! Прямо, как будто удалось слопать на обед всех трёх богатырей – Ильюшку Му-ромца, Добрыньку Никитича и Алёшку Поповича. А их конями закусить на ужин... А кто ж сокровищницу-то охранял?

Первый Дракозаяц (делая большие глаза и изображая руками): Огромнейший богатырь с ужасным мечом, со страшным копьём...

Второй Дракозаяц (пренебрежительно): Какой богатырь? Это ты про Захарку Недосыпова, что ль? Нашёл кого богатырем назвать! Кстати, ваше «поздравительное» письмо Дормидонту оставили. Представляю, ваше змейшество, как он сейчас читает ваше «поздравление», и – злится, злится, злится! Я бы до такого сроду не додумался.

Змей-Горыныч (красуясь): А то, как же! Недаром говорится, что одна голова хорошо, а три – лучше. Ну ладно, киньте сокровища вон в тот сундук.

Второй Дракозаяц (направляясь к сундуку): А разве вы на них даже не взглянете? Какие тут жемчуга, какие бриллианты... Красотища!

Змей-Горыныч (отворачиваясь): Фу! Была бы охота! Настоящему злодею может нравиться только одно – когда всё вокруг горит, рушится, гибнет, когда все горюют и тоскуют. Вот это и в самом деле – красоти-и-и-ща!

Первый Дракозаяц (подлизываясь): И я тоже так думаю, ваше змейшество! Тоже! Правда, это... Что-то беспокойно мне... А вдруг, Захарка в ваш дворец заявится, и сокровища назад потребует?

Змей-Горыныч: Кто заявится? Ты в своём уме? До нас от Трамтарарамдии сто дней пути конному, и год пешему. Да и то, если только он дорогу найдёт! А ещё пусть попробует

прорваться через заколдованные буреломы.

Второй Дракозайчик (с надеждой в голосе): Ваше трёхглавие, прямо – никому-никому-никому сюда не добраться?!!

Змей-Горыныч (нехотя): Так-то – да, никому не пройти, кроме... (оглядывается по сторонам) Кроме того, кто придет сюда на хромой лошади. На такого моё колдовство не подействует.

Первый Дракозайчик: Но ведь об этом же никто не знает! Значит, бояться нам нечего. Ура-а-а!!!

(Все сразу замолкают, услышав неровный топот конских копыт. Слышится голос Захарки)

Захарка: Тпру, кляча! Приехали в царство змеево! Где там Змей-Горыныч?! Зме-эй! Выходи! Биться с тобой сейчас буду!..

Все трое: О-ё-ёй-й-й-й!.. Ма-ма!..

(Раздается громкий стук, входит Захарка).

Змей-Горыныч (взяв себя в руки): Ты кто такой? Как посмел прийти ко мне без моего дозволения?

Захарка: Я – царский стражник Захарка Недосыпов! Пришёл за украденными тобой сокровищами. Не отдашь добром – будем биться насмерть!

Змей-Горыныч: Да знаешь ли ты, дурень неотёсанный, что я тебя сейчас в один миг проглочу?!! А знаешь ли ты, что мои слуги в один миг изрубят тебя в лапшу? Эй, Дракозайцы, изрубить этого бездельника!

Первый Дракозаяц: Я бы его изрубил, ваше змейшество,

да у него, по-моему, меч имеется!

Второй Дракозаяц: И я бы его изрубил, ваше трёхглавие, но его меч, думается мне, очень острый!

Змей-Горыныч: Что я слышу?! Мои неустрашимые слуги испугались?! Но ведь вы же свирепые!

Дракозайцы: Свирепые!

Змей-Горыныч: Вы же кровожадные?

Дракозайцы: Кровожадные!

Змей-Горыныч: Тогда исполняйте моё повеление!

Дракозайцы (достав свои кривые сабли, дрожа, идут на Захарку, повторяя): Мы Захарку не боимся! Мы Захарку не боимся!

Захарка (что-то пряча под плащом): Может, меня и не боитесь, зато вы боитесь кое-чего другого.

Дракозайцы (испуганно пятясь назад, с дрожью в голосе): Че-че-чего это мы-мы-мы бо-бо-боимся?..

Захарка: Щекотки вы боитесь! (выхватывает из-под плаща веник) Ура-а-а! В атаку! (кидается на Дракозайцев, те, бросая сабли и, испуганно вопя, удирают сломя голову) Ну, Змей-Горыныч, Дракозайцы твои драпанули, настал твой черед! Хоть ты и о трех головах, да один теперь остался. Отдавай украденное!

Змей-Горыныч: А давай силами меряться? Кто окажется сильнее, того и сокровище.

Захарка: Отчего ж не померяться? Померимся! Говори, как хочешь силу испытать.

Змей-Горыныч: А давай попробуем, кто сильнее топнет ногой? Знаешь ли ты, что если я топну, то от этого даже стены моего замка закачаются!

Захарка: Ну, покажи, покажи!..

Змей-Горыныч (топает ногой, слышен сильный грохот). Ну, что, испугался? Сам-то так сможешь?

Захарка (смотрит в потолок, озабоченно): Смогу, смогу... Только вот потолок у тебя какой-то слабый. Кабы не обвалился... Ты, вот что... На всякий случай отвернись и пригнись, а то, чего доброго, на голову всё рухнет и пришибет тебя. А «скорую» сюда к вам не вызовешь.

(Змей-Горыныч отворачивается, испуганно съеживается, начинает трястись. Захарка достает петарду, зажигает и бросает на пол. Хлопок, Змей-Горыныч испуганно подпрыгивает и шарахается в сторону, боязливо глядя на потолок).

Змей-Горыныч: Хватит, хватит Захарка! Больше не топай! А то мне жить будет негде. Давай по-другому мериться. Вот, я сейчас возьму камень и превращу его в труху. Смотри же! (берёт бутафорский «камень» и разламывает его на несколько частей) А ты так сможешь?

Захарка (пренебрежительно): Камень-то, небось, весь потресканный... Сам, поди, мог развалиться, только тронь его. Ты попробуй превратить в ничто камень гладкий и неподъёмный... (приносит туго надутый воздушный шар, делая вид, будто несет тяжеленный валун).

Змей-Горыныч (заливается хохотом): Да где ж тебе, сла-

баку, раздавить в ничто эдакую глыбищу?! Она и мне-то не по зубам!..

(Шар лопается, Змей-Горыныч оборвав хохот, с испуганным воплем кидается в сторону).

Змей-Горыныч: Ой, Захарка! Хватит! И откуда только в тебе такая силища? А давай попробуем, кто громче свистнет? Вот, сейчас я...

Захарка (перебивая): А что это всё ты, да ты первый? Теперь давай первым буду я. Приготовился? Три, четыре! (свистит в свисток наподобие милицейского, Змей-Горыныч с воплем кидается прятаться за один из сундуков) Что, Змей, страшно стало?

Змей-Горыныч (выглядывая из-за сундука, дрожащим голосом): О-о-очень! Ты свистишь, а мне слышится: «На пятнадцать суток! На пятнадцать суток!..» Слышь, Захарка, а ты, часом, не внук Соловья-Разбойника?

Захарка (многозначительно): Троюродный! А что, похож? (широко улыбаясь, выпячивает грудь)

Змей-Горыныч (обиженно): На Соловья – не очень. А вот разбойник – вылитый! Ладно, Захарка, твоя взяла... Вот трамтарарамские сокровища. Забирай... (зрителям) Ну, ничего, ничего! Сейчас, как будет пробираться через буреломы, нашлаю я на него бурю черную, губительную. А потом и сам прилечу, съем... Ха-ха-ха-ха-а-а!... И Захарку, и клячу его хромую!

Захарка (забрав мешок с сокровищами): Слушай, Горы-

ныч, а что ж ты к Новому году свой замок не прибрал? И елка у тебя какая-то страхоглядная, и зал захламлен. Кругом всё замусорено, стены в паутине... Вон, даже у Бабы-Яги, избушка подметена, пыль везде протёрта. Ох, и ленивый же ты, Змей, не Горыныч, а Погорелыч! Вон, даже роза в кадке завяла. Надо бы полить! (берёт с пояса фляжку, откручивает пробку)

Змей-Горыныч (умоляюще): Ой, Захарушка, ничего не надо поливать! Ни-че-го! Розу я потом полью, как агроном-любитель. Честно, честно!

Захарка: Да, чего тянуть-то? Вдруг забудешь? (подходит к кадке и поливает цветок)

(слышен звук гонга, вспыхивают фейерверки, на мгновение гаснет свет... Захарка оглядывается – Змея-Горыныча нигде не видно. Он не замечает появившихся под по-толком трёх бумажных воздушных змеев.)

Захарка: Эй, Горыныч! Ты где? Куда спрятался? Ну и ладно, прячься на здоровье. А мне назад пора. Наши трамтарарамцы праздника заждались!

(Захарка уходит, слышен топот копыт, крадучись появляются Дракозайцы).

Дракозайцы (хором): Ваше змейшество-о-о! Ваше трёхглавие-е-е! Ау-у!

Первый Дракозаяц: Куда он мог деться?

Второй Дракозаяц: Ума не приложу! Вот если бы исчез Захарка, можно было бы подумать, что его изволил проглотить

их змейшество. А уж чтобы наоборот, чтобы Захарка проглотил Змея-Горыныча... Не-е-е-т, такого в страшном сне не привидится!

Первый Дракозаяц: Смотри, а что это там вверху болтается? Откуда оно взялось? Что-то оно мне очень напоминает... Это опять чьи-то сны?

Второй Дракозаяц (всплескивая руками): Что ты! Это же наш повелитель, он превратился в игрушку – в бумажного воздушного змея! Так я и знал, что этим всё кончится! Какое горе! Кому мы теперь будем служить?!

Первый Дракозаяц: Кому теперь будем помогать творить злодеяства?!

Второй Дракозаяц: А пойдем-ка в услужение к Кощею Бессмертному! У него золота – целые горы!..

Первый Дракозаяц: Ага! Чтобы с ним за компанию над золотом чахнуть? Очень нужно! Лучше пошли к Бабе-Яге. У той хоть пирогов вволю наедемся.

Второй Дракозаяц (держится за живот): Ой, что-то есть вдруг захотелось! Ну, ты чего топчешься? Побежали, побежали к Бабе-Яге!..

* * *

Действие пятое

Царский дворец. Дормидонт Первый, заложив руки за спину, расхаживает по тронному залу, а за ним хвостом бегают придворные, о чём-то озабоченно шушукаясь. Царь смотрит хмуро, всем недоволен, всё ему не нравится. Отдельно под вывеской «Фирма «Ясновидец» стоят Знахарь, Магистр и Факир. Проходя мимо них, царь останавливается.

Царь: Ну и что вы можете сказать, где сейчас Захарка? Нашёл ли он сокровища? Говори ты, Знахарь!

Знахарь: Звиняйте, ваше амператорско величество, только бесплатных консультациев мы сейчас не даем.

Царь (Министру): Дай им по медному пятаку! Будет с них и этого!

(Министр, сокрушённо мотая головой – опять расходы, раздаёт всем троим по пятаку).

Знахарь (похлопав себя по карману, накрывает голову платком и три раза бьет по ней своей рогулькой): Я так ведаю, царь-батюшка, что Захарка сейчас в... э-э-э... в брюхе Змея-Горыныча. Сидит там, горю-ю-ю-ю-нится...

Царь: Туда и дорога этому бездельнику! Всё равно, если бы вернулся без сокровищ, посадил бы его в темницу.

Придворные (хором): Правильно, правильно ваше величество!

Царь: А скажи-ка мне Магистр, он из брюха змеева скоро

выберется?

Магистр (подавшись вперёд, смотрит в подзорную трубу): Ваш величество! Царь-батюшка! Мой коллег выразиться в переносный смысл. На самом деле, Захарио блуждайт в глубокий, тёмный пещер, в Берберейских горах.

Царь: Сокровища при нём?

Магистр: Я же скажит, что там темно и ничего не видайт...

Царица (мечтательно): Пещера-то, небось, большая, просторная... (царю) Нам бы тоже надобно погреб побольше вырыть, а то кадки с капустой и огурцами ставить негде!..

Царь (отмахиваясь от нее) А! Нашла о чём вспомнить!.. (Магистру) Ну, хотя бы приблизительно, можешь сказать, когда он выберется из этой, побери её нелегкая, берберейской пещеры?

Магистр: Ваш величество, учитывая масштаб этот пещер, не раньше следующий год!

Придворные (разочарованно): У-у-у-у-у-у!..

Царь: Что-то больно долго... Может, Факир точнее скажет?

Факир (складывая руки перед собой и кланяясь): Слушаю и повинуюсь, о величайший из величайших! Разрешите немного помедитировать!

(Снова изображает верблюда, все тут же разбегаются подалее. Но Факир, подпрыгнув, с выпученными глазами и раздутыми щеками, немного помедлив, плеватьса разду-

мал).

Факир: Великое достояние царства Трамтарарамского – бесценное сокровище, равного которому...

Царь (нетерпеливо потрясая стиснутыми кулаками): Слушай, Гарри Поттер! А без этих дальних заходов можно?!

Факир (с заунывным завыванием): Можно, о грознейший из грозных... Стражник Захарка уже вышел из пещеры и сейчас он... м-м-м... в гнезде птицы Гаруды, свитом на самой высокой из гор Берберейских.

Царь (размахивая рукой): Так у неё же нет гнезда, у этой твоей Зануды... Или, как её там? Гаруды!

Факир (умильно улыбаясь): Уже, уже успела свить!

Царица: Ни-че-го себе! Шу-у-у-страя птичка... И что же он там делает?

Факир (мнется, потом изображает, что он как будто кого-то укачивает на руках): Нянчит птенчиков Гаруды! А-а-а! А-а-а!..

Придворные дамы (прижимая руки к сердцу): Ах, как трогательно! Шарман! Шар-ман!

Царь (снимает корону, чешет затылок): Действительно, ещё та птаха... Надо же – и гнездо в один миг свила, и птенцов уже высидела. (утвердительно) А сокровищ там, в этом самом гнезде, ясное дело, нет!

Факир (заверяюще машет руками): Есть, о мудрейший из мудрейших, есть! Они там, о величайший!

Царь: Ну, наконец-то! Хоть что-то дельное сказал. Только,

когда же он сюда вернётся?

Факир: О, драгоценнейший из драгоценных! Захарка вернется только тогда, когда птенчики вырастут и на своих могучих крыльях воспарят в небо. Они сами принесут его сюда, и...

(Слушая его, дамы начинают закатывать глаза и качаться, намереваясь упасть в обморок. Но упасть не успевают. Перебивая Факира, откуда-то доносится громкий возглас Захарки).

Захарка: Тпру, конь мой богатырский! Молодец! Хвалю за службу! (в ответ слышится «И-и-и-го-го-го-го!») Овес кушать начи-най! (в ответ: «Хруп! Хруп! Хруп! Хруп!»)

Факир: Я же сказал, о грандиознейший из грандиозных, что птенчики сами принесут его сюда! Вот и принесли-и-и!

Захарка (входя в тронный зал): Докладываю, ваш-ше величество! Змей-Горыныч побеждён, сокровища доставлены в целости и сохранности! Извольте принять!

Царица (выхватывая мешок и, заглядывая внутрь): Ой! И в самом деле! Это они!!! Дормидонтушка... То есть, ваше величество, поскорее зачитывайте указ, а то засиделись мы в старом году!

(Царь с неприступным, важным видом вновь начинает расхаживать, видимо, желая, чтобы его поугovarивали. Придворные бегают за ним и просительно стонут: «Ну, ва-а-ше величество! Ну, прочита-а-йте, а-а-а?!..» И тут слышится бой часов. Все замирают. Царь, буквально ошарашен этим.

Он достаёт из-под мантии указ и растерянно озирается).

Царь: В чём дело? Кто посмел? Ведь я указ ещё не зачитал!..

(Входят Дед Мороз и Снегурочка. Снегурочка ведёт за руку Бабу-Ягу, та – Змея-Горыныча, теперь он светло-изумрудный, в розовый и синий цветочек. За ним входят переменившиеся, как и их хозяин, Дракозайцы. Они идут вокруг елочки и поют новогоднюю песню. К ним присоединяются царица и придворные).

Царь (Деду Морозу, возмущенно топая ногами): В чём дело? Почему Новый год наступил без моего указа? Я – царь или не царь?! (бьёт себя в грудь кулаком)

Дед Мороз: Ты – царь. Но только в своей Трамтарарамдии. А Новый год – он никому не подчиняется. Он наступает сам, в положенный ему срок.

Царь: Хм... Дед Мороз, тогда, как же тебе удалось растянуть последние пять минут перед Новым годом?

Дед Мороз: А вот новогодние чудеса – это в моей власти. Просто, хотелось, чтобы получилась новогодняя сказка. И, как видишь, сказка удалась!

Царь (направляясь к елке): Безобразие! Ухожу в отставку! Пусть правит, кто хочет! (Снимает корону, куда-то её забрасывает и становится вместе со всеми в хоровод)

Дед Мороз (зрителям): Ну, вот и сказке конец. Кто был с нами – молодец! Счастья вам и удачи! С Новым годом!

К О Н Е Ц